РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ.

ТОМЪ СЕМЬДЕСЯТЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

1868

МАРТЪ.—4

I 15/1

802-13/197

СОДЕРЖАНІЕ:

I. СКАЗАНІЯ О НАЧАЛѢ МОСКВЫ. И. Д. Бѣляева.

II. ГОСУДАРСТВО И ПРОВИНЦІЯ. Окончаніе. А. Д. Градовскаго.

III. ИЗЪ ПОЭМЫ „БРАТЬЯ“. Гл. V—VI. Я. П. Полонскаго.

IV. ГАТЧИНСКАЯ МАШКАРАДА. Эпизодъ изъ новаго историческаго романа: *Курляндскіе претенденты*. Н. В. Кукольника.

V. ОСАДА УРА-ТЮБЕ И ДЖИЗАГА. Воспоминанія объ осенней экспедиціи 1866 года въ Туркестанской области. I—V. М. А. Зиновьева.

VI. МОИ СКИТАНІЯ ПО БѢЛУ СВѢТУ. Іерусалимъ. Н. В. Берга.

VII. СУДЕБНАЯ РЕФОРМА ВЪ ПРИВИСЛЯНСКОМЪ КРАѢ. М. Соловьева.

VIII. ОБЪЯСНЕНІЕ ДЖОРДЖА СИЛЬВЕРМАНА. Разказъ Диккенса. Переводъ съ англійскаго.

IX. РАЗЛИЧНЫЯ ФАЗЫ ВОСТОЧНАГО ВОПРОСА. 1866—1868. I. Алека.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

МОЯ НЕВѢСТКА. Романъ. Переводъ съ англійскаго. Часть вторая. Гл. IV—VII.

ЛУННЫЙ КАМЕНЬ. Романъ. Соч. Вильки Коллинза. Переводъ съ англійскаго. Гл. XI—XV.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ,

издаваемый

М. Катковымъ.

ТОМЪ СЕМЬДЕСЯТЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи (Катковъ и К°).
На Страстномъ бульварѣ.
1868.

ОСАДА УРА-ТЮБЕ И ДЖИЗАГА.

Воспоминанія объ осенней экспедиціи 1866 года въ Туркестанской области.

Лѣтомъ 1866 года, по распоряженію высшаго начальства, я получилъ командировку въ Туркестанскую Область. Я прибылъ въ область именно въ тотъ моментъ, когда готовилась большая экспедиція противъ бухарскаго эмира, и мнѣ удалось, такимъ образомъ, принять участіе въ экспедиціи, которая, по значенію своему въ общемъ ходѣ военныхъ дѣйствій въ Средней Азіи и по важности достигнутыхъ результатовъ, занимаетъ одно изъ видныхъ мѣстъ въ исторіи нашихъ средне-азіятскихъ завоеваній.

Туркестанская Область и наши средне-азіятскія дѣла въ послѣднее время стали обращать на себя общее вниманіе русской публики. Офиціальныя извѣстія, частныя письма, корреспонденціи, журнальныя статьи оттуда посылаемыя читаются съ жадностью. Но до настоящаго времени не появлялось въ печати, кромѣ офиціальныхъ реляцій о сраженіяхъ и объ осадахъ городовъ, ни одного извѣстія, ни одной корреспонденціи собственно съ театра войны. Между тѣмъ очевидно, что пока Туркестанская Область не устроилась въ качествѣ русской провинціи и ведется здѣсь война, ни одно изъ здѣшнихъ предпріятій нашихъ не имѣетъ такого значенія, какъ военная экспедиція; ни одно извѣстіе, слѣдовательно, не заслуживаетъ такого вниманія, какъ описаніе военныхъ дѣйствій.

Прислушиваясь въ различныхъ кружкахъ къ мнѣніямъ, высказываемыхъ даже военными людьми, о военныхъ дѣйствіяхъ въ Средней Азіи, нельзя не придти къ убѣжденію, что большинство не имѣетъ вѣрнаго понятія объ образѣ веденія войны съ средне-азіятскими народами. Такіе факты, какъ взятіе, напримѣръ, генераломъ Черняевымъ съ отрядомъ въ 700 или 800 штыковъ, города Ташкента съ его 100-тысячнымъ народонаселеніемъ, пораженіе генераломъ Романовскимъ сорокатысячнаго отряда бухарскаго эмира, взятіе штурмомъ крѣпостей съ семисаженными профилями, защищаемыми тысячами Бухарцевъ или Коканцевъ, горстью русскихъ солдатъ,—такіе факты, какъ ни отдѣлывайся общими фразами, остаются необъясненными, при чемъ, по свойственной людямъ слабости, старающійся объяснить себѣ эти непонятные факты невольно впадаетъ въ крайности, или преувеличивая слабость Бухарцевъ, или же обратно—чрезъ мѣру превознося силу Русскихъ.

Искреннее желаніе хотя сколько-нибудь способствовать раскрытію истины, сообщить какъ ведется война въ Средней Азіи, что̀ такое Бухарецъ или Коканецъ какъ воинъ, желаніе въ то же время, чтобъ отдана была должная справедливость русскимъ войскамъ, обреченнымъ на трудности войны на самыхъ дальнихъ предѣлахъ Имперіи: вотъ что̀ руководствовало мной при составленіи моихъ воспоминаній.

Короткое время, проведенное мной въ Туркестанской Области, не дозволяетъ мнѣ выполнить надлежащимъ образомъ эту задачу, но что̀ дѣлать! Потому, безъ претензіи на строгій историческій трудъ, рѣшаюсь представить мои воспоминанія объ одной экспедиціи, составленныя на основаніи неполныхъ дневныхъ замѣтокъ, какія можно было вести на походѣ, въ самой неблагопріятной, конечно, для этого занятія обстановкѣ, часто употребляя крышу передковаго ящика вмѣсто стола, а за неимѣніемъ бумаги—листки, вырванные изъ приходо-расходной книжки.

Предупреждаю читателей, что воспоминанія мои далеко не составляютъ полнаго описанія экспедиціи. Извѣстно, что принимающіе непосредственное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ всѣхъ менѣе знаютъ объ общемъ ходѣ этихъ дѣйствій. Нѣтъ, я предполагаю говорить лишь о тѣхъ эпизодахъ, въ которыхъ я былъ участникомъ, или которые, по крайней мѣрѣ, происходили на моихъ глазахъ, остальные же будутъ

упоминаться мной лишь для возстановленія связи въ разказываемыхъ событіяхъ.

Надѣюсь, что принявъ во вниманіе мое положеніе участника, читатели извинятъ мнѣ нѣкоторыя неточности, помимо желанія моего проскользнувшія въ мои воспоминанія.

I.

Въ концѣ августа 1866 года дѣла наши въ Средней Азіи приняли слѣдующій оборотъ. (Постараюсь быть какъ можно короче при ихъ изложеніи.) Всѣмъ извѣстно, что главный начальникъ края, генералъ Крыжановскій, уѣзжая осенью 1865 года изъ вновь завоеваннаго Ташкента, далъ инструкціи тогдашнему военному губернатору вновь созданной Туркестанской Области въ томъ смыслѣ, чтобы по возможности удерживаться отъ военныхъ дѣйствій съ бухарскимъ эмиромъ и коканскимъ ханомъ и заняться преимущественно устройствомъ края. Мысль объ исключительно мирномъ направленіи нашей политики въ Средней Азіи въ скоромъ времени усвоена была всѣми Русскими: на сохраненіе мира всѣ надѣялись и всѣ разчитывали. Но, какъ извѣстно, мирныя ожиданія не сбылись, и война начата, но не нами. Генералъ Черняевъ, изъ желанія сдѣлать пріятное эмиру, выразившему какъ-то непремѣнное желаніе видѣть въ стѣнахъ Бухары русскихъ офицеровъ, и по особой его просьбѣ, послалъ къ нему нашихъ офицеровъ и чиновниковъ. Въ Бухарѣ они были арестованы. Пришлось выручать ихъ. Тогда предпринятъ былъ зимній походъ въ Джизагъ, ничѣмъ не кончившійся и ничего не разрѣшившій.

Джизагскій бекъ Якубъ, родомъ Персіянинъ, донесъ эмиру, что русскій отрядъ разбитъ, что мы ушли со стыдомъ, *съ обритыми бровями*, и что за освобожденіе Русскихъ можно потребовать возвращенія не только Ташкента, но и Чимкента и Туркестана.

Эмиръ, сильно ободренный мнимымъ успѣхомъ, самъ перешелъ въ наступленіе, собралъ многочисленныя полчища и двинулся чрезъ Джизагъ и Ура-Тюбе къ берегамъ Сыръ-Дарьи. Надо отдать эмиру справедливость, что распоряженія его въ военномъ отношеніи были далеко не лишены смысла. Оставаясь съ главными силами у крѣпости Нау, онъ отправилъ значительный отрядъ на правую сторону Сыръ-Дарьи къ Чирчику, а другой къ крѣпости Чардара. Стóитъ бросить бѣглый взглядъ на карту, чтобъ убѣдиться, что распоряженія эти не лишены стратегическаго смысла. За то исполнители эмировыхъ предположеній показали себя весьма слабо. Его чирчикскій отрядъ окружилъ занятую нами и находящуюся верстахъ въ пятидесяти отъ Ташкента, на Ходжентской дорогѣ, крѣпостцу *Кереучи*, но не рѣшился на серіозное нападеніе. Только легкіе отряды бухарскихъ войскъ посылалъ онъ почти до самаго Ташкента, и жители были одни въ страхѣ, другіе въ ожиданіи.

Въ Ташкентѣ были даже пойманы эмиссары бухарскіе съ возмутительными письмами, дошедшими въ руки весьма вліятельныхъ обывателей этого города. Носился слухъ о существованіи въ Ташкентѣ обширнаго заговора съ цѣлью перебить всѣхъ Русскихъ.

Главныя силы эмира были наголову разбиты Романовскимъ подъ Ирджаромъ. Эмиръ бѣжалъ въ Самаркандъ. Генералъ Романовскій, воспользовавшись впечатлѣніемъ Ирджарскаго сраженія, двинулся впередъ и взялъ Нау и Ходжентъ, отрѣзавъ такимъ образомъ Бухару отъ Кокана. Эмиръ выдалъ нашихъ посланниковъ, и за тѣмъ, безъ всякихъ мирныхъ переговоровъ, военныя дѣйствія временно прекратились.

Появленіе бухарскихъ войскъ у береговъ Сыра должно было всякій разъ производить сильную тревогу въ Ташкентѣ. Пока Ташкентъ не обезпеченъ окончательно отъ нападенія Бухарцевъ, въ жителяхъ его не могла быть утверждена та увѣренность въ сохраненіи внутренняго спокойствія и полнаго обезпеченія жизни и состоянія, какая необходима для людей, по характеру своему, исключительно промышленныхъ и торговыхъ. Для успокоенія Ташкента, а съ нимъ и всего края, надо было обезпечить его отъ возможности нападеній со стороны эмира. Это именно желаніе, а также желаніе исправить нашу границу, которая со взятіемъ Ходжента и Нау угломъ врѣзалась въ бухарскую территорію, и были,—какъ, по крайней мѣрѣ, говорили въ мое время въ Ташкентѣ,—одною изъ причинъ экспедиціи.

Но кромѣ того, поведеніе относительно насъ самого эмира, принявшаго было послѣ Ирджарскаго сраженія тонъ весьма почтительный и даже покорный, въ скоромъ времени сдѣлалось дерзко и надменно. Послѣднія письма къ нему турке

станскаго военнаго губернатора онъ оставилъ безъ отвѣта и на предложенныя ему условія мира не отвѣчалъ почти ни слова. Между тѣмъ достовѣрно было извѣстно, что крѣпость Ура-Тюбе усиливалась чрезвычайно, что много войскъ собрано эмиромъ въ лагерѣ подъ Джизагомъ, и что вообще въ Бухарѣ ожидаютъ не мира, а неминуемой войны. Говорили, что въ виду такихъ поступковъ со стороны эмира, генералъ Крыжановскій, тотчасъ по прибытіи въ Ташкентъ, отнесся къ нему съ письмомъ, въ которомъ настоятельно требовалъ, подъ опасеніемъ возобновленія военныхъ дѣйствій, высылки къ извѣстному сроку уполномоченнаго для заключенія мирнаго договора и немедленнаго прекращенія разбойническихъ набѣговъ на нашихъ подданныхъ въ окрестностяхъ Нау, Ирджара и пр.

Какъ увидимъ изъ нижеслѣдующаго, уполномоченный эмира дѣйствительно прибылъ въ Ходжентъ и погостилъ у насъ только нѣсколько дней. Повидимому, со стороны эмира чистосердечнаго желанія заключить миръ въ то время не было.

Еще до пріѣзда въ Ташкентъ генерала Крыжановскаго, пріѣзда, состоявшагося во второй половинѣ августа мѣсяца 1866 года, начались военныя приготовленія. Въ теченіе лѣта въ только-что занятомъ Ходжентѣ сосредоточенъ былъ сильный передовой отрядъ и собрано было много запасовъ разнаго рода на случай экспедиціи. Съ 1-го сентября двинуты были изъ Ташкента и другихъ городовъ остальныя войска, и въ періодъ времени отъ 8-го до 10-го сентября въ Ходжентѣ собрался отрядъ изъ 19½ ротъ пѣхоты, пяти сотенъ кавалеріи, 6 конныхъ и 20* пѣшихъ орудій. Для батареи нашей, какъ и для большей части отряда, экспедиція началась такимъ образомъ со 2-го сентября. Одинъ дивизіонъ нашей батареи, расположенный въ Ташкентѣ, 2-го сентября получилъ приказаніе двинуться въ Ходжентъ на соединеніе съ находящимся тамъ вторымъ дивизіономъ. Отъ Ташкента до Ходжента, по выданному намъ маршруту, считалось 160 верстъ, но какъ версты здѣсь никогда не мѣрялись, то можно смѣло положить,

* Въ число орудій, здѣсь упомянутыхъ, не вошелъ особый дивизіонъ, сформированный изъ четырехъ полупудовыхъ мортиръ.

что ихъ до Ходжента около 200. Я не буду описывать подробностей этого похода. О походныхъ движеніяхъ, играющихъ весьма важную роль въ здѣшнихъ экспедиціяхъ, придется еще много говорить въ послѣдствіи.

Пространство это, на которомъ послѣднія 100 и даже болѣе верстъ пришлось сдѣлать по совершенно почти безводной пустынѣ (на протяженіи 100 верстъ вода встрѣчается лишь въ двухъ мѣстахъ и притомъ въ одномъ мѣстѣ соленая), мы прошли въ шесть дней, сдѣлавъ только одну дневку, и то потому что, по неимѣнію проводниковъ, пропустили станцію Рабатъ, находившуюся въ сторонѣ отъ дороги, вслѣдствіе чего и пришлось, не останавливаясь, идти до слѣдующей воды, сдѣлавъ, вмѣсто одного, заразъ два перехода.

8-го сентября мы прибыли въ Ходжентъ, переправились чрезъ Сыръ-Дарью и расположились лагеремъ за Ходжентомъ, близь Науской дороги. Въ Ходжентѣ мы остались двѣнадцать дней, стоя бивуакомъ и находясь въ совершенной неизвѣстности относительно готовившихся, и судя по численности собраннаго отряда, весьма серіозныхъ дѣйствій. Воинственная молодежь наша начинала уже приходить въ отчаяніе отъ мысли, что экспедиція не состоится, тѣмъ болѣе, что въ Ходжентъ прибылъ посланникъ бухарскаго эмира, нѣкто Хамидулла-Ходжа, и переговоры велись дѣятельно. Съ коканскимъ ханомъ также продолжались сношенія. Стоя въ лагерѣ и проводя время въ совершенно мирныхъ занятіяхъ, какъ-то: въ производствѣ строевыхъ ученій, въ игрѣ въ карты и въ поѣздкахъ по окрестностямъ и городу, мы тщетно старались проникнуть въ тайны главнаго штаба, чтобъ узнать, по крайней мѣрѣ, куда двинутъ насъ — на Коканъ или на Бухару. И та, и другая экспедиція казалась возможною.

Дѣйствительно, наша новая передовая линія, послѣ событій совершившихся весною, направлялась отъ Чиназа по берегу Сыра на Нау и Ходжентъ. Такая позиція, выдающаяся на югъ, отдѣляла нѣкоторымъ образомъ Коканъ отъ Бухары и была выгодна во многихъ отношеніяхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣла и весьма важные недостатки. Вопервыхъ, она раздѣляла оба ханства далеко не совершенно, потому что между Ходжентомъ и непроходимымъ

смежнымъ хребтомъ слишкомъ 70 верстъ * по прямому направленію отъ Ходжента къ югу, а вовторыхъ, линія эта была подвержена нападеніямъ эмира съ фронта, а кокандскаго хана съ тыла.

Разказывали въ то время, что бухарскій эмиръ и кокандскій ханъ заключили оборонительный и наступательный союзъ, и что оба взаимно обязались, въ случаѣ нападенія нашего на одного изъ нихъ, немедленно дѣйствовать на нашъ тылъ и на наши сообщенія. Въ разказахъ этихъ было много правдоподобнаго, потому что со стороны Кокана выставлены были два отряда съ явно враждебною цѣлью, одинъ, довольно большой, на лѣвомъ берегу Сыра, по дорогѣ отъ Ходжента на Коканъ, верстахъ въ 60 отъ Нау, въ селеніи Маугемъ; другой, на правой сторонѣ рѣки, въ Кошарабадскомъ ущеліи. Первый угрожалъ Ходженту, второй—Зачирчикскому краю и Ташкенту. Не задолго предъ тѣмъ партія въ Кошарабадскомъ ущельи была атакована и разбита однимъ изъ нашихъ отрядовъ.

Не менѣе того, по уходѣ нашего отряда другая партія и сильнѣйшая заняла ущеліе, такъ что, собственно говоря, военныя дѣйствія съ Коканомъ и не прекращались. Бухарскія патрули также держались въ виду крѣпости и съ каждымъ днемъ, повидимому, усиливались. Мы замѣчали даже пикеты въ недальнемъ разстояніи отъ нашего бивуака, но бухарскіе или кокандскіе—неизвѣстно.

Бухарскій посланникъ, Хамидулла-Ходжа, пробывъ два дня въ Ходжентѣ, уѣхалъ. Съ его отъѣздомъ положеніе дѣлъ нашего отряда начало выясняться. Въ скоромъ времени стали назначать даже день выступленія, именно—20-го сентября.

* Хребетъ этотъ называется по-китайски Тянь-шань, по-русски—Небесный. Параллельно Тянь-шаню, между симъ послѣднимъ и Сыръ-Дарьей идетъ второстепенный хребетъ, извѣстный подъ названіемъ Кашгаръ-Даванъ. Гдѣ начало Кашгаръ-Давана на восточной сторонѣ, мнѣ неизвѣстно. Знаемъ лишь, что онъ направляется въ видѣ дуги, огибая Ходжентъ и Ура-Тюбе. Отроги его горъ продолжаются до Джизага. Въ нихъ же находится знаменитое Джизагское дефиле, извѣстное подъ названіемъ Тамерлановыхъ воротъ. Западнѣе Джизага, Кашгаръ-Дабанскія горы измѣняютъ свое направленіе и тянутся по широтѣ съ востока на западъ, вдоль сѣверной границы бухарскихъ владѣній. Главный же хребетъ Тянь-шань, проходя немного восточнѣе Ура-тюбе, круто поворачиваетъ съ сѣвера на югъ и идетъ на соединеніе съ Гинду-кушемъ.

II.

Наконецъ, къ общей, конечно, радости, наступилъ нетерпѣливо ожидаемый день 20-го сентября, назначенный для выступленія отряда и для движенія его, но куда именно, мы въ то время ничего не знали, а по наружнымъ даннымъ судить не могли. Съ лѣвой нашей стороны стояли кокандскіе отряды, съ которыми, какъ выше было сказано, боевыя встрѣчи почти не прекращались. Съ правой — бухарскіе пикеты, дѣйствовавшіе, какъ можно было съ большою вѣроятностію предполагать, въ союзѣ съ Коканцами.

Первый ночлегъ назначенъ былъ въ Нау. Это было первое распоряженіе, объяснившее, что непріязненныя дѣйствія мы предпринимаемъ противъ бухарскаго эмира, а не противъ кокандскаго хана, но какая именно цѣль экспедиціи, какъ далеко мы пойдемъ, какіе города и крѣпости будемъ брать на пути,—все это для насъ покрыто было глубочайшею тайной.

Большинство догадывалось, что Джизагъ былъ цѣлью экспедиціи, и разногласіе было лишь въ томъ, что одни предсказывали, будто бы находящійся въ разстояніи около 70 верстъ * отъ Ходжента большой городъ Ура-Тюбе мы обойдемъ, другіе же,—и, прибавимъ, болѣе знающіе здѣшніе порядки,—считали обходъ столь сильной крѣпости какъ Ура-Тюбинская и оставленіе ея у себя въ тылу дѣломъ антистратегическимъ и полагали взятіе Ура-Тюбе необходимымъ условіемъ для успѣха осады Джизага.

Выступленіе назначено было, сколько я помню, въ 7 часовъ утра, то-есть, въ этотъ часъ долженъ былъ выступить авангардъ, затѣмъ въ 9 часовъ самый отрядъ (le gros de l'armée), а въ 12 часовъ арріергардъ. Батарея наша должна была слѣдовать съ главнымъ отрядомъ.

Выступленіе произведено было съ подобающимъ церемоніаломъ. Войска провожали главный начальникъ края гене-

* Цифры разстояній показаны весьма часто лишь приблизительно, на основаніи продолжительности дѣлаемыхъ отрядомъ переходовъ.

ралъ Крыжановскій и военный губернаторъ Туркестанской области генералъ Романовскій, оба принимавшіе участіе въ экспедиціи. Отслужили молебенъ, священникъ окропилъ святою водой ряды солдатъ, четвероугольникомъ выстроенныхъ около аналоя. Затѣмъ люди разошлись. Всѣ заняли свои мѣста въ общей походной колоннѣ. Генералъ Крыжановскій пропустилъ мимо себя войска, и отрядъ длинною змѣей потянулся по Науской дорогѣ.

Такимъ образомъ, снова начался дальній походъ при однообразіи средне-азіятской природы, обѣщавшей повторить подробности сдѣланнаго нами недавно перехода изъ Ташкента въ Ходжентъ. Признаюсь, взявшись въ настоящее время за описаніе осенней экспедиціи 1866 года и поставивъ себя въ необходимость сказать что-нибудь и о походныхъ движеніяхъ, занимающихъ если не самую блистательную, то самую существенную роль въ экспедиціяхъ, я сильно боюсь надоѣсть своимъ читателямъ, говоря о монотонныхъ, съ періодическою правильностію повторяющихся ежедневныхъ подробностяхъ этой, откровенно сказать, чрезвычайно скучной и уже успѣвшей порядкомъ намъ надоѣсть операціи.

Впрочемъ, подробности похода въ здѣшней странѣ, носящей во всемъ отпечатокъ оригинальности, далеко не лишены интереса. Форсированные переходы (другихъ здѣсь почти и не бываетъ) по пустынямъ, гдѣ, какъ, напримѣръ, на переходахъ изъ Ташкента въ Ходжентъ, идешь верстъ 60 не встрѣчая ни капли воды, представляютъ много новаго для людей знакомыхъ лишь съ европейскими кампаніями. При томъ пройденное нами двухсотъ-верстное пространство отъ Ташкента до Ходжента не лишено занимательности и въ другихъ отношеніяхъ: характеръ мѣстности, попадающіяся на дорогѣ деревни или, какъ ихъ здѣсь называютъ, *кишлаки*, съ ихъ оригинальными обитателями, представляютъ много интереснаго для внимательнаго путешественника, въ особенности путешествующаго неторопливо, какъ путешествуетъ военный отрядъ, то-есть пѣшкомъ и шагомъ; но вниманіе каждаго служащаго, а тѣмъ болѣе командующаго частію, во время постоянныхъ форсированныхъ походовъ до такой степени поглощено служебными занятіями, что очень часто весьма крупныя и рѣзкія явленія совершенно ускользаютъ. Мелочныя заботы по сохраненію въ порядкѣ

части, гдѣ все на вашей отвѣтственности, отнимаютъ у васъ все время и все вниманіе.

Вы подошли, напримѣръ, къ горной рѣчкѣ, которая по своей стремительности, по прозрачности воды, по живописности береговъ, можетъ быть названа одною изъ самыхъ красивыхъ рѣчекъ въ мірѣ. Вы знаете, что эта рѣчка—священный, по вѣрованіямъ туземцевъ, Чирчикъ, но вамъ некогда почти посмотрѣть на нее, полюбоваться какъ, покрывшись бѣлою пѣной и брызгами, сердито катитъ свои чистыя воды Чирчикъ. Все вниманіе ваше поглощено переправой батареи. Съ непокойнымъ сердцемъ смотрите вы какъ осторожно спускаются въ рѣку орудіе за орудіемъ, ящикъ за ящикомъ, какъ, взявшись за руки, вереницей переправляются люди, неся на головѣ одежду. Вы видите, какъ, отнесенные напоромъ воды, чуть не всплываютъ легкіе горные единороги, и взвѣшиваете по этому обстоятельству опасность для вашихъ людей. И только тогда, когда выйдетъ изъ воды послѣдняя повозка обоза, когда убѣдишься, что никто не утонулъ, что заряды въ ящикахъ не подмочены,—вздохнешь свободнѣе и.... рысью поѣдешь къ головѣ батареи.

Вы пришли, напримѣръ, на ночлегъ, положимъ, на Джанбулакскую станцію, и несмотря на вашу усталость, не прочь бы, пока вываживаютъ коней, взобраться на верхъ каменнаго утеса, который, выдвинувшись на равнину изъ группы своихъ товарищей, одиноко торчитъ, какъ будто часовой, поставленный для ихъ охраненія. Вы бы не прочь взглянуть съ его вершины на обширную равнину, открывающуюся верстъ на 100 кругомъ, посмотрѣть какъ далеко, далеко отъ васъ серебряною лентой тянется здѣшняя великая рѣка Сыръ, а вмѣсто этого къ вамъ подходитъ фельдфебель и докладываетъ что Гомеръ *загорѣлся*, у Мальчика *упали мышки*, Черемисъ *обжегъ* плечи. Нечего дѣлать, отправляешься на коновязь, и видишь, что дѣйствительно коренники: Гомеръ, Мальчикъ и Черемисъ пострадали отъ тяжелаго перехода, и понуривъ головы, скучные стоятъ на коновязи, не трогая корму. Начинается объясненіе съ коноваломъ, изслѣдованіе причинъ порчи коней, распеканція ѣздовымъ и уноснымъ, распоряженіе о замѣнѣ больныхъ коней заводными. Смотришь — время и прошло. Началась уборка коней, хлопоты о доставаніи фуража, посылка на

свой страхъ, на свою отвѣтственность, въ глубь неизвѣстной страны,—страны неизвѣстной до такой степени, что вы не знаете навѣрное на русской ли вы территоріи или на бухарской, посылка, верстъ иногда за десять, за двадцать, фуражировъ почти безоружныхъ. А тамъ вечерняя заря, вечерній рапортъ фельдфебеля, распоряженіе о выступленіи на завтрашній день, возвращеніе фуражировъ. Послѣ чего, внутренно успокоенный, но тѣмъ не менѣе страшно утомленный, отправляешься въ палатку и спишь крѣпчайшимъ сномъ, пока трубачъ не проиграетъ *подгель*. Такъ живописная равнина и остается неосмотрѣнною.

Въ результатѣ и выходитъ, что сдѣлавъ продолжительное путешествіе по странѣ, гдѣ европейская нога ступаетъ, можетъ-быть, въ первый разъ, вынесешь много весьма практическихъ и полезныхъ свѣдѣній относительно военнаго похода, какъ-то: относительно пригонки конской аммуниціи, насчетъ вьюченія горной артиллеріи и т. п., но свѣдѣній общеинтересныхъ—такихъ свѣдѣній найдется передать очень немного.

Окрестности Ходжента, гдѣ мы шли, по справедливости считаются богатѣйшею, по растительной силѣ, мѣстностью Средней Азіи. Рисъ, хлопокъ, тутовыя, орѣховыя и персиковыя деревья, виноградъ, урюкъ, въ изобиліи растутъ на Ходжентской почвѣ, орошаемой водой Сыръ-Дарьи. Едва ли на сѣверномъ берегу этой рѣки найдется гдѣ-либо мѣстность, которая могла бы сравняться плодородностію съ Ходжентскою. Но пусть не воображаетъ читатель, что мы шли по зеленымъ полямъ, среди роскошной растительности, какую въ состояніи дать 39 и 40 градусъ сѣверной широты и названныя нами благопріятныя условія. Далеко нѣтъ; здѣшнее солнце шутить не любитъ, оно прожигаетъ насквозь земную кору на большую глубину, уничтожая до тла какіе бы то ни было признаки растительности. Только одну тощую колючку щадитъ или, вѣрнѣе сказать, не можетъ осилить его палящій лучъ, но ея тощая и сѣрая листва не въ состояніи оживить пейзажа. Находясь постоянно подъ пылью, самая зелень колючки приняла пыльный цвѣтъ, до того пыльный, что на большомъ разстояніи почти невозможно отличить, растетъ ли на землѣ что-либо, или же земля совершенно голая.

Здѣсь земля, въ полномъ смыслѣ этого слова, мертва, пока ея не оживитъ ирригація. Сарты большіе мастера на это, и работы ихъ по проведенію ирригаціонныхъ канавъ дѣйствительно заслуживаютъ полнаго удивленія. Они проводятъ эти канавы или, какъ ихъ здѣсь называютъ, *арыки* на весьма большое разстояніе, верстъ на 200 и болѣе, часто по горнымъ хребтамъ, такъ что невольно дивишься остроумію системы этихъ арыковъ. Только тогда съ безжизненной земли собираются баснословные урожаи, которымъ едва ли повѣритъ европейскій житель. Но, при малочисленности, сравнительно съ протяженіемъ земли, населенія, самое обиліе урожаевъ, позволяющее семейству кормиться съ одной десятины цѣлый годъ и удовлетворяющее такимъ образомъ весьма легко и при маломъ количествѣ обработанной земли годовому запросу малочисленнаго населенія, составляетъ причину того, что только подъ самыми городами или около деревень встрѣчаются обработанныя поля. Все же остальное огромное пространство этой въ высшей степени плодородной и способной къ произрастительности территоріи Средней Азіи, имѣетъ видъ совершенно безплодной степи. Рѣдко, рѣдко встрѣтятся на пути отдѣльныя группы жидкихъ тополей, посаженныхъ около какого-нибудь колодца или караванъ-сарая. Глазъ на минуту отдыхаетъ на этой купѣ зеленыхъ деревъ, затѣмъ опять равнины и равнины, сожженныя солнцемъ, покрытыя колючкой и пылью и изрѣдка пересѣкаемыя арыками.

Такимъ образомъ мы скоро оставили восхитительную аллею тополей, которыми обсажена Науская дорога подъ Ходжентомъ, и вступили на прокаленную почву, чрезвычайно пыльную, чрезвычайно некрасивую, представлявшую лишь ту выгоду, что по крайней мѣрѣ дороги по ней очень тверды и хороши, а это для батарейной батареи составляетъ столь важное преимущество, что за него охотно отдашь иногда живописность швейцарскихъ видовъ.

До Нау считается всего 24 версты, и несмотря на позднее выступленіе, мы пришли туда еще засвѣтло.

Нау—это маленькій городишка, сдавшійся генералу Романовскому во время весенней экспедиціи 1866 года. По обыкновенію, какъ и всѣ безъ исключенія здѣшніе города, онъ окруженъ высокою стѣной и глубокимъ рвомъ, составляющими непремѣнный аттрибутъ не только Сартовскаго города,

какъ бы онъ малъ ни былъ, но даже и нѣкоторыхъ деревень.

Навстрѣчу отряду вышла депутація городскихъ аксакаловъ, на этотъ разъ не одними только словами заявившихъ свое усердіе и угодливость начальству: чрезъ ихъ содѣйствіе заготовлено было для нашего отряда достаточное количество фуража и притомъ за цѣну довольно дешевую сравнительно съ ходжентскими цѣнами, которыя, послѣ двухнедѣльной стоянки нашего не столь многолюднаго, сколько многоконнаго отряда возрасли до невѣроятныхъ размѣровъ. Сотня маленькихъ сноповъ, фунтовъ въ 5 и 6 каждый, сѣяной травы джингурчки (клеверу), которою здѣсь кормятъ лошадей, продавалась въ послѣднее время по 8 и даже 9 рублей, пудъ ячменя стоилъ 80 коп., и цѣна его доходила даже до 1 р. сер.—цѣны, которымъ лѣтъ пять тому назадъ не повѣрили бы Бухарцы.

Мы вступили въ городскія ворота, и прошедши весь городъ, вышли на противоположную его сторону, гдѣ приготовлено было мѣсто для бивуака на обширной равнинѣ покрытой галькой. Не безъ затрудненій прошли мы по подгороднымъ садамъ. Недавно, повидимому, случилась какая-нибудь непредвидѣнная пертурбація съ здѣшними арыками, потому что всѣ они, ни-съ-того, ни-съ-сего, вышли изъ береговъ и произвели на улицахъ такую грязь, какую способна дать только плодородная, состоящая изъ чернозема и глины, почва Средней Азіи.

Обозъ нашъ по этой причинѣ потерпѣлъ совершенное fiasco. Отъ постоянныхъ скачковъ чрезъ арыки зыбкія колеса арбъ поломались; поломанныя арбы, отставъ отъ своихъ частей, протянулись на огромное пространство и привели тѣмъ въ крайнее смущеніе пришедшія на бивуакъ роты и батареи, которыя лишались такимъ образомъ, кто провіанта, кто полушубковъ и т. п. Долго еще, по разбивкѣ бивуака, продолжалась суета въ лагерѣ, посылались команды людей для высвобожденія завязшихъ арбъ, слышалась перебранка солдатъ съ аробщиками, визгъ аробщиковъ, понуждающихъ коней, похожій на крикъ кошки, когда ей наступятъ на хвостъ. Останавливаемый на пути поломанными арбами,—которымъ надо было волей или неволей помогать, потому что они заграждали узкую дорогу,—арріергардъ нашъ, выступившій позже нашего, пострадалъ особенно

сильно. Подтянулся онъ лишь къ 11 часамъ, и тогда только могъ вполнѣ успокоиться нашъ лагерь.

Въ Нау была сдѣлана дневка, не вслѣдствіе утомленія людей, такъ какъ здѣсь солдаты къ походамъ привычны, а вслѣдствіе какихъ-то, какъ ходилъ по отряду слухъ, политическихъ или, вѣрнѣе сказать, дипломатическихъ соображеній, заставлявшихъ генерала Крыжановскаго медлить началомъ непріязненныхъ дѣйствій. Въ какой степени справедливо это предположеніе, ручаться не могу: это была тайна отряднаго штаба, для нашего брата, строеваго офицера, непроницаемая. Мы простояли на нашемъ бивуакѣ цѣлый день, дожидаясь, какъ говорили въ отрядѣ, что слухъ о нашемъ выступленіи и рѣшительномъ намѣреніи идти впередъ заставитъ бухарскаго эмира согласиться на какія-то, неизвѣстныя намъ, требованія генерала Крыжановскаго, который предъявилъ эти требованія бухарскому посланнику, пріѣзжавшему для переговоровъ въ Ходжентъ въ то время, когда мы тамъ стояли бивуакомъ. Говоря откровенно, многіе изъ насъ даже боялись, чтобъ эмиръ бухарскій не согласился на мирныя предложенія и выговоренныя генераломъ Крыжановскимъ условія, и чтобы такимъ образомъ долгія приготовленія къ походу не разрѣшились ничѣмъ: чтобы гора не родила мышь. Но опасенія эти были совершенно напрасны. Отношенія государя къ подданнымъ въ среднеазіятскомъ государствѣ не таковы, какъ въ государствахъ европейскихъ. Что за дѣло эмиру, если половина его войска перебита въ сраженіи, если половина его городовъ разграблена сильнымъ непріятелемъ. Его личные интересы, правда, связаны съ интересами государства и народа, но, конечно, въ то время, когда задѣта личная страсть владѣтеля, изъ среды его подданныхъ не поднимается голоса, который бы былъ въ состояніи изобразить несчастное положеніе взятыхъ штурмомъ и разграбленныхъ городовъ и заставить замолчать личное чувство эмира. Кажется, не рискуя встрѣтить опроверженіе, можно сказать, что исторія Бухары за послѣдніе года никому неизвѣстна. Здѣсь даже на мѣстѣ ничего нельзя узнать положительнаго. Разказывать никто не хочетъ. Письменныхъ источниковъ нѣтъ никакихъ. Было бы, конечно, весьма любопытно узнать характеръ нынѣшняго эмира, съ которымъ судьба насъ связала, но едва ли

какимъ путемъ можно этого добиться. Могу передать лишь нѣсколько характеристическихъ чертъ, въ извѣстной мѣрѣ обрисовывающихъ эту личность, впрочемъ, съ оговоркой, что не вполнѣ ручаюсь за историческую вѣрность сообщаемаго.

Нынѣшній эмиръ бухарскій, султанъ Сеидъ-Музафферъ-ханъ, одинъ изъ младшихъ сыновей эмира Насрулла-Багадуръ-хана (умершаго лѣтъ девять тому назадъ отъ яду, даннаго ему одною изъ женъ его) былъ отчего-то особенно нелюбимъ отцомъ своимъ, почему и жилъ постоянно въ Кермени (одномъ изъ маленькихъ городовъ Бухаріи), въ отдаленіи отъ двора.

Красивый собой, отважный и преслѣдуемый въ то же время ненавистью отца, эмира жестокаго и ненавидимаго подданными, Музафферъ-ханъ собралъ вокругъ себя значительную партію недовольныхъ, и когда отецъ его умеръ, безъ особыхъ препятствій завладѣлъ престоломъ, убивъ предварительно, какъ это здѣсь водится, всѣхъ своихъ братьевъ.

Сдѣлавшись эмиромъ, Музафферъ-ханъ тотчасъ же началъ слѣдовать—и донынѣ слѣдуетъ неуклонно и во всемъ—примѣру своего отца, да, вѣроятно, и всѣхъ своихъ предшественниковъ. Кровожадный, развратный и неумолимый эгоистъ, онъ съ отвратительнымъ цинизмомъ пользуется властью исключительно для удовлетворенія низкихъ и животныхъ страстей своихъ; на жизнь и на имущество подданныхъ смотритъ не иначе какъ на собственность, неотъемлемо ему лично принадлежащую. Глубокій невѣжда и дикій изувѣръ, онъ въ собственномъ обогащеніи видитъ все искусство правителя, а въ грабежѣ сосѣдей свою славу. Объ исполненіи какого бы то ни было долга или обязанности не имѣетъ ни малѣйшаго понятія, будучи увѣренъ, что особа, столь высоко поставленная и столь могущественная, какъ эмиръ бухарскій, не можетъ быть связана никакими обязанностями и обязательствами. Еще менѣе доступны его пониманію правила чести, какъ мы ихъ разумѣемъ. Обманъ самый наглый служитъ основаніемъ его политики, и грубая сила замѣняетъ чувство справедливости и весь нравственный кодексъ.

Одаренный такими качествами, Музафферъ-ханъ вообразилъ себя назначеннымъ судьбой для возстановленія древняго царства Тамерлана, во всемъ его блескѣ. Разказываютъ,

будто онъ видѣлъ во снѣ, что ему суждено возстановить Казанское и Астраханское царства подъ своимъ скипетромъ.

Начались безконечныя и кровожадныя войны съ сосѣдями, въ которыхъ Музафферъ-ханъ оставался почти всегда побѣдителемъ. Слава о его военныхъ подвигахъ разнеслась по всей Средней Азіи и, еще болѣе прежняго, укрѣпила въ немъ самую дерзкую самоувѣренность и наглую надменность.

Можно ли было надѣяться заключить формальный миръ съ такимъ человѣкомъ, въ особенности теперь, когда онъ очень хорошо знаетъ огромное разстояніе, отдѣляющее его Бухару отъ театра военныхъ дѣйствій, когда онъ еще не терпитъ непосредственно отъ начатой имъ и несчастной для него войны. Въ трудныя минуты онъ наобѣщаетъ что̀ угодно, подпишетъ какое хотите обязательство, но никогда ничего не выполнитъ. Онъ врядъ ли даже въ состояніи понять, что можно заключить миръ на извѣстныхъ условіяхъ. Войну началъ онъ безъ объявленія, она ему не удалась, а потому онъ и ожидаетъ, что врагъ, его побѣдившій, будетъ пользоваться своею силой, возьметъ и раззоритъ всѣ города его, вырѣжетъ жителей, соорудитъ пирамиды изъ вражескихъ головъ и затѣмъ успокоится до новой войны. Такъ всегда поступали его дѣды, такъ дѣлалъ и онъ самъ, и того же ожидаетъ онъ отъ насъ. Конечно, въ головѣ его не можетъ,—не говорю: родиться,—не можетъ помѣститься мысль, что непріятель сильный, готовый къ бою и только-что одержавшій значительную побѣду, добровольно остановитъ свои успѣхи и безъ хитрости, безъ задней мысли, самъ предложитъ заключить миръ, не дорѣзавъ свою жертву. Такая политика не понятна Музафферъ-хану; она въ глазахъ его равносильна невозможной съ нашей стороны глупости, близкой къ умопомѣшательству, и по его убѣжденію, можетъ лишь доказать, что мы въ сущности такъ слабы, что не въ состояніи продолжать войну, и слабость нашу прикрываемъ хитрымъ обманомъ и притворнымъ великодушіемъ.

При такомъ положеніи дѣлъ трудно разчитывать на успѣхъ дипломатическихъ переговоровъ, трудно разчитывать, чтобъ эмиръ въ настоящее время сдѣлалъ что-либо въ отстраненіе нашего движенія впередъ, кромѣ пустыхъ обѣщаній и различныхъ уловокъ, съ цѣлью задержать отрядъ и выиграть время. Но послѣ его вѣроломныхъ поступковъ съ

генераломъ Черняевымъ и посланными имъ въ Бухару офицерами, задержанными эмиромъ, едва ли кто ему повѣритъ.

Какъ слѣдовало ожидать, такъ и случилось. Нетерпѣливые порывы воинственной молодежи были успокоены вечеромъ 21-го сентября появленіемъ приказа на завтрашній день о выступленіи.

Подняли насъ чрезвычайно рано, часа въ четыре. Было совершенно темно, когда зааммуничены были кони и окончена суматошная операція укладки на арбы и батарейныя повозки всѣхъ принадлежностей довольно сложнаго хозяйства батарей.

Наскоро, не вставая съ постели, выпилъ я стаканъ чаю, пока надъ моею кроватью снимали палатку. Тутъ же, чуть ли не къ самой кровати подведена была верховая лошадь, и окончивъ свой немногосложный туалетъ, я прямо съ постели сѣлъ на сѣдло. Чрезъ минуту и мѣдный чайникъ, и складная желѣзная кровать, и палатка были уже на возахъ, и батарея стала вытягиваться на дорогу. Сборы на походѣ не долги: практика очень скоро обучаетъ экономіи во времени, въ особенности столь пріятномъ, какъ время утренняго сна.

Мы вытянулись на дорогу очень рано, но принуждены были дожидаться не мало времени пока соберется отрядъ, пока части, согласно диспозиціи, займутъ свои мѣста въ походной колоннѣ, пока уйдетъ впередъ и возьметъ надлежащую дистанцію авангардъ, пока поручикъ М*, завѣдывавшій артиллерійскимъ паркомъ, возстановитъ порядокъ между своими тремя или четырьмя стами арбщиковъ и двинетъ ихъ въ одну или двѣ арбы, смотря по ширинѣ дороги.

М*, человѣкъ вообще чрезвычайно аккуратный, сильно хлопоталъ объ обученіи своей азіятской команды стройности и порядку въ движеніяхъ. Разказывали, что на походѣ изъ Ташкента въ Ходжентъ онъ имъ дѣлалъ настоящія конныя ученія, заставляя вздваивать ряды и перестраиваться на ходу сообразно свойствамъ дороги, и—какихъ чудесъ не дѣлаетъ настойчивость—достигъ, въ этомъ отношеніи, замѣчательнаго успѣха. Его арбщики дѣйствительно усвоили нѣкоторыя элементарныя правила военнаго устава, и по прибытіи на ночлегъ, сдѣлавъ правильный заѣздъ плечемъ, тщательно

выравнивали свои арбы. Поставленные въ зависимость отъ такой все еще недостаточно, несмотря на усилія М.*, дисциплированной массы, каковую представляли нѣсколько сотенъ арбщиковъ, мы принуждены были ждать по крайней мѣрѣ полтора часа. Къ тому же мы дѣлали еще только первый переходъ всѣмъ отрядомъ: части еще не успѣли привыкнуть къ новымъ порядкамъ, вызваннымъ условіями совокупнаго движенія нашего, хотя и немногочисленнаго, но за то, откровенно говоря, весьма неуклюжаго отряда. Мы, какъ говорится, еще не спѣлись, и потому операція вытягиванія частей на дорогу брала на первыхъ переходахъ чрезвычайно много времени. Въ послѣдствіи все это дѣлалось несравненно скорѣе.

Стоя такимъ образомъ на дорогѣ полтора часа, и теряя время совершенно непроизводительно, я съ сожалѣніемъ вспоминалъ о передвиженіи нашемъ изъ Ташкента въ Ходжентъ, когда батарея шла совершенно спокойно и независимо, вмѣстѣ съ ротой А*, который, благодаря царствующей здѣсь простотѣ нравовъ, самъ вызвался дожидаться меня два дня, съ тѣмъ чтобъ, идучи вмѣстѣ, не такъ скучно было совершить походъ. Тогда мы были свободны, выступали какъ хотѣли и когда хотѣли, и какъ ни въ чемъ не бывало, дѣлали ежедневно по 40, по 50 верстъ, безъ дневокъ.

Наконецъ отрядъ нашъ двинулся. Вслѣдствіе упомянутой мною пертурбаціи въ арычной системѣ города Нау, первыя двѣ версты пришлось идти по водѣ. Ручьи покрывали дорогу до такой степени, что и дороги нельзя было видѣть. Кто-то даже попалъ въ болото и провалился въ трясину, что̀ большая рѣдкость въ здѣшней сторонѣ, отличающейся безводностью и крайнею сухостью. По счастію еще, мѣстность въ этомъ пунктѣ была довольно тверда и камениста, и слѣдовательно грязи, собственно на дорогѣ, не было особенно много — иначе отрядъ нашъ сильно пострадалъ бы, прежде нежели прошелъ бы эти двѣ трудныя версты.

Какъ говорили въ отрядѣ, не знаю справедливо ли, арыки намѣренно были испорчены бухарскими пикетами, и вода нарочно пущена на нашу дорогу съ цѣлью затруднить движеніе отряда.

Нау крайній городъ принадлежащій намъ на южномъ берегу Сыръ-Дарьи, и потому мы въ скоромъ времени, сами конечно не замѣчая того, перешли границу и вступили на территорію бухарскую.

III.

Ночлегъ отряду назначенъ былъ въ неизвѣстномъ никому селеніи Няукенди, о которомъ предполагали, что оно находится на Ура-Тюбинской дорогѣ и притомъ верстахъ въ 16 или 14 отъ Ура-Тюбе. Такимъ образомъ намъ предстоялъ переходъ верстъ въ 30 или 40—настоящій туркестанскій переходъ.

Какъ я выше говорилъ, здѣшнія походныя движенія отрядовъ имѣютъ много чрезвычайно оригинальныхъ сторонъ, и чтобъ убѣдиться въ этомъ, достаточно было посмотрѣть на наше настоящее движеніе, на эту длинную вереницу орудій, арбъ, верблюдовъ, тарантасовъ, повозокъ, которые шли по Ура-Тюбинской дорогѣ, растянувшись верстъ на пять, или версты на четыре по крайней мѣрѣ.

Колонна наша, въ самомъ дѣлѣ, представляла такую длину, какая прилична была бы развѣ двадцати или двадцати-пяти-тысячному отряду. Особенно большая длина колоннъ составляетъ самую характеристическую черту здѣшнихъ походныхъ движеній. Походныя движенія эти, надо признаться, физіономіей своею мало напоминаютъ движеніе военныхъ отрядовъ, а скорѣе движеніе транспортовъ.

Причиной этому, вопервыхъ, значительное число офицеровъ, и преимущественно штабныхъ, совершенно несоразмѣрное численности отряда, а вовторыхъ, несоразмѣрное количество артиллеріи, относительно пѣхоты и кавалеріи. Въ отрядѣ нашемъ было 20½ ротъ *, чрезвычайно жиденькаго состава, а при нихъ находилась 8-ми-орудійная батарейная батарея съ горнымъ взводомъ, облегченная батарея, одинъ дивизіонъ которой былъ по конному разчету, а другой по пѣшему, шесть орудій нарѣзной батареи, особый мортирный дивизіонъ изъ ½ пудовыхъ мортиръ и наконецъ легкій конный взводъ 1-й конно-артиллерійской сибирской казачьей батареи. Всего на 2½ тысячи пѣхоты 30 орудій. Пропорція небывалая!

* Къ 19½ ротамъ, выступившимъ изъ Ходжента, въ Нау присоединилась еще одна рота.

Наконецъ, самою главною причиной длины колоннъ былъ огромный обозъ, въ высшей степени стѣснявшій движеніе отряда. Это уже зло, избѣгнуть котораго въ здѣшнихъ походахъ рѣшительно невозможно. Тяжелая необходимость таскать съ собой эту обузу вызывается особенностями здѣшней стороны.

Здѣсь, напримѣръ, идешь, а сколько осталось до цѣли не знаешь. Географическихъ картъ мѣстности нѣтъ; существуютъ, такъ-называемыя, разспросныя карты, то-есть карты, составленныя по разказамъ жителей. Но здѣшніе жители имѣютъ привычку, вопервыхъ, постоянно врать, а вовторыхъ, мѣрить разстояніе ташами, причемъ случаются таши и въ 5, и въ 8 и въ 12 верстъ. За недостаткомъ другихъ, конечно, приходится пользоваться и этими картами, но тѣмъ не менѣе имъ все какъ-то плохо вѣрится.

Къ тому же идешь въ страну совершенно незнакомую, со дня на день ожидая самыхъ непредвидѣнныхъ сюрпризовъ. Рискуешь встрѣтить крѣпость или городъ, о существованіи которыхъ никто не предполагалъ, рискуешь попасть въ голодную степь, наткнуться на горный перевалъ, рискуешь въ сентябрѣ мѣсяцѣ, къ крайнему удивленію и какъ бы вопреки нашимъ слабымъ познаніямъ въ физической географіи, въ пунктѣ лежащемъ подъ 39° сѣверной широты, попасть подъ снѣгъ, какъ это съ нами и было при осадѣ Ура-Тюбе, гдѣ мы порядкомъ-таки помокли и назябли въ теченіе двухъ сутокъ.

При такомъ положеніи дѣлъ приходится тащить съ собой огромные запасы всякаго рода. И теперь у насъ были большіе запасы пороха и снарядовъ. Имѣя одинъ рядъ запряженныхъ ящиковъ, мы везли съ собой два полные боевые комплекта для артиллерійскихъ орудій и полтора комплекта патроновъ. У насъ былъ большой запасъ провіанта. Въ одномъ провіантскомъ обозѣ, не считая ротнаго, мы везли съ собой двухъ-недѣльную дачу сухарей. Сверхъ того мы везли, при частяхъ, теплую одежду для нижнихъ чиновъ. Въ ротномъ обозѣ на каждаго человѣка имѣлось по шинели и полушубку. Не имѣя никакого понятія о странѣ, куда мы углублялись, нѣкоторые командиры брали съ собой не только ячмень, но даже сѣно для упряжныхъ коней. При подъемѣ отряда изъ Ташкента и Ходжента всѣ усилія командировъ направлены были къ тому,

чтобы какъ-нибудь утянуть себѣ побольше арбъ изъ общаго числа доставленныхъ городами Ташкентомъ и Ходжентомъ. У насъ въ батареѣ было 17 арбъ, которыя въ сложности поднимали отъ 350 до 400 пудовъ, но и при этомъ на передкахъ, ящикахъ и лафетахъ мы часто принуждены были возить цѣлые возы сѣна и ячменя.

Вслѣдствіе всего этого у насъ въ общемъ вагенбургѣ на трехъ съ половиною тысячный отрядъ было около 600 арбъ и 800 верблюдовъ, не считая арбъ и верблюдовъ штаба и офицеровъ, представлявшихъ также цифру весьма почтенную, потому что здѣшніе офицеры, которые бо́льшую часть свей жизни проводятъ въ походахъ, для которыхъ походная жизнь стала нормальною, естественно стараются и, сказать правду, умѣютъ устроиться на походѣ весьма комфортабельно. Каждый почти бралъ съ собой свою повозку, на которой нагружена была палатка или юрта, складная кровать и пр.

Прибавивъ къ этому огромному числу арбъ и верблюдовъ ротный обозъ, казенныя фуры, легко себѣ представить какую неуклюжую кишку представлялъ нашъ малочисленный по количеству людей, но не повозокъ, отрядъ. Если сосчесть всѣ арбы и повозки отряда, то среднимъ числомъ навѣрное приходилось на каждаго пѣхотнаго солдата отряда по повозкѣ или по верблюду. Нечего сказать, подвижная колонна!

Посреди этого огромнаго вагенбурга малочисленныя наши роты, каждая человѣкъ въ 180, 120 или даже 100 человѣкъ, положительно исчезали. Самою замѣтною частью отряда была артиллерія, да еще бородатая команда поручика М*.

Бѣда, бывало, попасть въ арріергардъ такого отряда; въ особенности если дорога дурна и начнутъ ломаться арбы, или затягиваться запряженные въ нихъ кони: волею-неволею придется останавливать арріергардъ изъ-за каждой поломавшейся арбы или заартачившейся, по причинѣ нажженныхъ плечъ, лошади. Какъ ни хлопочи тогда, но раньше полуночи на ночлегъ поспѣть невозможно, а не совсѣмъ пріятно попадать на ночлегъ въ 12 часовъ, когда въ 6 часовъ трубится подъемъ.

Колонна наша, такимъ образомъ, не могла даже имѣть претензій походить на военный отрядъ. О красотѣ фронта, котораго ищутъ въ войскахъ люди, выработавшіе свой

вкусъ на строевыхъ европейскихъ ученьяхъ, въ отрядѣ нашемъ не было и помину. На нижнихъ чинахъ кителя, бывшіе когда-то бѣлыми, но сильно соскучившіеся по водѣ и мылу. И тутъ. нѣтъ, нѣтъ, да и прорвется между кителями красная или синяя полосатая рубашка. Кожаные шаровары или, какъ ихъ называютъ здѣсь, чамбары, заправленные въ сапоги. Цвѣтъ этихъ шаровръ, бывшій когда-то краснымъ или желтымъ, выгорѣлъ и сталъ совершенно неопредѣленнымъ. Бороды, по большей части, у всѣхъ, даже офицеровъ, небритыя. Брить ея на походѣ некогда, да и цирюльниковъ въ частяхъ недостаточно.

Офицеры въ костюмахъ совершенно произвольныхъ: кто въ красной рубашкѣ, кто въ полушубкѣ, кто въ бѣлой блузѣ, а попадаются иногда совершенно фантастическіе костюмы, въ родѣ какого-нибудь камзола. Если же прибавить ко всему этому толстый слой пыли, покрывающій кителя, рубашки, камзолы и физіономіи, то нельзя не придти къ заключенію, что общій видъ нашего отряда представлялъ столь же живописную картину, сколь некрасивый фронтъ.

Но да не заподозрятъ меня въ желаніи сдѣлать укоръ здѣшнимъ войскамъ. Понятіе о красотѣ—вещь относительная. Оригинальная наружность здѣшнихъ войскъ, ихъ, можетъ-быть, нѣсколько распущенная осанка сложились подъ вліяніемъ обстоятельствъ, бороться противъ которыхъ значило бы идти наперекоръ порядку вещей. Конечно, наши роты произвели бы довольно жалкій эффектъ на какомъ-нибудь щегольскомъ парадѣ. Очень легко можетъ быть, что эти роты сбились бы съ ноги, проходя церемоніальнымъ маршемъ на инспекторскомъ смотру. Навѣрное, исполняя самое простое построеніе ротнаго ученія, они запутались бы окончательно, а о баталіонномъ и полковомъ ученіи и говорить нечего. Объ ученіяхъ этихъ лишь нѣкоторые изъ здѣшнихъ офицеровъ знаютъ, и то развѣ по наслышкѣ и изъ воспоминаній прошлыхъ лѣтъ. Навѣрное, повторю, этотъ небритый, въ запачканомъ кителѣ, линеецъ на ученіи возбудитъ презрительную улыбку строгаго критика, но пусть припомнятъ только мало извѣстную, но тѣмъ не менѣе славную исторію этихъ линейныхъ баталіоновъ, и улыбка эта невольно смѣнится чувствомъ глубокаго и полнаго къ нимъ уваженія.

Предъ вами, напримѣръ, четвертый Оренбургскій линейный

баталіонъ. Его исторія есть исторія нашихъ территоріальныхъ пріобрѣтеній въ Средней Азіи, исторія послѣдовательнаго утвержденія русскаго вліянія на Востокѣ. Давно, очень давно, еще во времена графа Перовскаго, баталіонъ этотъ выступилъ изъ Оренбурга и на родину съ тѣхъ поръ уже болѣе не возвращался. Прошли десятки лѣтъ, а баталіонъ медленно, но настойчиво подвигался впередъ, отъ Оренбурга и почти до китайской границы, на каждомъ шагу встрѣчая препятствія, на каждомъ шагу выдерживая борьбу то съ людьми, то съ природой. Оренбургскими баталіонами положено основаніе каждой русской осѣдлости въ Киргизской степи. Проѣзжая нашу безконечную пограничную линію, вы встрѣтите форты, укрѣпленія, пароходныя пристани, церкви, госпитали, казармы, дома, склады. Эти пристани, форты, церкви, госпитали и пр. построены руками солдатъ оренбургскихъ баталіоновъ. Каждый камень, положенный въ нашихъ многочисленныхъ фортахъ, на протяженіи отъ Орска до Джизага, положенъ линейными солдатами; каждая щепотка земли насыпана тѣми же руками. Карабутакъ, Уральское укрѣпленіе, Аральскъ,* фортъ № 1-й, фортъ № 2-й, фортъ Перовскій, Джулекъ, Чиназъ обязаны своимъ появленіемъ на свѣтъ оренбургскимъ линейнымъ баталіонамъ. Было ли линейцу время заниматься изученіемъ движеній и построеній, въ здѣшней войнѣ неупотребительныхъ, когда сегодня, залегши съ ружьемъ въ какую-нибудь канаву, онъ отстрѣливается отъ окружающихъ его несмѣтныхъ полчищъ коканскихъ, а завтра становится землекопомъ, роетъ рвы, насыпаетъ бруствера, рубитъ деревья? Сегодня, по зыбкой штурмовой лѣстницѣ, онъ штурмуетъ пятисаженную профиль стѣны, защищаемой тысячами Коканцевъ, а завтра становится архитекторомъ, мѣситъ глину, приготовляетъ кирпичи, выводитъ стѣны, кладетъ своды; сегодня подъ 40-градуснымъ жаромъ, томясь отъ зноя и жажды, дѣлаетъ военный походъ въ нѣсколько десятковъ верстъ по безводной пустынѣ, а на другой день становится плотникомъ, чуть не машинистомъ, пилитъ лѣсъ, тешетъ брусья, собираетъ пароходъ.

Такъ прошла вся жизнь этихъ баталіоновъ въ непрерывномъ, неустанномъ трудѣ, въ постоянной борьбѣ и лишеніяхъ.

* Укрѣпленіе въ настоящее время упраздненное.

Какъ бы на встрѣчу оренбургскимъ линейнымъ баталіонамъ, сибирскіе точно такимъ же образомъ выступали изъ Омска, и подвигаясь шагъ за шагомъ чрезъ Вѣрное, Пишпекъ, Мерке и Ауліету, соединились съ своими оренбургскими товарищами подъ Чимкентомъ, съ тѣмъ чтобы потомъ идти вмѣстѣ съ ними далѣе: взять Ташкентъ, Ходжентъ, Ура-Тюбе, Джизагъ, повсюду одерживая побѣды надъ Азіятцами, повсюду борясь съ непривычною природой и непривычнымъ климатомъ, повсюду строя города, форты и укрѣпленія.

Какихъ-нибудь семь линейныхъ баталіоновъ не только покорили, а обстроили пограничную линію огромнаго пространства—отъ Урала и Аральскаго моря до Небесныхъ горъ.

Не бывъ въ Киргизской степи, нельзя даже представить себѣ громадность этихъ гиганскихъ трудовъ, которые на плечахъ своихъ, одни, безъ всякой помощи, вынесли здѣшніе линейные баталіоны.

А вотъ напримѣръ Оренбургскій (нынѣ Туркестанскій) стрѣлковый баталіонъ. Это баталіонъ еще молодой, сформировавшійся въ другихъ условіяхъ, сформировавшійся во времена самаго сильнаго разгара военныхъ дѣйствій въ Средней Азіи, во времена генерала Черняева. Счастливо избавившись такимъ образомъ въ своемъ прошедшемъ отъ исполненія тяжелыхъ обязанностей рабочихъ ротъ, онъ получилъ вслѣдствіе этого и нѣсколько другой типъ, другую физіономію. Люди смотрятъ какъ-то молодцоватѣе и мужественнѣе. Это баталіонъ уже успѣвшій закалиться въ бояхъ, баталіонъ въ полномъ смыслѣ и исключительно боевой. По свидѣтельству старыхъ кавказскихъ офицеровъ, онъ приближается къ типу нашихъ славныхъ кавказскихъ полковъ и баталіоновъ.

Мы шли по весьма порядочной дорогѣ. Вообще дороги здѣшнія, благодаря сильному, пропекающему дѣйствію солнца и ровной мѣстности, удобны для походовъ. Гористые участки и различныя препятствія въ видѣ арыковъ, крутыхъ подъемовъ и т. п. попадаются довольно рѣдко, и то въ такомъ только случаѣ, если свернешь съ большой дороги. Съ лѣвой стороны, верстахъ въ 40, сколько можно было судить на глазъ, тянулся снѣговой хребетъ, котораго ледяныя верхушки играли разноцвѣтными переливами на солнцѣ, напоминая собой игру перламутра. Тамъ и сямъ виднѣлись по сторонамъ

дороги бухарскія деревни или, вѣрнѣе сказать, жидкія группы тополей ихъ окружающихъ, носящія здѣсь пышное названіе садовъ. Глиняныхъ же саклей этихъ селеній, такого же пыльнаго цвѣта, какъ и земля, почти не было замѣтно. Деревень, по крайней мѣрѣ, семь, по моему счету, разбросаны были въ разныхъ мѣстахъ на обширной равнинѣ, которую мы перерѣзали нашимъ тридцати-верстнымъ переходомъ. Для Средней Азіи это довольно много. Привыкнувъ на пути своемъ видѣть одну степь, даже какъ-то странно встрѣтить пунктъ, съ котораго одновременно видны три или четыре деревни. Надъ деревнями этими отвѣсно поднимались тонкіе и высокіе столбы дыма. Какъ объясняли въ нашей колоннѣ, это Сарты, по приказанію уратюбинскаго бека, жгли оставшіеся въ деревняхъ запасы провіанта и фуража, которыхъ не могли поднять и увезти въ горы.

Такъ по крайней мѣрѣ разказывали наши казаки, уже успѣвшіе, въ видахъ, вѣроятно, удовлетворенія любознательности, на своихъ неутомимыхъ лошаденкахъ съѣздить заглянуть въ оставленныя селенія и пошарить въ нихъ.

Собственно на дорогѣ мы встрѣтили одну только маленькую деревеньку. Деревня эта построена верстахъ въ десяти отъ Нау, и благодаря этому близкому сосѣдству, жители, наслышавшись, вѣроятно, отъ Наусцевъ, что Русскіе не слишкомъ большіе людоѣды, не бѣжали въ горы, а рискнули остаться и ждать Русскихъ, — будь что̀ будетъ. Впрочемъ, они всѣ попрятались по своимъ глинянымъ саклямъ и на улицѣ остались, какъ представители народонаселенія, человѣкъ десять стариковъ. Представители эти, очевидно, трусили страшно. Они стояли на улицѣ въ своихъ чалмахъ и сѣро-синихъ халатахъ, одѣтые совершенно такъ же, какъ манекенъ стараго Ташкентца на Московской этнографической выставкѣ, и на лицахъ ихъ видно было выраженіе той особаго рода рѣшимости, какую испытываютъ люди идущіе на неизбѣжную опасность и сильно ея трусящіе.

Нѣкоторые изъ офицеровъ, вооружившись переводчиками, стали ихъ разспрашивать о томъ и о семъ, но всѣ отвѣты ихъ были отрицательнаго или, вѣрнѣе сказать, уничижительнаго свойства.

„Мы *бай-гуши*“ (бѣдняки), повторяли они, „*джунгурчка джокъ, арпа джокъ*“, то-есть нѣтъ ни сѣна, ни ячменя. Вотъ

все чего отъ нихъ могли добиться. Подозрѣвая, что мы намѣрены воспользоваться ихъ запасами, они не переставали говорить о джунгурчкѣ и арпѣ, даже когда ихъ вовсе и не спрашивали о состояніи ихъ хозяйства.

Это была первая и послѣдняя бухарская деревня съ жителями, встрѣтившаяся намъ на пути до Ура-Тюбе. Всѣ остальныя мы находили пустынными, и надъ большею частью изъ нихъ поднимался длинный и тонкій столбъ дыма. По своей ли волѣ Сарты бросили свои жилища и удалились въ горы, боясь Русскихъ, или же по приказанію своего бека,— неизвѣстно.

Мы видѣли маленькія черныя точки, двигавшіяся по склонамъ снѣговаго хребта. Хорошимъ биноклемъ можно было разсмотрѣть человѣческія фигуры: это, вѣроятно, были бѣдные жители оставленныхъ деревень. Боязливо и на весьма почтительномъ разстояніи (верстъ 10 или 12), они выползали изъ своихъ горныхъ убѣжищъ посмотрѣть какъ двигается нашъ отрядъ. Видя длинную вереницу коней и повозокъ и тучи пыли, которыя поднимала наша колонна, они, вѣроятно, выносили самое выгодное мнѣніе о силѣ и непобѣдимости русскихъ войскъ.

Часу въ первомъ сдѣлали мы привалъ на берегу широкаго и многоводнаго арыка. Тотчасъ же закипѣли мѣдные чайники, подогрѣтые колючкой, служащею здѣсь топливомъ; вынуты были изъ передковъ и зарядныхъ ящиковъ закуски. Офицеры, собравшись кружками у своихъ частей, растянулись подъ тѣнью какого-нибудь *лафета* на коврахъ. Закусили, выпили чаю и двинулись опять впередъ мѣрить бухарскую территорію.

Проходитъ часъ, другой, а отрядъ все идетъ тѣмъ же ровнымъ и мѣрнымъ шагомъ. Проходитъ, наконецъ, пять, шесть часовъ, а о близости станціи даже нѣтъ и помину; точно какъ будто и конца нѣтъ переходу. Къ серединѣ перехода вами овладѣваетъ наконецъ какая-то апатія и машинальность. Всякая умственная дѣятельность пропадаетъ окончательно, какъ бы поглощаемая дѣятельностью ногъ. Вы чувствуете себя машиной, назначенною ходить. Однообразіе пейзажа изумительное: та же безконечная, прямая дорога, остріемъ сходящаяся на горизонтѣ, тотъ же снѣговой хребетъ съ перламутровыми верхушками, то же ясное темно-голубое небо, и ни одного облачка на немъ, тѣ же безконечныя поля,

покрытыя пылью и колючкой. На всемъ одинаковый чисто-южный, желтый, теплый колоритъ, на всемъ лиловые жаркіе тоны. Нельзя сказать, чтобы походъ былъ утомителенъ, нельзя даже сказать, чтобы было особенно скучно. Нѣтъ, это именно апатическое чувство, порождаемое однообразіемъ обстановки. Жадно ищешь какого-нибудь явленія, которое хотя сколько-нибудь нарушило бы монотонность похода. Но откуда взять здѣсь разнообразіе? Упряжные кони, втянувшись въ походъ, шагаютъ ровною поступью, спокойно натягивая постромки. Номера идутъ около орудій вольно, покуривая трубки. Въ ихъ кружкахъ еще слышенъ тихій разговоръ. Какъ и слѣдуетъ рѣшителямъ судебъ Средней Азіи, разговоръ преимущественно о политикѣ. Излагаются предположенія относительно предстоящей экспедиціи для усмиренія бунтующаго, по ихъ мнѣнію, бухарскаго эмира.

Но какъ вѣрныхъ данныхъ для обсужденія этого вопроса у нихъ немного, то самые компетентные судьи, то-есть старые солдаты, не желая выказать своего незнанія и тѣмъ подорвать свой авторитетъ, ограничиваютъ свои разсужденія преимущественно общими фразами, складывая при этомъ для пущей важности самыя серіозныя физіономіи.

— Ну, что-жь, по мнѣ, какъ прикажутъ, коли на Коканъ, то и на Коканъ, говоритъ, напримѣръ, молодой солдатъ сѣдоусому трубачу Трофимову большому резонеру, наивно принимая за Коканскую дорогу дорогу Ура-Тюбинскую, ведущую въ сторону совершенно противоположную.

— Нѣтъ, ты постой, возражаетъ Трофимовъ,—ты присягу принялъ?

— Принялъ.

— Ну, такъ ты теперь вооружись и дѣйствуй.

— Да, я... начинаетъ опять солдатъ, желая сказать что-нибудь относительно своей готовности вооружиться и дѣйствовать.

— Нѣтъ, перебиваетъ его опять Трофимовъ, которому, какъ видно, чрезвычайно понравилось свое собственное выраженіе: — если ты присягу принялъ, то ты вооружись и дѣйствуй.

Въ это время, подъ третьимъ ящикомъ проваливается переброшенный чрезъ арыкъ жиденькій мостикъ, строя который, Сарты, конечно, не принимали въ соображеніе тяжести батарейнаго орудія. Оглобля лопнула. Коренникъ

взвился на дыбы, подручная хлестнула задомъ, переступила постромки, и пошла потѣха. Этотъ маленькій скандальчикъ обращаетъ на себя минутное вниманіе чуть не заснувшей публики. Но лошадей скоро остановили, оглоблю подвязали, и все успокоилось. Минутное оживленіе прошло, и опять потянулась колонна тѣмъ же ровнымъ шагомъ, такъ же монотонно, такъ же спокойно, какъ она шла съ самаго утра, а Трофимовъ снова принимается подавать своему молодому слушателю совѣты, исполненные мудрости и благоразумія.

Длинные переходы эти, впрочемъ, очень мало утомляютъ солдатъ. Больныхъ и усталыхъ въ отрядѣ, за все время похода, почти не было. Здѣшнія войска ходятъ замѣчательно хорошо и бодро. Чтобъ убѣдиться въ этомъ достаточно посмотрѣть на пѣсенниковъ 3-й роты 3-го линейнаго баталіона, идущей впереди батареи. Судя по солнцу, уже четыре часа. Уже солнце склоняется къ закату. Окрасивъ горизонтъ яркимъ золотистымъ колеромъ, оно помѣстилось на небѣ какъ разъ противъ колонны, и рѣжетъ вамъ глаза своимъ ослѣпительнымъ блескомъ, а пѣсенники не унываютъ. Окончивъ свой довольно многочисленный репертуаръ, исполненіе котораго они начали еще съ 7 часовъ утра, они неутомимо начинаютъ его сызнова, и первый теноръ-запѣвала все еще въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ того требуетъ, по его мнѣнію, содержаніе пѣсни, старается придать плутовское и даже кокетливое выраженіе своей запыленной, небритой и вообще ни чуть не красивой физіономіи, а въ пикантныхъ мѣстахъ пѣсни, нѣтъ-нѣтъ, да и сдѣлаетъ какое нибудь колѣнце или вывертку ногами.

Наконецъ-таки осилили мы переходъ. Часамъ къ шести пришли мы на ночлегъ къ селенію, какъ говорили, Няукенди. Впрочемъ селенія этого, вѣроятно за темнотой, я и не замѣтилъ. Мнѣ казалось, что мы остановились въ чистомъ полѣ. Лагерь нашъ расположенъ былъ на небольшомъ плато, посреди невысокихъ холмиковъ, которыми снѣговой хребетъ Каштаръ-Даванскихъ горъ, во все время похода сопровождавшій насъ съ лѣвой стороны, спускался въ долину Сыръ-Дарьи.

Съ приходомъ на ночлегъ, нельзя еще было успокоиться. Необходимо было позаботиться о кормѣ лошадей, такъ какъ въ нашей батареѣ, за неимѣніемъ лишнихъ арбъ, не представлялось возможности везти съ собой сѣна. Общаго распоряженія насчетъ фуражировки сдѣлано не было;

напротивъ, имѣя въ виду близость непріятеля, не давалось даже разрѣшенія отправлять отъ частей фуражировъ, а потому каждому изъ командировъ, имѣвшихъ на своемъ попеченіи казенныхъ лошадей, приходилось заботиться о самомъ себѣ и, вопреки запрещенію, отправить почти безоружныхъ фуражировъ въ непріятельскую страну, принявъ на свой страхъ, на свою отвѣтственность, успѣшное окончаніе этого порученія. Отъ казаковъ, которые, Богъ знаетъ какимъ образомъ, всегда какъ-то раньше всѣхъ успѣваютъ пронюхать гдѣ есть какая-либо пожива, узналъ я, что верстахъ въ пяти или шести есть деревня, въ которой, по слухамъ, остались цѣлыми запасы клевера; но гдѣ именно эта деревня, не стоятъ ли тамъ сартовскіе пикеты, въ какой степени безопасно посылать туда людей, узнать было трудно. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ лошади никакимъ образомъ не могли остаться на всю ночь безъ фуража, надлежало рѣшиться. По числу сѣделъ, находящихся въ батареѣ, наряжены были фуражиры, которые, вооружившись арканами и всѣми, сколько ихъ оказалось на лицо саблями, отправились въ незнакомую деревню, пристроившись къ ѣхавшимъ туда, для той же цѣли, казакамъ.

Признаюсь, не безъ сильнаго безпокойства остался я въ лагерѣ ожидать возвращенія фуражировъ, вернувшихся чуть ли не въ 11 часовъ вечера, и, къ счастію, съ порядочными вязанками клеверу на сѣдлахъ. Только тогда трудовой день былъ конченъ, только тогда, пробывъ на ногахъ 17 часовъ сряду, могла успокоиться батарея, въ пріятномъ ожиданіи хорошенько отдохнуть и выспаться, такъ какъ на другой день назначена была дневка.

IV.

Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Въ 1 часъ ночи, когда весь лагерь спалъ мертвымъ сномъ, меня разбудилъ, и конечно не безъ усилія, фельдфебель, принесшій приказаніе выписанное въ штабѣ. Приказаніе, для выписки котораго въ штабъ отправленъ былъ младшій писарь, не отличавшійся большими познаніями въ русскомъ языкѣ, написано было на четверткѣ бумаги безграмотнѣйшимъ образомъ

и вообще страшно переврано, такъ что и не будучи спросонья, а съ совершенно свѣжею головой, надлежало употребить порядочно времени, чтобы разобрать въ чемъ дѣло. Только послѣ большихъ усилій удалось мнѣ наконецъ прочесть, что на завтрашній день предполагается усиленная рекогносцировка города Ура-Тюбе подъ начальствомъ полковника графа В., и что въ этой рекогносцировкѣ долженъ принять участіе и дивизіонъ батарейной батареи. Нечего дѣлать, надлежало, стряхнувъ съ себя сонъ окончательно, немедленно отдать необходимыя распоряженія относительно завтрашняго выступленія и проститься съ надеждой отдохнуть на другой день. До Ура-Тюбе было еще верстъ четырнадцать отъ нашего лагеря, и слѣдовательно предполаемая рекогносцировка, связанная всегда съ различными обходными движеніями, во всякомъ случаѣ стоила добраго перехода. Выступить предположено было въ 6 часовъ утра, такъ какъ къ 7 часамъ, согласно приказанію, надобно уже было вытянуться на большую дорогу, къ находившейся тамъ эмирской ставкѣ, гдѣ и предполагалось собраться всему отряду, который былъ численностью, сколько я помню, около 500 или 600 человѣкъ.

Еще было совершенно темно, когда дивизіонъ поднялся. Повѣривъ приказанію, дивизіонъ занялъ указанное мѣсто ровно къ 7 часамъ, и мы принуждены были, въ наказаніе за свою аккуратность, прождать, по крайней мѣрѣ, часъ на порядочномъ утреннемъ холоду, дожидаясь пока соберется отрядъ. А*, который, какъ старый служивый и вообще опытный человѣкъ, привелъ свою роту вмѣстѣ съ послѣднею ротой, въ послѣдствіи всю дорогу трунилъ надъ нашею исправностью, попрекая насъ, будто бы мы ранними сборами помѣшали ему спать.

Часовъ въ восемь мы двинулись впередъ. Неотягченный никакимъ обозомъ, маленькій отрядъ нашъ не растягивался длинною линіей. Солдаты шли бодро и весело въ густыхъ и коротких колоннахъ. Въ толпѣ солдатъ ходилъ смутный говоръ, что сегодня же будетъ дѣло, и ясно видно было, какъ надежда встрѣтиться съ непріятелемъ и сжечь другой, третій патронъ, поднимала духъ солдатъ. Совсѣмъ другой видъ представляли тѣ же самыя роты, сравнительно съ тѣмъ, каковыми онѣ были вчера, на походномъ движеніи. Люди какъ-то пріосанились. Въ движеніи колонны незамѣтно было и

слѣда той апатіи и механичности, которою всѣ невольно заражаются во время длиннаго похода, когда идешь впередъ съ монотонною перспективой, что и завтра и послѣ завтра будешь также идти, и что, въ теченіе дороги, только и встрѣтишь оставленныя деревни, сегодня, напримѣръ, Рабатъ, а завтра Мурза-Рабатъ, а потомъ Саватъ, хотя между Рабатомъ, Мурза-Рабатомъ и Саватомъ на видъ положительно нѣтъ никакой разницы. Дорога была совершенно ровная и гладкая. Прокаленная палящимъ солнцемъ, она не уступаетъ въ твердости любому шоссе, и батарейныя орудія легко катились по ровной, слегка возвышающейся, къ сторонѣ Ура-Тюбе, дорогѣ.

Скоро увидали мы группы деревьевъ, вѣрный признакъ жилья въ Средней Азіи. „Это Ура-Тюбе“, глухимъ говоромъ пронеслось между солдатами. Въ пѣхотѣ раздалась команда „заряжай ружье“. Приготовленія оказались однакоже нѣсколько преждевременными. Деревья принадлежали не Ура-Тюбе, а одному изъ многочисленныхъ подгородныхъ селеній, разбросанныхъ около крѣпости. Само собой разумѣется, что деревня была пуста. Отрядъ остановился. Казаки и линейные солдаты полѣзли за заборы обшаривать пустыя сакли, но за кратковременностью остановки, добыча была, конечно, не большая. Нѣсколько кистей вяленаго винограду, да нѣсколько пучковъ просяной или пшеничной соломы, вотъ все, что было отыскано солдатами въ оставленныхъ жителями сакляхъ. Простоявъ минутъ десять, мы опять двинулись впередъ, еще не видя города, закрытаго отъ нашихъ глазъ рядомъ довольно высокихъ холмовъ, опоясывающихъ городскую стѣну. Глухо стали раздаваться рѣдкіе пушечные выстрѣлы, которыми Ура-Тюбинцы салютовали приближеніе нашего отряда. Звука самаго выстрѣла почти не было слышно,—такъ далеко еще было до крѣпости, чувствовалось лишь сотрясеніе воздуха и легкое вздрагиваніе земли. Снаряды бухарскіе до насъ, конечно, не долетали. Въ двухъ верстахъ отъ города мы остановились второй разъ, за высокою горой, все еще не видя Ура-Тюбе. Гр. В* послалъ джигита парламентеромъ, требуя письмомъ сдачи города. Джигитъ вернулся съ извѣстіемъ, что отвѣтъ будетъ присланъ чрезъ часъ. Мы стали дожидаться отвѣта, сошли съ коней, и расположившись на землѣ около дороги, принялись толковать о томъ,

сдастъ ли ура-тюбинскій бекъ городъ, или нѣтъ. „Конечно, нѣтъ“, говорили знающіе здѣшнюю страну и ея обычаи. Я былъ подлѣ В*, когда вернулся парламентеръ. Киргизъ чрезвычайно обстоятельно и съ свойственною дикарей картинностью передалъ результатъ своего посольства.

На требованіе отвѣта выѣхавшій къ нему навстрѣчу бекскій посланникъ спросилъ:

— А гдѣ кости того Сарта, котораго убили ваши люди? (Одинъ изъ Сартовъ былъ дѣйствительно подстрѣленъ нашими пикетами въ то же утро.) Вотъ вамъ отвѣтъ! вскрикнулъ на джигита Бухарецъ и ударилъ его саблей.

Джигитъ нашъ, впрочемъ, ловко увернулся отъ удара. Сабля только слегка задѣла кисть его руки, и ударъ обрушился всею силой на нагайку, которая разрублена была пополамъ.

Такимъ образомъ мечъ былъ вынутъ изъ ноженъ: война началась.

Нашъ юный вождь началъ рекогносцировку. Посланъ былъ Г* съ казаками на вершину горы, за которою находился отрядъ и которая скрывала отъ нашихъ глазъ городъ. Я поѣхалъ съ Г*. Мы взобрались на гору: увидя насъ, разсыпались сартовскіе конные пикеты, стоявшіе на вершинѣ, и стрѣлой помчались къ городскимъ воротамъ.

Предъ нашими глазами открылся весь сѣверный фронтъ крѣпости.

Фронтъ этотъ расположенъ былъ по вершинамъ трехъ довольно высокихъ горъ. Вышина ихъ почти равнялась вышинѣ горы, на которой мы стояли. Скаты этихъ трехъ горъ, обращенные къ намъ, были совершенно отвѣсны, и вершина ихъ увѣнчана стѣной. Вторая стѣна расположена была по уступу горы, не въ дальнемъ, впрочемъ, разстояніи отъ первой. Правая высота отдѣлялась отъ средней довольно глубокою лощиной. Чрезъ образовавшуюся такимъ образомъ между прикрывающими городъ горами прогалину можно было видѣть часть городскихъ строеній. Въ стѣнѣ, какъ разъ противъ этой прогалины, находились ворота. Подъ ногами моими лежала чрезвычайно живописная долина, прорѣзанная нѣсколькими арыками, серебряныя ленты которыхъ ярко блистали между зеленью подгородныхъ садовъ. Стѣны были не слишкомъ высоки, и силу крѣпости составляли отнюдь не онѣ, а почти отвѣсные скаты горъ, на

которыхъ стѣны были построены. Вести осаду съ сѣверной стороны, очевидно, не представлялось никакой возможности. Штурмовать высоты, вышиной по крайней мѣрѣ въ 50 или 60 саженъ, было бы дѣломъ рискованнымъ и неминуемо сопряженнымъ съ большою потерей людей, прежде всего потому, что на долинѣ, лежавшей предъ сѣвернымъ фронтомъ, невозможно было построить ложементъ для штурмовыхъ колоннъ, котораго Бухарцы съ высоты своихъ горъ не засыпали бы не только снарядами, даже камнями.

Хотя изъ-за стѣнъ нельзя было видѣть внутренность крѣпости, а тѣмъ болѣе города, но замѣтно было, что на средней высотѣ или, какъ мы ее тутъ же назвали, средней цитадели, за стѣнами находились строенія, принадлежащія, какъ мы въ послѣдствіи узнали, бекскому дворцу. Внутри же правой и лѣвой цитадели не было ни одной сакли, и это были какъ бы укрѣпленные лагери.

Планъ рекогносцировки былъ тотчасъ же составленъ. Онъ былъ очень несложенъ. Бо́льшая часть отряда, изъ трехъ, кажется, ротъ пѣхоты, двухъ сотенъ казаковъ и двухъ нарѣзныхъ орудій, должна была обойдти городъ съ правой стороны, съ тѣмъ чтобъ осмотрѣть западный, а если успѣютъ, то и южный фронтъ. Четыре же батарейныя орудія, подъ прикрытіемъ остальныхъ ротъ, занявъ позицію на горѣ противъ сѣвернаго фронта, должны были отвлекать вниманіе гарнизона отъ обходящаго отряда. Ни сколько не медля, роты потянулись въ обходъ. Мы же стали подниматься на гору. Выпрягли коней изъ орудій. По отвѣсной почти крутизнѣ были подняты, одно за другимъ, четыре орудія на гору. Пройдя около четверти версты по ея вершинѣ, мы остановились. Сняли съ передковъ, и открыли медленный огонь по крѣпости. Неровность мѣстности обманула глазомѣръ. Оказалось, что разстояніе до крѣпостной стѣны, которое мы почитали въ 500 или 600 саженъ, было гораздо значительнѣе, саженъ 800 или 900. Бухарцы, не прекращавшіе огня во все время нашего движенія, усилили его, видя выросшую предъ ихъ глазами батарею. По насъ стрѣляли, какъ я могъ насчитать, изъ семи орудій, разбросанныхъ по длинному сѣверному фронту.

Несмотря на дальность разстоянія и на малый калибръ ихъ орудій, который, судя по ядрамъ ложившимся на батарею, былъ не болѣе шести-фунтоваго,—Бухарцы воспользовались, какъ видно, временемъ, чтобы весьма удовлетворительно пристрѣляться къ окружающимъ высотамъ. Много ядеръ пало на самой батареѣ. Въ особенности мѣтко стрѣляло одно орудіе, поставленное внизу, въ городскихъ воротахъ. Впрочемъ, по малому числу орудій и по причинѣ, вѣроятно, ихъ медленнаго заряжанія, а главное, по причинѣ дальности разстоянія, огонь бухарской артиллеріи не наносилъ намъ никакого вреда, несмотря на всю свою мѣткость. Обезсиленныя дальнимъ полетомъ, ядра падали на землю, едва оставляя слѣдъ на сухой почвѣ. Въ концѣ ихъ полета скорость была до того мала, что можно было видѣть летящее ядро и увернуться отъ него, въ случаѣ еслибъ ему пришла фантазія летѣть прямо на васъ.

Нашъ огонь, впрочемъ, едва ли былъ лучше бухарскаго. Батарейныя орудія, стрѣляя, конечно, безъ прицѣла, едва доносили снаряды на 900 саженъ. Снаряды или садились въ стѣну, или же, перелетая чрезъ нее, отправлялись искать виноватаго Богъ знаетъ куда: въ городъ или еще далѣе—мы этого не знали. Огонь вели мы, конечно, чрезвычайно медленный. Не стоило тратить снарядовъ. Но какъ мы стояли на позиціи по крайней мѣрѣ часовъ шесть, то совершенно незамѣтно выпустили ихъ до 50, за что̀, по возвращеніи на бивуакъ, насъ порядкомъ побранилъ—и по дѣломъ—нашъ почтенный начальникъ артиллеріи.

Бережливость въ снарядахъ, перевозка которыхъ за отрядомъ по обширной бухарской территоріи, при нашихъ продолжительныхъ и дальнихъ походахъ, столь затруднительна, есть первое и необходимое условіе при здѣшнихъ экспедиціяхъ, забывать которое ни подъ какимъ видомъ не слѣдуетъ. Въ здѣшней войнѣ артиллерія должна дѣйствовать въ томъ лишь только случаѣ, если она увѣрена, что снаряды ея дѣйствуютъ навѣрное, и изъ дѣйствія извлекается полная наибольшая польза.

Я не буду утомлять моихъ читателей описаніемъ нашего времяпрепровожденія на позиціи. Это значило бы заставить ихъ безвинно раздѣлить ту скуку, которую мы испытывали, оставаясь на мѣстѣ во время рекогносцировки. Съ высоты мы видѣли какъ двинулся нашъ обходный отрядъ, какъ змѣйкой вился онъ по улицамъ уратюбинскихъ деревень, какъ, наконецъ, исчезъ изъ нашихъ глазъ, какъ, замѣтивъ обходное движеніе, толпа конныхъ Сартовъ, человѣкъ

въ тысячу, потянулась изъ лѣвой въ правую цитадель; какъ вслѣдъ затѣмъ отрядъ нашъ снова появился противъ западнаго фронта и послалъ нѣсколько выстрѣловъ въ стѣну. Мы видѣли какъ разорвались въ стѣнѣ гранаты нарѣзныхъ орудій. А сами не трогались съ мѣста и рѣдкими выстрѣлами мѣнялись съ Бухарцами. Положеніе наше было далеко не изъ привлекательныхъ. Часовъ семь стояли мы на нашей позиціи, не зная чѣмъ укоротить продолжительный досугъ. Насъ двинули такъ неожиданно и такъ рано, на нашей позиціи простояли мы столь долго, что незначительное количество взятыхъ съ собой съѣстныхъ припасовъ истощилось въ самомъ скоромъ времени, и приходилось утолять голодъ виноградомъ весьма дурнаго свойства, который гдѣто достали наши солдаты. Признаюсь, нельзя было не позавидовать въ это время счастливой организаціи солдатскихъ желудковъ, которые, не стѣсняясь нисколько, могутъ съ одинаковымъ аппетитомъ съѣдать свой обѣдъ во всякое время не только дня, но даже ночи. Какъ часто случалось мнѣ, во время длиннаго перехода, когда, бывало, пожалѣешь о томъ, что люди сегодня не обѣдали, слышать отъ когонибудь изъ ротныхъ командировъ:

— А я накормилъ своихъ людей.

— Да когда же вы, спросишь его,—успѣли накормить, вѣдь мы сегодня выступили въ шестомъ часу?

— У меня варили въ пятомъ, отвѣчаетъ командиръ съ серіознѣйшею физіономіей.

И дѣйствительно, солдатъ, пообѣдавъ въ пятомъ часу и съѣвъ свою узаконенную порцію мяса и дачу сухарей, остается въ полной увѣренности, что онъ обѣдалъ и такимъ образомъ удовлетворенъ до ужина, который, можетъбыть, ему придется ѣсть лишь въ одиннадцатомъ или двѣнадцатомъ часу вечера. Сегодняшнее выступленіе было не изъ очень раннихъ, и потому всѣ наши люди были если не сыты, то, по крайней мѣрѣ, пообѣдавши.

Къ мученьямъ голода вскорѣ присоединились и мученія холода. Понадѣявшись на ясное небо и постоянно жаркую погоду, мы противъ холода не приняли никакихъ мѣръ, а между тѣмъ стало вечерѣть, и дувшій съ утра довольно свѣжій и рѣзкій вѣтеръ, который на вершинѣ горы былъ особенно чувствителенъ, воспользовавшись отсутствіемъ солнца, пробиралъ насъ до костей.

Наконецъ, и именно только въ восьмомъ часу, показалась голова нашего отряда, дебушировающаго изъ деревни, лежащей по правую сторону большой дороги. Прибытіе отряда служило сигналомъ для нашего снятія съ позиціи. Тѣмъ же путемъ прошли мы по гребню горъ, и тѣмъ же порядкомъ, то-есть на людяхъ, спустили орудія и отправились въ нашъ лагерь. Рекогносцировка была кончена. Результаты ея, какъ оказалось, были весьма не велики. Проходивъ цѣлый день съ довольно значительнымъ по здѣшнимъ понятіямъ отрядомъ, мы узнали положительно только одну вещь: именно, что сѣверный фронтъ Уратюбинской крѣпости самый сильный, и атаковать его не слѣдуетъ, но на какой фронтъ слѣдуетъ вести атаку, мы объ этомъ данныхъ еще никакихъ не имѣли. Обходившій крѣпость отрядъ успѣлъ обрекогносцировать или, лучше сказать, увидать и западный фронтъ, но не успѣлъ дойдти до южнаго, такъ что южный и восточный фронты остались совершенно неизвѣстными. Главнѣйшимъ и полезнѣйшимъ результатомъ рекогносцировки 23-го сентября было собраніе нѣкоторыхъ свѣдѣній о величинѣ и обширности города и о мѣстности, его окружающей.

Городъ Ура-Тюбе довольно великъ и разбросанъ. Онъ имѣетъ приблизительно видъ четыреугольника. Въ немъ считалось около двадцати пяти или тридцати тысячъ жителей, но, кажется, въ это число входятъ и жители подгородныхъ деревень, которыхъ, какъ я слышалъ, около Ура-Тюбе есть до пятнадцати или двадцати. Ура-Тюбе лежитъ верстахъ въ 40 отъ снѣговаго хребта Небесныхъ горъ. Онъ построенъ на его склонахъ, на мѣстности чрезвычайно гористой. Высокіе отроги Небесныхъ горъ, извѣстные подъ названіемъ Кашгаръ-Даванъ, въ нѣсколько рядовъ опоясываютъ Ура-Тюбе почти со всѣхъ сторонъ, такъ что самый городъ, за исключеніемъ, конечно, трехъ цитаделей, составляющихъ сѣверный фронтъ, расположенный на плоскомъ мѣстѣ и въ котловинѣ, кажется поставленнымъ на мѣстности довольно низменной. Изъ окружающихъ Ура-Тюбе горъ самыя высокія облегаютъ городъ съ сѣверной стороны. На нихъ во время рекогносцировки находилась наша батарея.

Съ южной стороны, высоты удаляются отъ крѣпости на нѣсколько верстъ, а съ восточной и западной подходятъ почти къ самымъ стѣнамъ лишь ряды невысокихъ холмовъ,

которыми Кашгаръ-Даванскія горы постепенно спускаются въ котловину.

Мы вернулись въ нашъ лагерь часовъ въ десять вечера, когда уже было совершенно темно. На завтрашній день слѣдовало ожидать передвиженія къ Ура-Тюбе, а потому и надлежало надѣяться, что и въ нынѣшнюю ночь, такъ же какъ и въ предыдущую, насъ разбудитъ приказаніе, принесенное изъ штаба. Такъ и случилось. Во второмъ часу ночи принесена была диспозиція движенія, въ которой было написано, что отрядъ изъ пятнадцати ротъ пѣхоты, четырехъ сотенъ кавалеріи и восемнадцати орудій * долженъ былъ выступить въ шесть съ половиной часовъ утра и обойдти крѣпость съ южной стороны. Другой же отрядъ, изъ пяти ротъ пѣхоты, сотни казаковъ, команды саперъ, дивизіона батарейной и взвода нарѣзной батареи, подъ общимъ начальствомъ ротмистра Б*, назначается, какъ сказано было въ приказаніи, *для особыхъ цѣлей*; почему, не дѣлая обходнаго движенія, онъ долженъ занять позицію на большой дорогѣ, верстахъ въ четырехъ не доходя до Ура-Тюбе. Батереи должны были принять изъ парка полный комплектъ зарядовъ на вторые и третьи ящики. Отряду Б., которому не предстояло обходнаго движенія, пришлось, такимъ образомъ, 24-го сентября сдѣлать лишь небольшой переходъ, и притомъ по знакомой уже намъ дорогѣ. Еще до полудня пришли мы на мѣсто, опредѣленное для нашего лагеря. Лагеремъ нашимъ тутъ же выбранъ былъ находящійся на дорогѣ караванъ-сарай, расположенный верстахъ въ трехъ отъ города. Караванъ-сарай этотъ, какъ и всѣ караванъ-сараи, довольно часто попадающіеся по большимъ дорогамъ въ Средней Азіи, есть не что иное какъ небольшой квадратный дворъ, обнесенный низкимъ—фута въ четыре вышиной—глинянымъ заборомъ. Внутреннее пространство каравань сарая имѣетъ сажень тридцать длины и столько же ширины. По серединѣ его обыкновенно находится родъ магометанской часовни, какія преимущественно строятся надъ могилами знатныхъ, богатыхъ, или вообще чѣмъ-нибудь ставшихъ извѣстными мусульманъ-обывателей. Подлѣ самаго забора

* Въ томъ числѣ: четыре орудія батарейной батареи съ горнымъ взводомъ, восемь орудій облегченной и четыре орудія нарѣзной батареи.

протекалъ довольно обильный водой арыкъ. На дворѣ посажено было нѣсколько тополей. Внутри этого караванъ-сарая помѣстился весь нашъ малочисленный отрядъ, то-есть пѣхота. Артиллерія стала въ боевомъ порядкѣ внѣ забора. Съ противоположной стороны расположились казаки и обозъ. Немедленно по прибытіи на мѣсто, офицеры стали распоряжаться какъ бы повыгоднѣе поставить палатку, такъ чтобы хоть сколько-нибудь защититься отъ солнца тощею листвой караванъ-сарайскихъ деревъ. Предполагалось, что отрядъ останется здѣсь нѣсколько дней, и потому, естественно, каждый желалъ устроиться съ бо́льшимъ, по возможности, удобствомъ. Не обошлось, конечно, при этомъ безъ столкновеній и пререканій, послѣдствіями которыхъ, какъ и всегда, было то, что кто позубастѣе и настойчивѣе, тотъ и остался обладателемъ лучшаго мѣста.

Продолжительная бивуачная жизнь, безпрестанная перемѣна мѣстъ на походѣ, немногосложность лагернаго хозяйства, а въ особенности прекрасный климатъ, все это почти уничтожаетъ невыгоды, сопряженныя съ кочевымъ образомъ жизни, на который мы были осуждены во время похода. Мало того, въ этой постоянной перемѣнѣ мѣста находишь особенную прелесть, словно заражаешься, проживя въ здѣшнихъ степяхъ, привычками и взглядами Киргизовъ. Не прошло и часа со времени прихода отряда, какъ всѣ уже освоились съ новымъ лагеремъ, будто цѣлый вѣкъ въ немъ стояли. Никто не находилъ никакой разницы между настоящимъ нашимъ бивуакомъ и бивуакомъ, напримѣръ, ходжентскимъ, съ которымъ мы, естественно, обжились, стоя въ немъ двѣнадцать дней. Да и разницы, собственно говоря, никакой не было. Точно такъ же и на этомъ бивуакѣ, какъ на ходжентскомъ, Нѣмецъ (такъ звали нашего батарейнаго повара за его косноязычіе) приготовилъ намъ точно такой же обѣдъ, точно такъ же стали сходиться по офицерскимъ палаткамъ кружки тѣхъ же знакомыхъ лицъ, собравшихся, смотря по вкусамъ и наклонностямъ, кто просто для бесѣды, а кто и для того, чтобы надосугѣ сразиться въ штоссъ. Тѣ же служебныя занятія, тѣ же вечерніе визиты фельдфебеля, тѣ же заботы и хлопоты. Къ тому же, надо прибавить, что въ здѣшнемъ тепломъ климатѣ то, что̀ собственно называется домомъ, вовсе не имѣетъ того значенія, которое имѣетъ домъ

въ Россіи. Въ Ташкентѣ я прожилъ около двухъ недѣль и все время въ палаткѣ. Откровенно говоря, мнѣ даже и въ голову не приходило пожалѣть о томъ, что у меня нѣтъ комнаты, нѣтъ дома. Вѣчно ясное небо, теплый воздухъ дѣлаютъ палатку несравненно болѣе удобною для жизни нежели домъ. Многіе изъ ташкентскихъ Русскихъ, имѣя свои дома въ Ташкентѣ, живутъ преимущественно на дворѣ или въ саду, даже кровать свою переносятъ на дворъ, предпочитая провести лѣтнюю ночь на чистомъ воздухѣ, а не въ душной саклѣ. Да и въ холодное время ташкентскій домъ представляетъ мало выгодъ предъ палаткой, ибо большею частью въ домахъ этихъ не только нѣтъ печей, нѣтъ даже стеколъ въ рамахъ, а рамы на зимнее время заклеиваются *Голосомъ* или *С.-Петербургскими Вѣдомостями*, что отъ холода предохраняетъ, конечно, весьма немного.

При такомъ порядкѣ вещей, построенный на большой дорогѣ пустынный караванъ-сарай, случайно превратившійся въ нашъ лагерь, нисколько не былъ въ глазахъ нашихъ чѣмъ-либо хуже не только прежняго привычнаго бивуака, а пожалуй даже любаго сартовскаго города. Я увѣренъ, что общему мнѣнію не противорѣчилъ бы и Я*, который, не имѣя собственной палатки, въ теченіе всей экспедиціи жилъ въ своей крытой таратайкѣ, озаботившись лишь приспособиться къ горизонтальному положенію, дѣйствительно наиболѣе употребительному во время досуговъ на походѣ.

На ночь сдѣланы были надлежащія распоряженія на случай нападенія Бухарцевъ. Въ дула орудій заложена была картечь. На гору, къ которой примыкалъ нашъ караванъ-сарай, поставленъ былъ сильный пѣхотный пикетъ; кругомъ разсыпана цѣпь, а на всѣ близлежащія высоты посланы конные казачьи разъѣзды. Самые неутомимые изъ молодежи офицеры отправились съ казаками снимать, какъ они говорили, бухарскіе аванпосты, которые, несмотря на близость Русскихъ, еще продолжали стоять на высотахъ, разчитывая на близость крѣпости и быстроту своихъ коней. По мѣрѣ приближенія нашихъ казаковъ, Сарты быстро отступали, наши бросались за ними въ погоню и, конечно, никого не догоняли, что, впрочемъ, нисколько не мѣшало общему удовольствію.

Весь слѣдующій день посвященъ былъ осмотру мѣстности, лежащей вокругъ города. Мы разъѣзжали по горамъ, окружающимъ сѣверную сторону его, взадъ и впередъ, но какъ хребетъ этихъ горъ находится въ разстояніи около 800 саженъ отъ сѣвернаго фронта, а спустившись въ долину, мы не могли видѣть, что дѣлается на скалистой высотѣ, увѣнчанной цитаделью, то естественно, что отъ такихъ разъѣздовъ было очень мало толку.

Изъ разъѣздовъ этихъ мы могли только вынести все бо́льшую и бо́льшую увѣренность въ невозможности атаковать сѣверный фронтъ и въ необходимости вести атаку на какой-либо другой, но все это мы знали очень хорошо изъ рекогносцировки 23-го сентября.

Такія рекогносцировки способны были лишь утвердить убѣжденіе, существующее у большей части старыхъ туркестанскихъ офицеровъ, вообще относящихся нѣсколько небрежно къ рекогносцировкамъ и прочимъ операціямъ въ европейской войнѣ, предшествующимъ рукопашному бою, какъ къ тонкостямъ излишнимъ и безполезнымъ въ войнѣ съ Бухарцами.

„Что́ толку“, говорятъ они, „дѣлать рекогносцировки и терять на нихъ людей, когда съ тою же почти и во всякомъ случаѣ незначительною потерей мы возьмемъ крѣпость штурмомъ.“

Но не столько, впрочемъ, какъ мнѣ всегда казалось, опасеніе лишней потери въ людяхъ вооружало противъ рекогносцировокъ здѣшнее общественное мнѣніе, сколько другія причины: медленность, кажущаяся нерѣшительность послѣдствій, отсутствіе ближайшаго видимаго результата при подобныхъ операціяхъ. Храбрые офицеры, обстрѣленные въ бояхъ съ Бухарцами и Коканцами, участники безчисленныхъ экспедицій, начавшихся еще съ 1853 года, бившіе Коканцевъ еще подъ начальствомъ генерала Колпаковскаго, бившіе ихъ въ послѣдствіи при генералахъ Веревкинѣ, Черняевѣ и Романовскомъ, на основаніи, конечно, опыта, авторитетъ котораго заслуживаетъ полнаго почтенія, выработали себѣ особенный взглядъ на образъ веденія военныхъ дѣйствій съ Азіатцами. Взглядъ этотъ лучше всего опредѣляется выраженіемъ: *идти напроломъ*. Проникнувшись, вслѣдствіе постоянныхъ успѣховъ въ бою, глубокимъ презрѣніемъ къ военному искусству и способностямъ Азіатцевъ, сильно довѣряя превосходству русскихъ войскъ въ отношеніи личной храбрости, они какъ будто позабываютъ, что не въ одномъ только

этомъ отношеніи русскія войска выше Бухарцевъ, что и лучшее вооруженіе, и лучшая тактическая подготовка даютъ имъ, и помимо личной храбрости, такой же перевѣсъ, такое же преимущество надъ Азіятцами.

Этими послѣдними преимуществами жертвуютъ весьма охотно, дѣлаются иногда даже важныя тактическія ошибки, если только ошибка эта даетъ исходъ необузданной храбрости здѣшнихъ старыхъ офицеровъ.

Духъ неукротимой порывистости проникаетъ здѣсь во всѣ роды оружія. Разказываютъ про одного артиллерійскаго офицера, который, при осадѣ одной изъ крѣпостей съ весьма высокою профилью, выѣхалъ саженъ на пятьдесятъ, кажется, къ крѣпостной стѣнѣ и сдѣлалъ нѣсколько очередей картечью, стрѣляя, конечно, вверхъ сажени на три или на четыре. Подобный маневръ, гдѣ личная храбрость, движеніе впередъ на первомъ планѣ, чрезвычайно симпатиченъ нашимъ боевымъ туркестанскимъ офицерамъ.

Образованіе подобнаго взгляда совершенно естественно и отчасти основательно. Дѣйствительно, успѣхамъ нашимъ мы обязаны не усовершенствованному оружію, не военному техническому воспитанію, а преимущественно личной храбрости нашихъ войскъ. Отнимите у нашихъ солдатъ нарѣзныя ружья и дайте имъ пики временъ Александра Македонскаго; я увѣренъ, что Бухарцевъ и Коканцевъ они будутъ бить точно такъ же, какъ били до сихъ поръ, какъ билъ во времена оны Персовъ тотъ же Александръ Македонскій, обращавшій въ бѣгство безчисленныя полчища Дарія Кодомана горстью своихъ Македонянъ. Съ того времени Азіятцы ушли впередъ весьма немного. Но естественно, что взглядъ этотъ грѣшитъ односторонностью, такъ какъ при образованіи его принятъ въ соображеніе лишь характеръ военныхъ дѣятелей Средней Азіи, а не характеръ военныхъ дѣйствій.

Дѣйствительно, бережливость въ людяхъ есть первое условіе войны въ Средней Азіи, условіе, которое прежде всего необходимо соблюдать. Дальность экспедицій, предпринимаемыхъ часто за сотни верстъ отъ нашихъ здѣшнихъ военныхъ центровъ, затруднительность пополненія убывающаго комплекта, все это краснорѣчиво говоритъ въ пользу необходимости беречь людей. Но именно съ этой точки

зрѣнія получаютъ особенно важное значеніе рекогносцировки, сообразное употребленіе усовершенствованнаго оружія и вообще тѣ залоги вѣковаго военнаго опыта, которые составляютъ такъ-называемыя тонкости военнаго искусства. Должно помнить, что вслѣдствіе особенной оригинальной организаціи азіятскихъ правительствъ, невыгодности для насъ вообще территоріальныхъ пріобрѣтеній въ Средней Азіи и многихъ другихъ причинъ, выигранное сраженіе, взятіе лишней крѣпости, даже занятіе и полное покореніе обширной провинціи никогда не ведетъ за собой такихъ важныхъ для общаго хода войны результатовъ, каковые ведетъ взятіе европейской крѣпости, европейскаго города въ европейской войнѣ. Нельзя такимъ образомъ даже назвать побѣдой взятіе бухарской крѣпости, осада которой стоила, напримѣръ, двухъсотъ или трехъсотъ русскихъ солдатъ. Всегда весьма чувствительныя для нашихъ малочисленныхъ отрядовъ потери убитыми и ранеными въ состояніи омрачить славу и уменьшить значеніе взятія Самарканда и Бухары, не только какой-нибудь второстепенной крѣпости. Потому искусство военачальника заключается здѣсь не въ томъ, чтобы взять городъ, выиграть сраженіе, а въ томъ, чтобы взять городъ, выиграть сраженіе съ наименьшею потерей русской крови.

Опредѣлить и формулировать немногосложныя операціи, составляющія сущность осады здѣшней крѣпости, не трудно. Осада заключается въ томъ, чтобы, воспользовавшись безпечностью Азіятцевъ, непониманіемъ ими значенія караульной службы, незнаніемъ нормальныхъ и существеннѣйшихъ основаній поліоркетики, слабостью калибровъ ихъ артиллерійскихъ орудій и ничтожнымъ ихъ, за неимѣніемъ разрывныхъ снарядовъ, дѣйствіемъ по земляннымъ насыпямъ, заложить брешь-батарею въ возможно близкомъ отъ крѣпостныхъ стѣнъ разстояніи.

Пробивъ въ стѣнѣ обвалъ и отсыпавъ ее на берму, которая въ азіятскихъ крѣпостяхъ дѣлается иногда весьма широкою, надлежитъ собрать штурмовыя колонны на батареѣ и внезапно бросить ихъ на брешь.

Производимая нами рекогносцировка съ дальнихъ разстояній мало подвинула насъ впередъ. Предпринимаемая осада крѣпости дѣлала главною цѣлью нашихъ рекогносцировокъ

выборъ мѣста для брешь-батареи, то-есть выборъ такого мѣста, которое находилось бы въ разстояніи не больше ста саженъ отъ крѣпостной стѣны и притомъ было бы настолько высоко, чтобы съ углубленной батареи можно было открыть, если не подошву, то по крайней мѣрѣ середину стѣны. Вотъ вся задача рекогносцировки при здѣшнихъ осадахъ, потому что о фланговой оборонѣ Сарты не имѣютъ понятія, и на выборъ позиціи слѣдовательно, очертаніе стѣнъ не имѣетъ почти никакого вліянія. Конечно, вслѣдствіе капризной извилистости оборонительной линіи, можетъ и у Сартовъ встрѣтиться случайно перекрестная оборона, но мало шансовъ, чтобы Сарты этимъ благопріятнымъ обстоятельствомъ воспользовались. Размѣры же стѣнъ и ихъ прочность, вопросы особенно интересные для штурмовой колонны, конечно, рекогносцировкой открыть трудно и не всегда возможно. Тутъ слѣдовало бы опросить плѣнныхъ и переметчиковъ, достать языка. Къ сожалѣнію, сколько мнѣ ни случалось опрашивать этихъ господъ, всегда въ результатѣ выходило очень мало пользы отъ такихъ разспросовъ.

Еще наканунѣ, общими силами съ подполковникомъ Я*, выпытывали мы о подробностяхъ, касающихся городскихъ укрѣпленій и окружающей городъ мѣстности, у одного Сарта, бывшаго въ Ура-Тюбе всего двѣ недѣли тому назадъ, и который, казалось, могъ бы что-нибудь разказать намъ объ этомъ предметѣ. Бились мы съ нимъ часа три, по крайней мѣрѣ, угощая Сарта чаемъ. Сартъ выпилъ шесть чашекъ, или вѣрнѣе сказать лаханей чаю (такъ велики здѣшнія чашки), говорилъ, дѣйствительно, много, насказалъ съ три короба различнаго вздора, но не сообщилъ намъ ничего такого, что бы могло насъ интересовать.

Непониманіе Сартами чертежа самаго простаго, весьма подозрительное знаніе языка нашими доморощенными толмачами (должность эту исправлялъ у насъ батарейный ѣздовой Татаринъ), а можетъ-быть и несовершенная добросовѣстность разкащика, все это вмѣстѣ въ высшей степени затрудняетъ собираніе свѣдѣній подобнымъ путемъ. Азіятцы молчаливы, скрытны и боязливы, а потому сами ничего не разказываютъ, а только отвѣчаютъ на ваши вопросы. При формулированіи же своихъ отвѣтовъ хлопочутъ больше о томъ, чтобы заключающіяся въ отвѣтѣ свѣдѣнія

доставили удовольствіе вопрошающему. Вмѣсто прямыхъ и правдивыхъ отвѣтовъ, они льстятъ, а слѣдовательно лгутъ.

Рекогносцировка рѣшительная, дѣйствительно, полезна; рекогносцировка для выбора мѣста постройки батарей противъ восточнаго фронта назначена была на слѣдующій день, 26-го сентября.

Двѣ роты пѣхоты, сотня казаковъ и два нарѣзныя орудія, подъ личнымъ предводительствомъ начальника сѣвернаго отряда Б*, съ утра выступили изъ караванъ-сарая и двинулись вдоль сѣвернаго фронта. Артиллерія пошла особою обходною дорогой, пѣхота и казаки по хребту горъ, о которомъ я часто упоминалъ. Съ нами былъ топографъ, подъ прикрытіемъ отряда производившій съемку. Мы прошли по хребту версты двѣ и остановились противъ самаго сѣверо-восточнаго угла. Въ этомъ мѣстѣ хребетъ перерѣзывался дорогой, идущею къ однимъ изъ городскихъ воротъ. Нарѣзной взводъ пришелъ почти одновременно съ нами и тотчасъ же поднялся на гору, занявъ, такимъ образомъ, позицію подлѣ самой дороги.

Пользуясь оврагами, въ большомъ числѣ опоясывающими городскую стѣну съ сѣверной и восточной сторонъ, мы обогнули сѣверо-восточный уголъ, и выйдя изъ лощины, очутились въ 800 саженяхъ отъ восточнаго фронта. Сарты во все время нашего движенія не переставали дѣйствовать на насъ изъ пяти или шести орудій, находившихся на этомъ фронтѣ, но отъ огня ихъ мы не понесли никакой потери, какъ по причинѣ превосходныхъ закрытій, представляемыхъ мѣстностью, такъ и въ особенности по причинѣ вообще слабости азіятскаго артиллерійскаго огня. Замѣчательно, что дѣйствительность сартовскихъ орудій нисколько почти не возрастаетъ съ уменьшеніемъ разстоянія, ибо ядра ихъ, по причинѣ, вѣроятно, малаго калибра, почти не рикошетируютъ. Отъ этого ощущеніе, когда подлѣ васъ падаетъ бухарское ядро, нисколько не походитъ на испытываемое при паденіи, напримѣръ, европейской гранаты, въ особенности съ ударною трубкой, которая, разорвавшись тутъ же, брызнетъ на васъ черепками, и черепки эти, какъ мухи, начинаютъ жужжать со всѣхъ сторонъ на различныя тоны отъ самыхъ высокихъ до самыхъ низкихъ. Съ правой стороны гудитъ басомъ и притомъ съ какою-то сиплою трелью одинъ осколокъ (должно-быть большой, заключаете вы), надъ

головой жужжитъ дискантомъ и безъ трели—другой, шлепается третій на землю подъ самыми ногами, а вы только стоите и прислушиваетесь къ этому концерту, положительно не зная, съ какой стороны вамъ грозитъ опасность. Бухарскіе же снаряды производятъ совершенно другое впечатлѣніе. Всегда, когда у ногъ моихъ падала бухарское ядро, мнѣ казалось, будто въ меня кто кинулъ камнемъ. Къ подобному огню скоро привыкаютъ войска, и моральное его дѣйствіе вообще ничтожно.

Кромѣ того, движеніе цѣли въ высшей степени сбиваетъ бухарскихъ артиллеристовъ. Они пристрѣливаются чрезвычайно медленно. Только-что, бывало, пристрѣляются на которую-нибудь изъ нашихъ ротъ, глядишь, рота далеко уже ушла впередъ, и ядра ихъ исправнѣйшимъ образомъ начинаютъ перелетать.

Мѣстность впереди восточнаго фронта полого спускалась отъ крѣпостной стѣны, и скатъ этотъ, по направленію параллельному стѣнѣ, изрѣзанъ былъ нѣсколькими лощинами съ весьма, впрочемъ, отлогими краями. Въ одной изъ этихъ лощинъ оставленъ былъ резервъ изъ одной роты. Другую роту точно также оставили и спрятали мы въ другой балкѣ, саженяхъ въ четырехъ стахъ отъ фронта.

Взявъ съ собой лишь двадцать пять человѣкъ стрѣлковъ, мы втроемъ, Б*, Я* и я, продвинулись къ стѣнѣ, пересѣкли дорогу ведущую къ городскимъ воротамъ, которая, какъ мы увидали, была перерыта, и прошедши нѣсколько шаговъ, наткнулись на незамѣченный нами глубокій арыкъ, идущій параллельно стѣнѣ и въ разстояніи отъ нея около 170 саженъ. Арыкъ имѣлъ около 1½ сажени глубины и совершенно отвѣсныя стѣны. На днѣ его было немного воды. Стоя по сю сторону арыка, мы закрыты были его высокими искусственными берегами отъ крѣпостныхъ стѣнъ, но за арыкомъ мѣстность начинала довольно быстро подниматься, и слѣдовало думать, что, въ недальнемъ разстояніи отъ противоположнаго берега можно открыть стѣну. Мы сошли съ коней и стали совѣщаться. Сарты не видѣли насъ, но, слѣдя за движеніемъ, знали о нашемъ присутствіи и сыпали на насъ ружейными и фалконетными пулями. Наши кони стали показывать безпокойство. Свистъ пуль и ядеръ сильно пугалъ ихъ. Загнувъ назадъ уши, они махали мордами и хвостами и били копытомъ о землю, какъ будто ихъ

кусалъ оводъ. По краткомъ совѣщаніи рѣшено было: взявъ съ собой двухъ стрѣлковъ, переправиться чрезъ арыкъ, и подойдя къ стѣнамъ сколь возможно ближе, удостовѣриться, можно ли построить батарею въ 70—100 саженяхъ отъ крѣпости. Двое солдатъ любезно предложили намъ перенести насъ на другой берегъ, и мы, сѣвъ къ нимъ на плечи, благополучно переправились чрезъ арыкъ. Бѣгомъ пошли мы къ стѣнамъ. Впереди всѣхъ бѣжалъ стрѣлокъ,—бѣжалъ и вдругъ присѣлъ: пуля ударила его въ щиколотку.

— Что, братъ, зацѣпило? окликнулъ я его на бѣгу.

— Зацѣпило маненько, ваше —діе, отвѣчалъ стрѣлокъ, сидя на землѣ и ощупывая сапогъ.

Останавливаться для раненаго было некогда, тѣмъ болѣе что онъ скоро самъ поднялся и побрелъ назадъ къ арыку. Я пробѣжалъ впередъ еще нѣсколько шаговъ. Предо мной открылась длинная стѣна восточнаго фронта, до которой оставалось не болѣе ста саженъ. Вершины стѣнъ унизаны были клубами дыма, прорѣзываемыми тамъ и сямъ огоньками выстрѣловъ. Видя насъ въ столь близкомъ разстояніи отъ стѣнъ, Сарты открыли батальный огонь со всего фронта. Пули поминутно шлепались о землю около насъ, поднимая столбики сухой пыли. Ружейный огонь часто прерывался свистомъ пушечнаго или фалконетнаго ядра. Въ это время изъ городскихъ воротъ, находившихся съ лѣвой стороны отъ насъ, показалась толпа конныхъ и пѣшихъ Сартовъ, которые, стрѣляя изъ ружей, довольно медленно, впрочемъ, двигались на насъ, намѣреваясь, какъ видно, отрѣзать намъ отступленіе. Ихъ встрѣтили штуцернымъ огнемъ наши 23 стрѣлка, оставленные за арыкомъ. Но видя свой перевѣсъ въ силахъ, Сарты подвигались впередъ.

Сдѣлать какую-нибудь трасировку баттареи мы не могли: это было бы лишнее, ибо, безъ сомнѣнія, всякая замѣтка, немедленно по нашемъ удаленіи, была бы уничтожена Сартами. Ограничившись такимъ образомъ однимъ осмотромъ мѣстности, мы отступили къ нашимъ резервамъ. Бухарцы, какъ выступившіе изъ города, такъ и находившіеся на стѣнѣ, проводили насъ радостнымъ визгомъ, замѣняющимъ, вѣроятно, у нихъ *ура*, но преслѣдовать насъ до нашихъ резервовъ не рѣшились. Они, должно-быть, воображали, что мы втроемъ собирались штурмовать стѣну, и только испуганные

ихъ огнемъ и вылазкой, отступили назадъ. Визгливое „ура“ ихъ еще долго провожало насъ.

Начальникъ отряда поручилъ мнѣ передать командующему войсками о результатахъ сегодняшней рекогносцировки, вслѣдствіе чего мнѣ надлежало ѣхать въ главный отрядъ. Я воспользовался прибытіемъ графа В., который долженъ былъ возвращаться назадъ, на южную сторону города. Чтобы не брать особаго провожатаго и прикрытія, я пристроился къ нему.

Главный отрядъ нашъ расположенъ былъ противъ юго-западнаго угла города, слѣдовательно, на углу діагонально противоположномъ тому, у котораго мы стояли. Лагерь этого отряда находился верстахъ въ пяти отъ городской стѣны, и чтобы попасть въ него, минуя выстрѣлы, надлежало обходить стѣну въ довольно большомъ отъ крѣпости разстояніи. Въ суммѣ, предстоявшій намъ путь былъ длиной отъ 16 до 18 верстъ, притомъ, такъ какъ съ нами была пѣхотная рота, разстояніе это пришлось идти шагомъ. Бѣды, конечно, въ этомъ большой не было. Къ дальнимъ походамъ и переходамъ здѣсь не привыкать стать. Но бѣда въ томъ, что съ утра еще началъ дуть довольно свѣжій вѣтеръ, и путешествуя по горамъ, нельзя было не продрогнуть порядкомъ. Быстрая ѣзда во время рекогносцировки и сильныя ощущенія, пока насъ разстрѣливали съ ура-тюбинскихъ стѣнъ, заставили позабыть на время холодъ. Но когда началось наше длинное путешествіе шагомъ, когда притомъ все небо покрылось облаками, и на солнцѣ нельзя было согрѣться, холодъ началъ становиться положительно невыносимымъ. А тутъ еще насъ остановили, потому что надлежало собрать казачью сотню, разсыпавшуюся по форштадту для фуражировки сѣна. Пошелъ мелкій и холодный, настоящій осенній дождь, въ самомъ скоромъ времени пробившій до послѣдней нитки приспособленную къ болѣе теплому климату одежду, состоявшую почти у всѣхъ насъ изъ кителя и плаща. Не знаю, сколько времени простояли мы на мѣстѣ,—часа полтора или два, не менѣе—но это время показалось всѣмъ намъ очень долгимъ. Ноги въ стременахъ совершенно закоченѣли. Безпрестанно передавалъ я поводья изъ одной руки въ другую, чтобы хоть сколько-нибудь согрѣть свободную руку. Г. К., который терпѣть не могъ жару и постоянно бранилъ Туркестанскую область за ея жаркій климатъ, обрадовавшись

свѣжему деньку, проѣхалъ изъ главнаго отряда въ одномъ кителѣ и озябъ чуть ли не въ первый разъ въ жизни. Скоро дождь пересталъ и смѣнился снѣгомъ. Положеніе начинало становиться дѣйствительно критическимъ.

Долго простояли мы подъ снѣгомъ, пока собрали казаковъ и представилась возможность двинуться впередъ. Нестерпимо медленно шли мы, сначала по оставленному форштадту, потомъ по какой-то горной дорогѣ. Холодъ отнялъ у меня всякую возможность не только соображать и наблюдать, а даже видѣть, и должно сознаться, что всѣ подробности нашего путешествія ускользнули отъ меня вполнѣ. Знаю только, что дорога была прескверная: ежеминутно лошадь упрямилась и не хотѣла прыгать чрезъ арыки, сдѣлавшіеся отъ дождя чрезвычайно стремительными. По этой отвратительной дорогѣ шли мы по крайней мѣрѣ четыре часа, за тѣмъ вступили опять въ форштадтъ. До лагеря осталось всего двѣ или три версты. Пробравшись между рядами пѣхотныхъ солдатъ, толпой шедшихъ по узкимъ улицамъ, офицеры, которые были почти всѣ верхами, пустились вскачь и чрезъ нѣсколько минутъ достигли лагеря. Мы перезябли какъ никогда еще мнѣ въ жизнь не случалось озябать. Я положительно не могъ ѣхать съ докладомъ къ командующему войсками, и по пріѣздѣ въ лагерь, первою задачей поставилъ себѣ отыскать нашъ второй дивизіонъ, нуждаясь прежде всего въ сухомъ платьѣ на перемѣну моего, пробитаго до послѣдней нитки. По счастію, подъѣхавъ къ лагерю, я прямо наткнулся на коновязи, гдѣ стояли бурые кони нашей батареи. Я вошелъ въ первую палатку, принадлежавшую А*, и засталъ тамъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ артиллеристовъ въ положеніи, также не весьма привлекательномъ. Легкая бухарская палатка не могла защитить обитателей не только отъ холода, но даже и отъ дождя, который тамъ и сямъ лился струйкой чрезъ верхъ и полы палатки. Публика, поджавъ ноги, сидѣла на кроватяхъ, намотавъ на себя все что̀ только нашлось въ ихъ хозяйствѣ теплаго, ругая погоду на чемъ свѣтъ стоитъ. Синіе носы и губы присутствовавшихъ достаточно краснорѣчиво подтверждали справедливость ихъ гнѣва. Тотчасъ по моей просьбѣ разосланы были гонцы по лагерю, и изъ разныхъ палатокъ собраны были отъ кого сапоги, отъ кого халатъ, отъ кого сорочка.

Одѣвшись во что̀ Богъ послалъ и напившись чаю, я свернулся въ три погибели на кровати и заснулъ почти тотчасъ же мертвымъ сномъ. Богъ знаетъ сколько проспалъ бы я послѣ столь тяжелаго дня, но въ 10 часовъ меня разбудилъ казакъ, присланный отъ генерала Р*. Поднявшись съ кровати, я не скоро могъ проснуться и отдать себѣ отчетъ въ чемъ дѣло, не скоро могъ вспомнить даже зачѣмъ именно я пріѣхалъ въ отрядъ. Платье мое было еще совершенно мокрое, мокрѣе нежели какъ я его скинулъ, потому что, лежа въ палаткѣ, оно успѣло покрыться снѣгомъ. Нечего дѣлать, пришлось остаться въ мѣховомъ халатѣ, покрытомъ яркою шелковою матеріей, которымъ любезно снабдилъ меня одинъ изъ нашихъ артиллеристовъ. Опоясавъ халатъ саблей, въ сартскомъ костюмѣ я отправился къ генералу. На дворѣ была полная темнота. Небо покрыто тучами. Снѣгъ лежалъ бѣлою пеленой, ярко блистая тамъ, гдѣ падалъ на него свѣтъ фонаря, которымъ вооруженъ былъ мой проводникъ. Вся физіономія пейзажа нисколько не напоминала 39° градусовъ широты, а скорѣе наши родныя сѣверныя страны. Идти было чрезвычайно скверно. Земля отсырѣла и подъ тающимъ снѣгомъ превратилась въ густую и скользкую, прилипающую къ ногамъ, грязь. Хуже и непріятнѣе грязи какъ въ Туркестанской области едва ли гдѣ можно встрѣтить. Съ нею можетъ лишь сравняться грязь солончаковъ въ Киргизскихъ степяхъ. Спускаться съ горы почти не представлялось возможности, развѣ лишь на четверенькахъ, потому что двухъ точекъ опоры положительно оказывалось недостаточно. Да и на ровномъ мѣстѣ ноги разъѣзжались какъ на льду, или уходили по щиколотку, а вытаскивая ихъ изъ грунта, каждый разъ приходилось вытаскивать вмѣстѣ съ ногами фунтовъ по пяти грязи на каждой.

Скользя и чуть не падая на каждомъ шагу, безпрестанно натыкаясь въ темнотѣ, то на веревки палатокъ, густо поставленныхъ въ серединѣ лагеря, то на коновязные канаты, причемъ привязанные къ нимъ кони, потревоженные совершенно неожиданно, взлягивали съ дикимъ ревомъ, я наконецъ дошелъ до юрты генерала Р*. У него былъ начальникъ штаба. Оба были одѣты такъ же какъ и я, въ мѣховые тулупы, и мой пунцовой халатъ, благодаря вольностямъ здѣшняго края, вслѣдствіе которыхъ формой одежды

здѣсь никого не стѣсняютъ, прошелъ незамѣченнымъ, какъ будто бы такъ именно и слѣдовало быть одѣтымъ.

По докладѣ моемъ генералу о результатахъ сегодняшней рекогносцировки, тутъ же въ общихъ чертахъ составленъ былъ планъ осады Ура-Тюбе. На слѣдующій день предполагалось опредѣлить его подробности и представить на утвержденіе генералу Крыжановскому, къ которому я получилъ приглашеніе прибыть къ 8 часамъ утра. Рѣшивъ, что утро вечера мудренѣе, генералъ отпустилъ меня домой, и я, тою же скверною дорогой, съ тѣми же препятствіями, добрался или, вѣрнѣе сказать, доползъ до палатки.

V.

Въ 8 часовъ утра собрались у генерала Крыжановскаго всѣ высшіе чины штаба, а также офицеры, принимавшіе участіе въ рекогносцировкахъ, которыхъ нѣсколько произведено было въ это время и противъ южнаго фронта. Каждый изъ этихъ офицеровъ имѣлъ при себѣ по чертежу рекогносцированныхъ имъ укрѣпленій (болѣе или менѣе скверно начерченныхъ на измятыхъ и запачканныхъ лоскуткахъ бумаги).

Еще на основаніи рекогносцировки, произведенной 23-го сентября, рѣшено было атаковать крѣпость съ двухъ сторонъ, непремѣнно съ южной и сѣверной или восточной, какъ найдено будетъ удобнѣе. Послѣ вчерашняго осмотра восточнаго фронта, никакихъ колебаній между этими двумя послѣдними фронтами быть не могло. Атаковать сѣверный фронтъ значило бы то же что̀ лѣзть къ быку на рога. Восточный же фронтъ, по условіямъ мѣстности, былъ во многихъ отношеніяхъ выгоднѣе для атаки. Насъ, правда, нѣсколько затруднялъ широкій и глубокій арыкъ, идущій параллельно стѣнѣ. На рекогносцировкѣ мы благополучно переправились чрезъ него, воспользовавшись плечами солдатъ, но переправить чрезъ него большой отрядъ пѣхоты, артилерію и инженерный обозъ было дѣломъ довольно затруднительнымъ, въ особенности если Сартамъ вздумалось бы, паче чаянія, пустить въ этотъ арыкъ воду. Но безъ риска въ военномъ дѣлѣ ничего нельзя предпринять. Рѣшено было или срыть его берега, сдѣлавъ въ нихъ отлогіе съѣзды

для батареи и инженернаго обоза, или же, въ крайнемъ случаѣ, если въ арыкѣ окажется много воды, бросить чрезъ него временной мостъ. Кромѣ того, предложено было съ трехъ пунктовъ штурмовать южный фронтъ, доступъ къ которому былъ весьма легокъ, такъ какъ онъ былъ прикрытъ строеніями форштадта. Дѣйствительно, эспланада, образовавшаяся отъ разрушенныхъ, находящихся около стѣны, сакель, была всего саженъ въ 70 шириной, а на дальнѣйшемъ разстояніи отъ крѣпостной стѣны можно было, за оставшимися въ цѣлости заборами и саклями, помѣстить многочисленный отрядъ, не рискуя почти никакою потерей.

Все это рѣшено было безъ большихъ преній, да въ этомъ отношеніи и не могло быть никакого спору. Но относительно подробностей веденія атаки мнѣнія раздѣлились.

Должно упомянуть, что до осенней, описываемой мной, экспедиціи 1866 года, при нашихъ многочисленныхъ осадахъ средне-азіятскихъ городовъ, обвалы въ стѣнахъ ни разу не пробивались. Между многими коренными туркестанскими артиллеристами существовало даже твердое убѣжденіе, что глиняныя стѣны бухарскихъ и коканскихъ крѣпостей представляютъ среду весьма неудобную и даже невозможную для производства обваловъ. Говорили, что снаряды полевыхъ орудій глубоко уходятъ въ глиняныя стѣны, но самой стѣны нисколько не осыпаютъ, Приводили при этомъ въ примѣръ осаду Ніазбека, осаждая который, наша артиллерія выпустила что-то очень много выстрѣловъ, но ничего похожаго на брешь произведено въ стѣнѣ не было.

На основаніи такого мнѣнія, здѣшніе артиллеристы предназначили своему оружію самую скромную роль при осадѣ крѣпостей. Роль ея ограничивали однѣми демонстраціями и бомбардированіями. Она должна была громить, а не бить крѣпостную стѣну. Понятно, что подобная громкая, но безполезная демонстрація даже на Сартовъ производила мало дѣйствія. Скрываясь за своими стѣнами, они очень хорошо понимали полную недѣйствительность нашего огня, развитіе котораго въ надлежащей степени намъ не дозволялъ постоянный недостатокъ въ снарядахъ.

Осада крѣпостей приводилась такимъ образомъ въ простѣйшей формѣ, той формѣ, которая существовала во времена Троянской войны.

Стѣны просто - на - просто эскаладировались по штурмовымъ лѣстницамъ. Штурмовыя колонны выбѣгали впередъ, неся съ собой эти лѣстницы, спускались по нимъ съ контръэскарпа, если ровъ былъ глубокъ, за тѣмъ бросали ихъ на стѣну, и уперевъ подмоги въ эскарпъ, по лѣстницамъ эскаладировали стѣну. Операція чрезвычайно опасная и рискованная, по причинѣ малаго фронта штурмовой колонны и невыгоднаго положенія относительно употребленія оружія лѣзущими на стѣну солдатами.

Вслѣдствіе невыгодности, да почти и невозможности производить полныя рекогносцировки нашими малочисленными отрядами, бывали такіе случаи, что длинныя трехъ или пяти-саженныя штурмовыя лѣстницы оказывались недостаточной длины, что̀, скажемъ кстати, при огромныхъ профиляхъ бухарскихъ и коканскихъ стѣнъ, дѣло весьма возможное. Пусть представитъ себѣ читатель отчаянное положеніе штурмовой колонны, спустившейся въ ровъ, и тутъ только, бросивъ лѣстницы на стѣну, убѣдившейся, что лѣстницы эти не хватаютъ до верху стѣны, по крайней мѣрѣ, на сажень. Защититься нечѣмъ, а между тѣмъ крѣпостной гарнизонъ бросаетъ на беззащитную колонну камни, горящую смолу и пр., и осыпаетъ ее пулями.

Именно насчетъ того: бить ли обвалы въ стѣнахъ, или нѣтъ, и раздѣлились мнѣнія членовъ совѣта.

Нѣкоторые изъ артиллеристовъ, не довѣрявшіе опыту прежнихъ туркестанскихъ осадъ, не вѣрившіе, чтобы высокая и отвѣсная глиняная стѣна могла выдержать, не осыпавшись, удары 12-ти-фунтовыхъ ядеръ и ½ пудовыхъ гранатъ, настаивали на томъ, чтобы подъ Ура-Тюбе испробовать бить обвалы въ стѣнахъ, заложивъ брешь батареи въ разстояніи на столько отъ нихъ близкомъ, чтобы представилась возможность сдѣлать обвалъ по всѣмъ правиламъ артиллерійскаго искусства.

Предложеніе это, какъ и всякая вообще новость, не прошло безъ того, чтобы не подвергнуться сильнымъ нападкамъ со стороны приверженцевъ старины. Консерваторы сильно ратовали противъ брешь-батарей. Многіе, впрочемъ, возражали противъ обваловъ не столько изъ консерватизма, сколько вслѣдствіе несогласія этой операціи со взглядомъ на образъ веденія военныхъ дѣйствій въ Средней Азіи, съ давнихъ поръ укоренившимся въ туркестанскихъ офицерахъ.

Производство обваловъ казалось имъ слишкомъ большою тонкостью, годною лишь для европейской войны и совершенно лишнею въ войнѣ съ Азіятцами.

Правда, при оригинальномъ складѣ здѣшней страны и военныхъ дѣйствій въ ней предпринимаемыхъ, при многихъ особенностяхъ въ способѣ веденія войны, осаждая бухарскую крѣпость, должно руководствоваться правилами, весьма отличными отъ правилъ Вобана и другихъ европейскихъ поліоркетовъ; но именно штурмъ по обваламъ, а не эскалада цѣлыхъ стѣнъ, составляетъ необходимую характеристическую черту здѣшнихъ осадъ, условіе, вытекающее изъ особенностей способа веденія войны съ Азіятцами, изъ особенностей положенія русскихъ войскъ въ здѣшней странѣ.

Дѣйствительно, Азіятцы не въ состояніи стать лицомъ къ лицу съ русскими войсками въ полевомъ сраженіи. Какъ бы ни были они многочисленны, они уклонятся отъ натиска самой слабой колонны, если та идетъ смѣло и рѣшительно въ атаку. Одинъ видъ ряда наклоненныхъ штыковъ приводитъ Азіятцевъ въ ужасъ. Результатомъ полеваго сраженія будетъ всегда полное пораженіе и разсѣяніе Бухарцевъ при ничтожной съ нашей стороны потерѣ. Ирджарское сраженіе, гдѣ генералъ Романовскій разбилъ 40 тысячъ Бухарцевъ съ потерей лишь 12 человѣкъ, Узунагатское сраженіе, гдѣ столько же почти Коканцевъ разбито генераломъ Колпаковскимъ съ четырьмя ротами и съ такою же почти незначительною потерей, наконецъ послѣднее, Яны-Курганское сраженіе, гдѣ силы Бухарцевъ, судя по реляціи, были еще больше, а наша потеря еще меньше, достаточно ясно показываютъ, что неудачныхъ полевыхъ сраженій для насъ въ Средней Азіи быть не можетъ, какъ бы ни была велика несоразмѣрность между силами Русскихъ и Бухарцевъ. Въ открытомъ бою Бухарцы разсѣются въ прахъ при первомъ нашемъ движеніи впередъ. Но не должно забывать, что и исходъ такихъ легкихъ побѣдъ по большей части даетъ ничтожные результаты, и разсѣянные въ прахъ Азіятцы, по волѣ эмира, весьма легко и скоро собираются вновь, хотя бы для того чтобъ опять быть разсѣянными.

Видимый результатъ въ здѣшней войнѣ получается лишь взятіемъ города или крѣпости (здѣсь нѣтъ не-укрѣпленныхъ городовъ). Только взятіемъ города обезпечивается территоріальное пріобрѣтеніе, единственный успѣхъ, какой можетъ быть пріобрѣтенъ въ здѣшней странѣ силой оружія.

Въ этихъ-то городахъ и крѣпостяхъ разсѣянныя въ полевомъ сраженіи скопища Азіятцевъ собираются подъ прикрытіемъ высокихъ стѣнъ и глубокихъ рвовъ и ждутъ насъ, чтобъ оказать свое пассивное, чисто азіятское сопротивленіе. Не довѣряя дѣйствительности своего оружія, они прибѣгаютъ къ огромнымъ фортификаціоннымъ постройкамъ. Они надѣются, что о высокія стѣны и глубокіе рвы разобьется храбрость нашихъ штурмовыхъ колоннъ, и въ вышинѣ своихъ профилей ищутъ поддержки для своего слабаго духа и трусливаго сердца. Точно такъ черепаха, при нападеніи сильнаго непріятеля, прячется въ свой черепъ, надѣясь его крѣпостью обезпечить свое существованіе.

Разчетъ Сартовъ вѣренъ: онъ основанъ на сознаніи собственныхъ силъ, или, вѣрнѣе сказать, собственнаго безсилія. Неудивительно, что онъ и подтверждался на дѣлѣ. Всѣ наши неудачи, всѣ наши потери въ Средней Азіи были не отъ ихъ слѣпаго огня, не отъ ихъ артиллерійскихъ орудій, мало кого убивающихъ, не отъ сабель и пикъ сартовскихъ, а отъ высокихъ стѣнъ и глубокихъ рвовъ.

Штурмъ Ташкента генераломъ Черняевымъ 2-го октября 1864 года былъ отбитъ съ большою потерей, потому что стѣны остановили нашихъ солдатъ. Одна изъ колоннъ, штурмовавшихъ Ходжентъ, именно колонна капитана Михайловскаго, была отбита и потеряла 80 человѣкъ, потому что штурмовыя лѣстницы не хватили до верху.

Сравните эти потери съ потерями въ Ирджарскомъ, Яны-курганскомъ и Узунагатскомъ сраженіяхъ, гдѣ, какъ напримѣръ въ Ирджарскомъ сраженіи, были и лучшія войска эмира, и лучшая его артиллерія,—и результатъ будетъ ясенъ.

Такимъ образомъ, осада крѣпости есть главная и единственная къ серіознымъ послѣдствіямъ ведущая операція, какая предстоитъ нашимъ отрядамъ въ Туркестанской области. Намъ приходится бороться не столько съ азіятскими воинами, сколько съ азіятскими стѣнами, и это выясняетъ важность роли, какую въ туркестанскихъ экспедиціяхъ должна играть артиллерія, одна только имѣющая средство сокрушить эти стѣны. Роль ея не должна ограничиваться демонстраціями, едва ли когда-либо и гдѣ-либо приносящими пользу. Ея назначеніе обезпечивать успѣхъ осады и дать возможность

купить его не слишкомъ дорогою цѣной, замѣняя непроизводительную потерю людей производительною тратой снарядовъ.

Кто былъ участникомъ или свидѣтелемъ эскалады крѣпостной стѣны, тотъ знаетъ до какой степени каждый лишній футъ въ высотѣ профили увеличиваетъ затрудненія штурмовой колонны, до какой степени велика должна быть храбрость и увлеченіе солдатъ, которые, по спускѣ въ ровъ, видятъ предъ собой вертикальную стѣну въ шесть или семь саженъ вышины. На эту стѣну приходится влѣзать, не имѣя возможности употребить въ дѣло свое оружіе въ то время, когда камень,—пусть онъ брошенъ даже дрожащею рукой Сарта,—выводитъ изъ строя по нѣсколько человѣкъ разомъ.

Уничтожить эти стѣны, самое надежное и единственное опасное оружіе Азіятца; поставить робкихъ Сартовъ лицомъ къ лицу съ нашими штурмовыми колоннами—вотъ главное назначеніе артиллеріи въ здѣшнихъ кампаніяхъ. Иначе не стоило намъ брать съ нашими отрядами тѣхъ огромныхъ артиллерійскихъ запасовъ, перевозка которыхъ, гужомъ, по обширной бухарской территоріи, такъ затрудняетъ наши отряды. Неужели мы везли 400 арбъ для демонстрацій? Лучше было бы, въ такомъ случаѣ, взять лишнихъ 400 штыковъ.

Генералъ Крыжановскій окончилъ споръ, высказавшись за обвалы, но изъ уступки ли мнѣнію большинства, вооруженнаго авторитетомъ опыта, или изъ опасенія сжечь всѣ наши артиллерійскіе запасы, пробивая большое число брешей, между тѣмъ какъ паркъ нашъ, по его соображеніямъ, могъ намъ понадобиться и для будущихъ военныхъ дѣйствій, онъ приказалъ двѣ колонны, назначенныя для штурма южнаго фронта, пустить на стѣны по штурмовымъ лѣстницамъ, а колонны сѣвернаго отряда и одну изъ колоннъ южнаго послать штурмовать по обваламъ, довѣривъ успѣхъ штурма не одной только штурмовой лѣстницѣ, а артиллерійскому огню, управляемому силой знанія и искусства.

Осада Ура-Тюбе должна была, такимъ образомъ, разрѣшить вопросъ, нужна ли артиллерія въ Туркестанской области, или нѣтъ.

Читатели увидятъ, какой отвѣтъ на этотъ вопросъ дала осада Ура-Тюбе, а потомъ и Джизага.

М. ЗИНОВЬЕВЪ.

(*До слѣд. №*).

МОИ СКИТАНІЯ ПО БѢЛУ СВѢТУ *

ІЕРУСАЛИМЪ.

I.

Читатель, безъ сомнѣнія, хорошо помнитъ свою молодость, свои ранніе годы. Это такая чудесная вещь, что забыть ее трудно. Мы разумѣемъ молодость тѣхъ, кто теперь не очень молодъ, но и не очень старъ: время лѣтъ пятнадцать-двадцать назадъ. Въ зимній вечеръ, въ какомъ-нибудь захолустьѣ, при условіяхъ блаженной памяти крѣпостнаго состоянія, завернувшая къ вамъ странница, въ шушунѣ и платкѣ (можетъ-быть, даже и крѣпостная молельщица за ваши грѣхи), разказывала вамъ разныя разности о своихъ мудреныхъ похожденіяхъ по святымъ мѣстамъ: объ Аѳонѣ, Синаѣ, Іерусалимѣ.... Въ стереотипныхъ, нѣсколько сказочныхъ, формахъ лилась ея рѣчь. Вы слышали и о какомъ-то „Демьянѣ-городѣ **, гдѣ теплое море, сладкая вода, гуси на зарѣ какъ солдаты стоятъ.... и рыбину вотъ-эдакую продали тамъ странницѣ рыбаки за пять копѣекъ“ (русскій счетъ и русскій

* См. *Русск. Вѣстн.* №№ 7 и 9 1867 года.

** Даміетта.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ.

802-19
198

ТОМЪ СЕМЬДЕСЯТЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

1868

АПРѢЛЬ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОСАДА УРА-ТЮБЕ И ДЖИЗАГА. Воспоминанія объ осенней экспедиціи 1866 года въ Туркестанской области. VI—IX. **М. А. Зиновьева.**

II. ПОЛЬСКОЕ БЕЗКОРОЛЕВЬЕ ПО ПРЕКРАЩЕНІИ ДИНАСТІИ ЯГЕЛЛОНОВЪ. **А. С. Трачевскаго.**

III. МѢСТНЫЯ АДМИНИСТРАТИВНО - ХОЗЯЙСТВЕННЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ И МѢСТНЫЕ НАЛОГИ ВЪ АНГЛІИ. **А. Н. Куломзина.**

IV. ИЗЪ ПРОШЛАГО. **П. М.**

V. ОТЪ КОНСТАНТИНОПОЛЯ ДО АЛЕКСАНДРІИ. Дневникъ веденный на пароходѣ. **С. Н.**

VI. ИЗЪ АПОКАЛИПСИСА. **А. Н. Майкова.**

VII. ВОЛНЕНІЯ УНІЯТОВЪ НА ПОДЛЯСЬѢ. I—II. **Е. Крыжановскаго.**

VIII. ОСОБЕННОЕ СЧАСТЬЕ. Записки туриста. **Кн. Д. Д—аго.**

IX. ИДІОТЪ. Романъ. Часть вторая. Гл. I—II. **Ѳ. М. Достоевскаго.**

X. ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА: 1. *Іезуиты въ Россіи съ царствованія Екатерины II и до нашего времени*, ч. I. соч. свящ. Михаила Морошкина. Спб. 1867 г. 2. *Переписка по дѣлу объ открытіи въ Бѣлоруссіи іезуитскаго новиціата*, князя М. А. Оболенскаго. *(Сборникъ Русскаго Историческаго Общества)*. **П. Щ.**

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

МОЯ НЕВѢСТКА. Романъ. Переводъ съ англійскаго. Окончаніе второй части.

ЛУННЫЙ КАМЕНЬ. Романъ. Соч. Вильки Коллинза. Переводъ съ англійскаго. Гл. XVI—XVIII.

ОСАДА УРА-ТЮБЕ И ДЖИЗАГА *

VI.

По окончаніи военнаго совѣта, рѣшившаго въ общихъ чертахъ планъ осады, мнѣ слѣдовало бы ѣхать въ лагерь на сѣверную сторону; но такъ какъ въ нашъ отрядъ предполагалось послать, на подкрѣпленіе, второй дивизіонъ батарейной батареи, да кромѣ того, по приказанію командующаго войсками, я долженъ былъ принять участіе въ рекогносцировкѣ южнаго фронта, для которой въ полдень посылалась партія, то я и остался въ главномъ отрядѣ, разчитывая идти на сѣверную сторону вмѣстѣ съ дивизіономъ. День былъ ясный, а слѣдовательно и жаркій. Слѣды вчерашняго дождя и снѣга быстро исчезали. Къ вечеру было уже почти сухо.

Отправились на рекогносцировку. Насъ велъ майоръ Н*, который, бродя по окрестностямъ Ура-Тюбе, нашелъ будто бы три отличныя, какъ онъ называлъ, позиціи для батарей. Пошли смотрѣть эти позиціи. Рекогносцировка съ этой стороны не представляла ни малѣйшей опасности. Значительная часть города, какъ уже было выше упомянуто, находившаяся внѣ стѣны и оставленная жителями, представляла обширное пространство покрытое заборами и саклями, гдѣ отрядъ, даже значительно бо́льшій нашего, могъ быть совершенно закрытъ отъ взоровъ и выстрѣловъ непріятеля. Нашъ маленькій отрядъ положительно терялся на этомъ огромномъ, застроенномъ пространствѣ. Не имѣя проводниковъ, не знакомые съ системой улицъ и переулковъ, строи-

* См. *Русскій Вѣстникъ* № 3.

мыхъ въ азіятскихъ городахъ чрезвычайно безтолково, мы не могли ориентироваться и, вѣроятно, при нашихъ поискахъ дѣлали чрезвычайно много лишняго пути.

Цѣлью рекогносцировки было открыть на южномъ фронтѣ такое мѣсто, гдѣ стѣна была бы не двойная и притомъ наименьшей высоты, съ тѣмъ чтобы противъ этого участка выбрать позицію для брешь-батареи.

Блуждая по оставленному городу, въ величайшей тишинѣ, чтобы не открыть своего присутствія Сартамъ, мы взошли въ какой-то садъ, окруженный заборомъ аршина въ 4 вышиной. Заборомъ этимъ оканчивались сакли, и затѣмъ начиналась эспланада, расчищенная саженъ на 100 впереди крѣпости. Я влѣзъ на стѣну, при помощи плечъ одного стрѣлка, и увидѣлъ, шагахъ въ 350 отъ меня, стѣну довольно старую и, насколько могъ судить мой неопытный глазъ, неспособную представить большое сопротивленіе артиллерійскимъ снарядамъ. Вышина стѣнъ, какъ мнѣ казалось, была сажени въ 3 или 2½. Эспланада была покрыта развалинами саклей, которыя Сарты буквально сравняли съ землей. Торчала только одна какая-то маленькая мазанка. Но двойная ли или нѣтъ стѣна противъ того мѣста, гдѣ мы находились, рѣшить было трудно: о рвѣ также нельзя было составить никакого понятія, такъ какъ торчавшіе обломки заборовъ и саклей закрывали гребень контръ-эскарпа. На заборъ влѣзало много и другихъ офицеровъ. Каждый высказывалъ свои предположенія насчетъ интересовавшаго насъ вопроса. Во всякомъ случаѣ искать другаго какого-либо мѣста для заложенія осадной батареи было почти лишнее, такъ какъ, по причинѣ простоты линіи огня сартовскихъ стѣнъ, не видѣлось причины почему одному пункту отдать предпочтеніе предъ другимъ, а вслѣдствіе того производившіе рекогносцировку офицеры и рѣшили передѣлать осадную батарею изъ забора, за которымъ мы въ настоящую минуту находились. Казалось, можно было бы этимъ и окончить рекогносцировку, но мы еще долго ходили по оставленному городу, стараясь найдти такое возвышенное мѣсто, съ котораго можно было бы увидать двойная или простая стѣна южнаго фронта. Но надежды наши были напрасны: съ вершины невысокихъ горъ, находившихся саженяхъ въ двухъ стахъ отъ города, мы дѣйствительно не видали второй стѣны, но это еще не доказывало, что ея нѣтъ. Наткнулись

на какую-то высокую каменную мечеть, влѣзли на самый куполъ, но и оттуда почти ничего не было видно; деревья, растущія по садамъ, совершенно закрывали стѣну. Много и долго ходили мы по улицамъ оставленнаго города, но новаго ничего не узнали. Попадали на какой-нибудь высокій пунктъ, и повторялось все то же самое. Видна первая стѣна, видны частыя башни, на ней находящіяся, видна двойная стѣна западнаго фронта, построеннаго на косогорѣ, видны бѣлые клубы дыма отъ ружейныхъ и пушечныхъ выстрѣловъ, которые отъ времени до времени посылали противъ насъ Сарты, давно замѣтившіе бродившій по оставленному городу отрядъ; но главный вопросъ, насчетъ южной стѣны, оставался не разрѣшеннымъ. Вообще путешествіе наше по форштату представляло весьма мало интереснаго. Разъ какъ-то, когда небольшая партія стрѣлковъ проникла въ одинъ изъ садовъ, изъ-подъ ногъ нашихъ, какъ заяцъ, выскочилъ Бухарецъ. Это былъ старикъ лѣтъ 50, въ грязномъ халатѣ, еще болѣе грязной тюбетейкѣ и, какъ кажется, безоружный. Видя себя окруженнымъ, онъ собирался было просить помилованія и уже хотѣлъ погладить себя по бородѣ,—жестъ выражающій почтительность и покорность у здѣшнихъ народовъ,—но въ это время ближайшій къ нему стрѣлокъ, находившійся отъ него въ разстояніи 3 или 4 саженъ, выстрѣлилъ. Старикъ бросился бѣжать. Тутъ же по немъ выстрѣлили еще человѣкъ пять стрѣлковъ съ разстоянія не болѣе 8 или 10 шаговъ. Но или наши стрѣлки слишкомъ погорячились и промахнулись, или же старикъ былъ двужильный, только онъ побѣжалъ, какъ ни въ чемъ не бывало, къ городскимъ воротамъ и въ нашихъ глазахъ благополучнѣйшимъ манеромъ добрался до города.

Кромѣ этой встрѣчи, кажется, не о чемъ больше и разказать. Проходивъ часовъ пять, мы вернулись въ лагерь, когда уже начинало темнѣть.

Этою послѣднею рекогносцировкой окончено было собираніе свѣдѣній насчетъ крѣпости, и затѣмъ предположено было, не теряя времени, приступить къ осаднымъ работамъ.

Во ночь съ 29-го на 30-е сентября отрядъ нашъ (сѣверный) долженъ былъ заложить траншею и построить брешь-батарею на 7 орудій противъ восточнаго фронта, на мѣстѣ опредѣленномъ рекогносцировкой 26-го сентября. 30-го сентября надлежало намъ пробить брешь въ стѣнѣ, а на разсвѣтѣ

ночи съ 30-го сентября на 1-е октября штурмовать восточный фронтъ. Въ то же время предположено было параллельно вести осадныя работы съ южнаго фронта, гдѣ также слѣдовало построить одну осадную батарею на мѣстѣ, опредѣленномъ рекогносцировкой. Штурмъ съ четырехъ пунктовъ предположено было произвести не одновременно. Сначала предполагали пустить на штурмъ колонны по двумъ обваламъ (по бреши южнаго фронта должна была идти колонна Н*); двѣ же колонны Г* и Ш* должны были штурмовать южный фронтъ нѣсколько позже, и притомъ по лѣстницамъ, въ двухъ пунктахъ, въ недальнемъ другъ отъ друга разстояніи и правѣе бреши. *

На другой день рано поутру я, вмѣстѣ съ первымъ дивизіономъ, отправился въ сѣверный лагерь. Съ нами шла также рота 7-го баталіона, на подкрѣпленіе отряда Б*. Дальнимъ обходомъ, верстъ въ 12, обогнули мы западный фронтъ, и я, послѣ двухдневнаго отсутствія, вернулся въ свой караванъ-сарай. Отрядъ нашъ между тѣмъ не терялъ времени. Всѣ пѣхотныя роты ежедневно назначались на инженерныя работы. Рубили хворостъ, плели туры, вязали фашины, сбивали штурмовыя лѣстницы. Къ моему возвращенію все почти уже было готово. Цѣлыя горы различныхъ инженерныхъ матеріаловъ лежали подлѣ стѣны караванъ-сарая. Оставаясь въ нашемъ лагерѣ, расположенномъ противъ сѣверо-западнаго угла крѣпости, мы, конечно, не могли предпринимать осадныя работы противъ восточнаго фронта, до котораго было по крайней мѣрѣ, если идти не цѣликомъ, а по дорогѣ, верстъ 8 или 10. Поэтому начальникъ отряда съ вечера 28-го сентября сдѣлалъ распоряженіе, чтобы на другой день утромъ передвинуть отрядъ и расположить его противъ сѣверо-восточнаго угла, на томъ мѣстѣ, гдѣ горный хребетъ пересѣкался дорогой, и откуда мы третьяго дня начали нашу рекогносцировку. Нарѣзной взводъ тотчасъ же былъ посланъ на этотъ пунктъ съ тѣмъ, чтобы занявъ

* Предположенія эти не осуществились на дѣлѣ, вслѣдствіе нѣкотораго замѣшательства и недоразумѣнія въ сигналахъ. Первая штурмовала и овладѣла стѣной колонна отряда Б*, остальныя же три колонны пошли на штурмъ южнаго фронта одновременно, причемъ, какъ говорили, колонна майора Н*, штурмовавшая стѣну по обвалу, двинулась даже позже колоннъ Г* и Ш*.

позицію на этомъ пунктѣ, не допускать бухарскіе разъѣзды оставаться на хребтѣ горъ и высматривать наше движеніе.

Предположено было двинуться какъ можно раньше, накормить людей на серединѣ перехода, и засвѣтло прибывъ на высмотрѣнную нами во время рекогносцировокъ небольшую лощину, находившуюся въ разстояніи около 900 саженъ отъ сѣверо-восточнаго угла, остановиться тамъ лагеремъ и оттуда уже, съ наступленіемъ темноты, послать рабочихъ.

Мы выступили изъ нашего караванъ-сарая довольно поздно, и это позднее выступленіе было, вѣроятно, главною причиной, почему открытіе осадныхъ работъ противъ восточнаго фронта, возложенное на нашъ отрядъ, не послѣдовало, какъ предполагалось, въ ночь съ 29-го на 30-е сентября, а отложено было, какъ читатель увидитъ ниже, на слѣдующую ночь. Намъ надлежало обойдти крѣпость, двигаясь параллельно направленію сѣвернаго фронта: обходъ этотъ слѣдовало произвести по дорогѣ, находившейся въ разстояніи около четырехъ верстъ отъ крѣпостныхъ стѣнъ; между дорогой же и стѣнами, какъ я много разъ повторялъ, тянулись параллельно фронту два концентрическіе ряда холмовъ.

Двигаясь по вершинамъ этихъ холмовъ, въ ближайшемъ отъ крѣпости разстояніи, мы, конечно, сократили бы свой путь, но у насъ были батарейныя орудія и огромный обозъ, которые идти цѣликомъ никоимъ образомъ не могли и для которыхъ дорога, и притомъ порядочная, была необходима. Посланныя заблаговременно небольшія команды саперъ и казаковъ принесли намъ мало успокоительныя извѣстія насчетъ состоянія этой дороги. Объ исправленіи ея, при малочисленности отряда, нечего было и думать, и обстоятельство это, а также перспектива перевала черезъ хребетъ, заставляли насъ сомнѣваться, по силамъ ли предстоящій подвигъ батарейнымъ и обознымъ конямъ.

Надобно прибавить, что мы выступали налегкѣ, оставляя на мѣстѣ бо́льшую часть ротнаго и батарейнаго обоза подъ прикрытіемъ одной роты съ орудіемъ. Впрочемъ и поднять этотъ обозъ намъ не было никакой возможности, такъ какъ всѣ перевозочныя средства ротъ и батарей заняты были инженерами подъ туры, фашины, штурмовыя лѣстницы и прочіе инженерные матеріалы. Если къ этому инженерному

обозу прибавить еще обозъ артиллерійскій, заключавшій въ себѣ около тысячи боевыхъ зарядовъ, то легко убѣдиться, что колонну нашу, несмотря на то что мы двигались налегкѣ, никакъ нельзя было назвать подвижною. Движеніе ея не переставало напоминать движеніе транспорта съ небольшимъ прикрытіемъ, численность котораго только что соотвѣтствовала количеству артиллеріи и повозокъ, находившихся въ колоннѣ.

Часовъ въ двѣнадцать, когда оставшійся съ ротой капитанъ С* успѣлъ свезти всѣ тяжести во внутренность караванъ-сарая и даже придать окружавшему караванъ-сарай забору нѣкоторое подобіе бруствера сомкнутаго укрѣпленія, мы двинулись въ обходъ. Чѣмъ далѣе шли мы, тѣмъ болѣе и болѣе оправдывались свѣдѣнія, полученныя нами о состояніи пути: то приходилось идти по деревенскимъ улицамъ, столь тѣснымъ, что оси лафетовъ бороздили заборы, то приходилось переправляться черезъ арыки съ крутыми берегами, которые приходилось дѣлать отлогими во время самаго движенія. Часовъ въ пять сдѣлали мы привалъ на днѣ какого-то оврага съ отвѣсными берегами, дававшими поводъ думать, что оврагъ этотъ былъ нѣкогда русломъ рѣки. Здѣсь предполагалось сварить пищу и накормить людей, которымъ предстояла безсонная ночь. Между тѣмъ начинало уже темнѣть. Поднявшись на гору, едва можно было видѣть крѣпостныя стѣны, а намъ оставалось пройдти еще верстъ пять до позиціи нашего предполагаемаго лагеря.

Проиграли сборъ, какъ прискакалъ съ пикета оренбургскій казакъ съ извѣстіемъ, что большой отрядъ конницы выступаетъ изъ городскихъ воротъ. Надо сказать правду, мы стояли на такой невыгодной позиціи, что каждое маломальски энергически веденное, даже ничтожнымъ отрядомъ, непріязненное дѣйствіе противъ насъ могло бы увѣнчаться полнымъ успѣхомъ. Дѣйствительно, что бы мы стали дѣлать съ своею артиллеріей, которую поднять на гору не было никакой возможности. Всѣ наши войска стояли на днѣ ямы, и перестрѣлять насъ, занявъ окружающія высоты, было весьма легко. Но Азіятцевъ не легко вызвать на наступательныя дѣйствія, какъ бы ни благопріятствовала тому обстановка. Въ войнѣ съ ними надо только идти впередъ, и тогда вы можете дѣлать грубѣйшія тактическія ошибки: ошибками этими, будьте увѣрены, они не воспользуются: они

будутъ равнодушно смотрѣть на нихъ съ высоты своихъ стѣнъ, но стѣнъ этихъ не оставятъ, трепеща мысли сойдтись лицомъ къ лицу съ непріятелемъ. Дѣйствительно, поднявшись на гору, мы увидали, несмотря на сумерки, что въ крѣпости было совершенно спокойно и никакого отряда конницы подъ стѣнами не было видно. Мнимая вылазка была плодомъ трусливаго воображенія стоявшихъ на пикетахъ казаковъ.

Мы поднялись и двинулись впередъ. Скоро достигли мы горнаго перевала. Дорога шла по крутому косогору и съ лѣвой ея стороны находилась глубокая пропасть. Добрые сибирскіе кони, выгнувъ хребты, насилу вытягивали батарейныя орудія, которые съ правой стороны на лямкахъ поддерживала прислуга. Грунтъ былъ каменистый, и дорога столь гладка и скользка, что даже при этой предосторожности орудія грозили ежеминутно скатиться въ пропасть и увлечь съ собой и прислугу, и коней. Трудности увеличивались еще тѣмъ, что арбы наши почти всѣ запряжены были туркестанскими жеребцами, мало способными, по горячности своей, тянуть нагруженную повозку.

Наконецъ мы поднялись на гору, и всѣ, а въ особенности, вѣроятно, упряжные кони наши, вздохнули свободно. Оставалось, спустясь съ горы, пройдти шаговъ не болѣе двухъ сотъ, и мы были уже на мѣстѣ, выбранномъ для лагеря. Колонна наша подтянулась и остановилась на дорогѣ, закрытая отъ крѣпости горой, на которой со вчерашняго дня стоялъ нарѣзной взводъ. Между тѣмъ стемнѣло совершенно. Начался разчетъ рабочихъ и раздача имъ инженерныхъ матеріаловъ и инструментовъ: оказалось, что значительная часть туровъ, на-скоро сплетенныхъ, при перевозкѣ разсыпалась. Только въ одиннадцать часовъ разчетъ окончился. Многіе говорили, что, по причинѣ поздняго времени и утомленія людей, слѣдуетъ отложить открытіе осадныхъ работъ до слѣдующаго дня. Но какъ открытіе нашихъ работъ находилось въ связи съ инженерными работами главнаго отряда, и подобное промедленіе могло имѣть невыгодное вліяніе на атаку южнаго фронта, то естественно, что предложеніе это было принято начальникомъ отряда и лицами, на отвѣтственности которыхъ не лежалъ успѣхъ инженерныхъ работъ, весьма неблагосклонно. Тутъ же на мѣстѣ сдѣланъ былъ короткій военный совѣтъ. Непредвидѣнная неудача вырвала у совѣщавшихся нѣсколько

рѣзкихъ фразъ, имѣвшихъ цѣлію болѣе или менѣе любезно упрекнуть въ неудачѣ одинъ другаго и свалить нравственную за нее отвѣтственность на ближняго, но дѣлать было нечего. Начальникъ отряда рѣшился тутъ же отправить записку къ командующему войсками, въ которой онъ писалъ, что въ эту ночь не приступаетъ къ открытію осадныхъ работъ, а находитъ необходимымъ отложить ихъ до слѣдующей ночи. Мнѣ неизвѣстно, какія причины были выставлены начальникомъ отряда въ оправданіе этого промедленія, но полагаю, что на насъ за это порядочно попретендовали, едва ли впрочемъ справедливо, такъ какъ въ отрядѣ Б* было всего шесть ротъ, и ротами этими надлежало охранять два лагеря, поддерживать сообщеніе на протяженіи около десяти верстъ и въ то же время строить летучею сапой осадную батарею съ длинною соединительною вѣтвью такихъ размѣровъ, въ какихъ онѣ едва ли когда до настоящей осады строились въ Туркестанской области.

Какъ бы то ни было, но за нашу медленность мы были наказаны прежде всего тѣмъ, что выступивъ налегкѣ и оставшись на позиціи, ночью озябли такъ, какъ рѣдко кому, вѣроятно, приходилось озябать. Морозъ начинался довольно сильный: было градуса четыре или пять холода, а нашимъ людямъ, полушубки которыхъ остались въ лагерѣ, предстояло провести всю ночь въ однихъ шинеляхъ, надѣтыхъ поверхъ кителя. Конечно, эту ночь никто не спалъ. Бо́льшая часть людей бѣгали взадъ и впередъ по лагерю, дѣлая самые отчаянные прыжки съ цѣлію согрѣться движеніемъ. Пѣхотные солдаты рыли себѣ въ землѣ ямки и складывались въ нихъ одинъ на другаго какъ бараны. Имѣя на себѣ полушубокъ, я продрогъ насквозь, несмотря на то что употреблялъ всѣ усилія согрѣться. Не взошелъ, а взбѣжалъ я на гору, находящуюся впереди нашего лагеря, на которой еще съ прошлой ночи стоялъ нарѣзной взводъ. Мнѣ разказывали, что Бухарцы во все время осады города, съ цѣлію показать непріятелю свою бдительность, освѣщаютъ свои стѣны, трубятъ въ трубы, бьютъ въ барабаны и вообще производятъ страшный шумъ и суматоху, и мы, признаться сказать, не мало разчитывали на это странное обыкновеніе, чтобы скрыть наши осадныя работы. Оказалось что разказы эти справедливы только отчасти и, во всякомъ случаѣ, сильно преувеличены. На стѣнахъ дѣйствительно горѣло четыре или пять

фонарей, отъ времени до времени слышны были глухіе удары по бубну, но затѣмъ на фронтѣ была совершенная тишина, и только глухо слышались дальніе выстрѣлы, направленные противъ лагеря нашего главнаго отряда.

Спустившись внизъ, напрасно старался я заснуть, влѣзши въ одинъ изъ батарейныхъ туровъ. По мѣрѣ приближенія разсвѣта, морозъ увеличивался съ часу на часъ. Лошади на коновязяхъ тѣсно жались другъ къ другу. На людей жалко было смотрѣть. Лагерь представлялъ какой-то балетъ или, вѣрнѣе сказать, домъ сумашедшихъ. Люди прыгали, бѣгали, совершенно какъ помѣшанные, взадъ и впередъ, и странный и рѣзкій контрастъ съ живостью и рѣзвостью этихъ движеній представляло кислое, страдальческое выраженіе лицъ прыгавшихъ и бѣгавшихъ.

Должно отдать справедливость солдатамъ Туркестанской области, что они отлично выносятъ всѣ въ военное время встрѣчающіяся физическія лишенія. И въ эту ночь я нигдѣ и ни отъ кого не слыхалъ ни малѣйшаго ропота. Выносчивость здѣшнихъ солдатъ меня очень часто удивляла. Никогда не забуду я одинъ изъ переходовъ при движеніи нашемъ отъ Ташкента на Ходжентъ, именно переходъ на Джанбулакскую станцію, когда мы, пропустивъ, за неимѣніемъ провожатаго, ночлегъ, находившійся гдѣ-то въ сторонѣ отъ дороги, сдѣлали въ одинъ пріемъ два огромные перехода. Выступивъ въ шесть часовъ утра, мы шли до десяти часовъ вечера, и несмотря на крайнее утомленіе людей, дошли благополучнѣйшимъ образомъ до Джанбулакскихъ ключей, пройдя въ одинъ день по крайней мѣрѣ шестьдесятъ, если не семьдесятъ, верстъ.

Легко себѣ представить, съ какимъ удовольствіемъ встрѣтили мы первые признаки разсвѣта. Съ нетерпѣніемъ дождались мы, наконецъ, той минуты, когда взошедшее солнце освѣтило нашъ лагерь и обогрѣло нѣсколько воздухъ. Лагерь нашъ въ этотъ день представлялъ нѣчто дѣйствительно замѣчательное въ военномъ отношеніи.

Мы стояли отъ крѣпостныхъ стѣнъ въ разстояніи около восьми сотъ или девяти сотъ саженъ, обращенные къ крѣпости правымъ флангомъ. По фронту мы занимали не болѣе ста саженъ, въ глубину саженъ семьдесятъ. Въ первой линіи находилась батарея съ зарядными ящиками, на возможно малыхъ интервалахъ и дистанціяхъ повозка отъ

повозки. За ней арбы съ зарядами. За линіей арбъ патронные ящики семи ротъ. Съ правой стороны горами лежали туры, фашины, штурмовыя лѣстницы и пр. и пр. Роты тѣсно кучились по скатамъ горъ, образующихъ котловину, въ которой расположенъ былъ лагерь. Расположенный такимъ образомъ лагерь нашъ былъ торжественнымъ нарушеніемъ всѣхъ правилъ тактики. Развѣ лишь при войнѣ съ Бухарцами можно было дѣлать безнаказанно подобную неосторожность. Одинъ слѣпой выстрѣлъ, попавъ въ эту массу зарядныхъ и патронныхъ ящиковъ, могъ бы взорвать весь лагерь и перебить половину людей. А между тѣмъ мы простояли на своей позиціи день и двѣ ночи, и ничто не показывало, чтобы Бухарцы не только знали, но и подозрѣвали, что подъ выстрѣлами ихъ находится нашъ артиллерійскій и инженерный паркъ. Нѣсколько шальныхъ ядеръ, брошенныхъ въ теченіи дня, вѣроятно отъ нечего дѣлать (Бухарцы любятъ жечь даромъ порохъ), перелетѣли черезъ нашъ бивуакъ, но рѣдкость стрѣльбы по этому направленію заставляла сильно подозрѣвать, что Бухарцы бросили ихъ скорѣе по нарѣзному взводу, находящемуся на горѣ, но никакъ не по лагерю.

VII.

Весь день 30-го сентября, который, противъ всякаго чаянія, оставался совершенно свободнымъ, употребленъ былъ на педантическое выполненіе всего того, что̀ не было выполнено вчера. Всѣ подготовленія къ работамъ наступающей ночи исполнены были съ аккуратностью и точностью, свойственною людямъ разъ уже провинившимся. Испортившіяся туры были переплетены за́-ново. Тотчасъ послѣ обѣда сдѣланъ былъ разчетъ людей, посылаемыхъ на работы, и раздача инструментовъ, а также сообщеніе необходимыхъ наставленій рабочимъ.

Еще засвѣтло все было совершенно готово: арбы, нагруженныя турами, были выдвинуты на дорогу, артиллерійскія лошади объаммуничены, и всѣ ждали когда скроется луна, ярко освѣщавшая нашихъ солдатъ, стоящихъ на дорогѣ съ ружьями за плечами, съ заступами и китменями въ рукахъ. Тишина была полная. Команды и распоряженія отдавались шепотомъ.

Чрезвычайно интересно было въ эту минуту видѣть нашихъ арбщиковъ-Сартовъ, которыхъ слѣпая судьба, вѣроятно противъ всякаго ихъ ожиданія, обрекла играть также роль въ исторіи русскихъ завоеваній въ Средней Азіи.

Они также должны были идти съ отрядомъ подъ городскія стѣны, и ихъ блѣдныя лица ясно показывали, съ какимъ ужасомъ ожидали они того момента, когда ихъ арбы подвинутся къ крѣпостнымъ стѣнамъ на разстояніе ружейнаго выстрѣла.

Былъ одиннадцатый часъ въ началѣ, когда двинулись роты. Какія однакоже ни принимались мѣры, чтобы подойдти къ крѣпости въ совершенной тишинѣ, тишины, откровенно говоря, при движеніи отряда было немного. Вопервыхъ, немазанныя колеса арбъ, тотчасъ же по смѣщеніи, подняли страшный скрипъ и стонъ, а затѣмъ явился совершенно непредвидѣнный источникъ шума. Это ротныя собаки, которыя дѣйствительно имѣютъ странное свойство заявлять о своемъ существованіи только на походѣ. Весь день они лежали смирно, и никому и въ голову не приходило принять заблаговременно какія-либо мѣры къ ихъ заарестованію. Но только двинулись роты, десятки этихъ собакъ, послѣ дневнаго отдыха, отнесясь, какъ видно, съ большимъ удовольствіемъ къ предстоящей прогулкѣ, съ веселымъ лаемъ кинулись впередъ. Напрасно на всѣхъ этихъ шавокъ, сѣрокъ и розокъ прикрикивали изъ рядовъ многочисленные ихъ хозяева: собаки, не понимая важности предстоящаго событія и торжественности момента, весело помахивали хвостами, бѣгая около ротъ взадъ и впередъ, и не успѣли роты отойдти и четверть версты, какъ тутъ же учинили такую драку, что совершенно покрыли своимъ лаемъ скрипъ арбныхъ колесъ.

Замѣтятъ или нѣтъ Бухарцы наше движеніе: вотъ что̀ становилось существеннѣйшимъ вопросомъ. Открывъ рабочихъ, Бухарцы легко могли перебить картечью и ружьями значительную ихъ часть: до такой степени благопріятствовала мѣстность дѣйствительности выстрѣловъ.

Проводивъ отрядъ, я взошелъ на гору. Два орудія, стоявшія на этой горѣ, готовы были открыть огонь, какъ только Бухарцы замѣтятъ осадныя работы. При совершенной темнотѣ нельзя было видѣть движенія нашихъ колоннъ. Только доносившійся стонъ арбъ и лай собакъ показывали, что роты наши быстро приближаются къ арыку. На

крѣпостныхъ стѣнахъ было тихо. По-вчерашнему горѣли нѣсколько фонарей, и гудѣлъ бубенъ: фонари эти были чрезвычайно кстати, такъ какъ они давали возможность нашимъ инженерамъ хотя сколько-нибудь ориентироваться на совершенно почти незнакомой мѣстности, которой съемки предварительно сдѣлано не было. Отъ времени до времени раздавался впрочемъ выстрѣлъ изъ орудія, находившагося на сѣверо-восточномъ углу: но рѣдкость этихъ выстрѣловъ показывала, что едва ли Бухарцы знаютъ о томъ, что во ста саженяхъ отъ стѣнъ находится непріятель. Съ горы видно было какъ начались предположенныя, для отвлеченія вниманія Бухарцевъ отъ осадныхъ работъ, демонстраціи двухъ отрядовъ, изъ которыхъ одинъ дѣйствовалъ противъ сѣверо-западнаго угла, а другой противъ западнаго фронта. Видно было, что демонстраціи эти производили свое дѣйствіе на Бухарцевъ. Они безпрестанно открывали огонь по направленію этихъ отрядовъ, и рѣдкіе выстрѣлы противъ нашихъ траншей терялись въ гулѣ канонады съ западнаго фронта. На южномъ фронтѣ также, какъ видно, кипѣла работа. По темному фону неба, казавшемуся почти черными, катились гранаты, бросаемыя изъ мортиръ, и протягивались отъ времени до времени огненныя ленты ракетъ.

На нашей сторонѣ все шло какъ нельзя лучше. Работъ нашихъ, кажется, вовсе и не замѣчали. Пора было готовиться артиллеріи. Батарея взяла на передки и выдвинулась на дорогу. Въ началѣ втораго часа съ мѣста работъ прискакалъ офицеръ съ извѣстіемъ отъ начальника отряда, что батарея окончена на столько, что на нее можно вкатить орудія. Вмѣстѣ съ этимъ пріятнымъ извѣстіемъ онъ привезъ и другое, непріятное, а именно, что батарею оказалось возможнымъ построить не на семь, какъ предполагалось, а только на четыре орудія.

Четыре батарейные единорога, гранаты которыхъ должны были лучше дѣйствовать по глинянымъ постройкамъ нежели пушечныя ядра, немедленно двинулись впередъ въ сопровожденіи двухъ арбъ съ зарядами. Такъ какъ своихъ собакъ, вслѣдствіе недавняго урока, мы не взяли, такъ какъ арбъ у насъ было немного, то движеніе батареи съ обшитыми кошмой колесами не могло возбудить вниманіе Бухарцевъ.

Мы подошли къ арыку и ожидали, что переправа черезъ

него будетъ затруднительною, но приблизившись, были пріятно изумлены, увидавъ что края его были срыты весьма отлого. Рысью переправились орудія черезъ арыкъ. Конскій топотъ обратилъ на насъ наконецъ, какъ кажется, вниманіе Бухарцевъ. Пущено было нѣсколько невѣрныхъ ядеръ по направленію батареи, но уже было поздно. До батареи оставалось саженъ 70, не болѣе. Быстро поднялись орудія по покатости, на ходу построили дивизіонъ налѣво и вмѣстѣ съ конями въѣхали на площадку батареи.

Снять орудія съ передковъ и отпречь ящики было дѣломъ минуты. Мгновенно прислуга накатила орудія къ брустверу, ввезла зарядные ящики въ траншеи и приготовила принадлежности. Батарея была готова къ дѣйствію, а передки и отпряженные ящичные кони скакали по направленію къ лагерю.

Вооруженіе батареи было буквально минутнымъ дѣломъ. Одной быстротѣ вооруженія надо приписать, что несмотря на усилившійся артиллерійскій огонь, вся потеря наша ограничилась лишь одною раненою упряжною лошадью.

Только арбы съ зарядами тянулись еще въ гору, и Сартъ, стоя на оглобляхъ, безпощадно колотилъ своего аргамака, ежеминутно оглядываясь на летящія кругомъ ядра.

Окончивъ свое дѣло, артиллеристы успокоились. Я сталъ осматриваться. Темнота была полная, но глаза уже успѣли привыкнуть къ темнотѣ. Видно было какъ кипѣла работа. Лѣнивыхъ, конечно, не было. Торопливо и отрывисто раздавались короткія, отдаваемыя вполголоса, приказанія саперъ, завѣдывавшихъ участками. Только и слышны были отрывистыя фразы: „неси фашину“, „подай китмень“ и пр. За каждымъ приказаніемъ слѣдовало моментальное исполненіе, и не по часамъ, а по минутамъ росла траншея. Суеты и безпорядковъ, какъ водится, было не мало. Спѣшность работы высказывалась безпрестанными промахами. Едва вкатили мы орудія на батарею, какъ увидали, что лѣвый ея флангъ былъ совершенно анфилируемъ съ крѣпостной стѣны. Тотчасъ же на брустверъ траншеи взгромоздили лишній рядъ туровъ и подняли такимъ образомъ высокій траверзъ, привязавъ его веревками къ брустверу траншеи, такъ какъ самъ онъ держаться никакимъ образомъ не могъ. Оказалось, что и самая батарея была построена не на четыре, а только на три

орудія, четвертое, благо оно было уже привезено, притянули куда-то въ траншею, такъ что оно могло стрѣлять лишь по направленію перпендикулярному къ направленію прочихъ орудій.

Какъ ни мало походила наша новорожденная батарея на тѣ изящные образцы сапернаго искусства, которые строятся на практическихъ ученьяхъ въ саперныхъ лагеряхъ и полигонахъ, нельзя было не отдать полной справедливости строившему ее 3-му Оренбургскому баталіону. Усердіе, неутомимость и хладнокровіе солдатъ, распорядительность ротныхъ командировъ были выше всякой похвалы. Когда разсвѣло, я не могъ не изумиться обширности работъ, произведенныхъ четырьмя ротами въ теченіе немногихъ часовъ ночи. Общая длина траншеи была около двухъ сотъ и не менѣе полутораста саженъ. Зигзагомъ, весьма тупымъ, тянулась она отъ самаго арыка, доходя на разстояніе девяноста саженъ отъ стѣны. Здѣсь траншея круто загибалась, параллельно направленію восточнаго фронта, и заворотъ этотъ образовалъ собой осадную батарею на три амбразуры.

Да не подумаетъ военный читатель, что я упоминалъ объ ошибкахъ при постройкѣ батареи и о ея недостаткахъ въ укоръ или осужденіе славному третьему баталіону, ее строившему, или нашему почтенному распорядителю инженерныхъ работъ, подполковнику Я*. Отнюдь нѣтъ. Пусть припомнитъ читатель малочисленность отряда, невыгодность позиціи, совершенно открытой, невозможность произвести рекогносцировку, кромѣ той спѣшной, которую производили мы 26-го сентября; пусть представитъ себѣ темную, хоть глазъ выколи, ночь; пусть оцѣнитъ, что на всѣхъ предварительныхъ рекогносцировкахъ мы потеряли только одного человѣка раненаго, и я увѣренъ, онъ согласится со мной, что возведеніе этой осадной батареи было если не самою удачною, то одною изъ труднѣйшихъ и замѣчательнѣйшихъ операцій въ теченіи всей осенней экспедиціи 1866 года.

Убѣдившись при рекогносцировкѣ, что Бухарцамъ весьма удобно производить съ крѣпостнаго фронта частый огонь изъ своихъ многочисленныхъ ружей, я ждалъ большихъ потерь въ людяхъ при этомъ смѣломъ заложеніи осадной батареи летучею сапой въ разстояніи девяноста саженъ отъ крѣпостной стѣны. Трудно промахнуться стрѣляя картечью на

девяносто саженъ, какъ бы ни было плохо орудіе, и потому только особому стеченію благопріятныхъ обстоятельствъ, быстротѣ производства работъ, распорядительности частныхъ начальниковъ, а также отчасти тому странному предубѣжденію, которое Средне-Азіятцы, какъ я слышалъ, питаютъ къ какимъ бы то ни было военнымъ операціямъ, предпринимаемымъ ночью, слѣдуетъ приписать нашу ничтожную потерю въ эту ночь, ограничившуюся двумя или тремя ранеными людьми и одною артиллерійскою лошадью.

Темнота въ эту ночь была до того велика, что при установкѣ туровъ для бруствера батареи, инженеры долго принимали небольшой бугоръ, находившійся впереди батареи, за крѣпостную стѣну. Батарею совсѣмъ уже начали строить противъ этого пригорка, когда ошибку замѣтилъ одинъ изъ ротныхъ командировъ 3-го линейнаго баталіона, подпоручикъ Ш*, отличавшійся особенно хорошимъ зрѣніемъ, и только на основаніи его заявленій ошибка была исправлена, и туры передвинуты впередъ на нѣсколько саженъ.

Почти къ самому разсвѣту окончены были траншейныя работы на столько, что брустверы траншеи закрывали нашихъ людей. Позиція наша была крѣпкая, и выбить насъ изъ нея не могъ бы, конечно, самъ эмиръ, ополчивъ поголовно всѣхъ своихъ Бухарцевъ. Полагаю, что Бухарцы не мало были удивлены, когда мы отсалютовали восходъ солнца гранатой, брошенною въ стѣну и съ разу повалившею одинъ изъ ея зубцовъ. Изъ всѣхъ нашихъ четырехъ орудій тотчасъ же открытъ былъ весьма живой, скажу даже болѣе живой чѣмъ слѣдовало, огонь, сдержать который было столько же трудно, какъ трудно послѣ долгаго голоданія удержать первые порывы удовлетворенія аппетита. Къ тому же артилеристы, преувеличивая прочность бухарскихъ стѣнъ, торопились пробить брешь, спѣша окончить ее къ предполагаемому на разсвѣтѣ штурму.

Въ скоромъ времени стали сказываться существенные недостатки нашей батареи. Оказалось, что изъ трехъ орудій (четвертое, какъ выше сказано, не могло дѣйствовать вмѣстѣ съ первыми) настоящимъ образомъ, могло стрѣлять лишь одно лѣво-фланговое, остальныя поставлены были слишкомъ низко, и гранаты, цѣпляясь за землю, съ рикошетомъ перелетали черезъ стѣну. Напрасно прислуга китменями разчищала стулъ амбразуры, напрасно подсыпали

подъ колеса землю: послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ сыпучій песокъ осѣдалъ подъ колесами, и при малѣйшей ошибкѣ въ прицѣливаніи, снаряды начинали цѣпляться за землю. Скоро стали осыпаться амбразуры и горѣть щеки. Нѣсколько туровъ надо было перемѣнить.

Можно себѣ представить до какой степени неудачи эти были непріятны артиллеристамъ, до какой степени жалко было намъ нашихъ снарядовъ, когда мы видѣли, какъ они безъ пользы летѣли черезъ стѣну чтобы лечь подъ заборами бекскаго дворца. Надлежало отказаться отъ надежды пробить полную брешь и ограничиться пробитіемъ верхней части стѣны аршина на два или на два съ половиной, такъ чтобъ осыпавшаяся земля образовала обвалъ. Огонь нашъ поддерживался нарѣзнымъ взводомъ, расположеннымъ на горѣ, за которой находился нашъ лагерь. Несмотря на дальность разстоянія (около семи сотъ саженъ) взводъ этотъ дѣйствовалъ замѣчательно удачно. Ему поручено были стрѣлять лишь по орудіямъ Бухарцевъ, стоявшимъ на стѣнахъ. На каждый бухарскій выстрѣлъ онъ отвѣчалъ выстрѣломъ же, почти всегда заставлявшимъ на нѣкоторое время замолчать Бухарца.

Часамъ къ 12 утра обвалъ былъ почти оконченъ, и мы могли беречь снаряды. Огонь нашъ значительно ослабѣлъ, мы бросали сначала по десяти, а потомъ лишь по шести выстрѣловъ въ часъ.

Вообще къ этому времени, періодъ общей суетливой дѣятельности, общаго лихорадочнаго напряженія сталъ замѣтно проходить. Разгоряченныя физіономіи стали понемногу успокоиваться и принимать даже кислое и зѣвающее выраженіе. Интересъ новизны видимо миновалъ. Всѣ какъ-то попривыкли къ своему положенію, присмотрѣлась и начинали скучать, хладнокровно обдумывая вопросы самаго матеріальнаго свойства, напримѣръ, что не мѣшало бы пообѣдать или напиться чаю, а если представится возможность урвать свободный часъ-другой, то и заснуть, выбравъ для этой цѣли въ траншеѣ мѣсто поприличнѣе. Разговоры въ кружкахъ, тамъ и сямъ разбросанныхъ по траншеѣ, дышали уже самымъ философскимъ хладнокровіемъ. Мнѣ случилось раза два или три напоминать объ обязанностяхъ стрѣлкамъ, находившимся въ прикрытіи при батареѣ и поставленнымъ для этой цѣли на бермѣ около бойницъ. Стрѣлки, вмѣсто того

чтобы смотрѣть на стѣну, переговаривались съ своими находящимися внизу товарищами, не замѣчая, что рядомъ съ ними прицѣливаютъ орудіе, и что имъ весьма было бы полезно послать пулю по цвѣтной тюбетейкѣ, высунувшейся изъ-за зубца стѣны. Однообразіе и скука прерывались лишь особыми, исключительны случаями. Или Бухарцы, ни съ того ни съ сего, вмѣсто ядра бросятъ картечь, и она горохомъ разсыплется по площадкѣ батареи, обративъ своимъ рѣзкимъ жужжаніемъ общее вниманіе. „Разсердились видно“, острятъ солдаты. Или же пуля, пролетѣвъ черезъ амбразуру, повалитъ солдатика, и онъ бѣдняга треснется затылкомъ о землю. Кое-кто изъ товарищей пойдетъ справиться, кто именно убитъ, и затѣмъ на нѣкоторое время въ разныхъ мѣстахъ траншеи пойдутъ толковать солдаты, что „вотъ молъ Обогрѣловъ, какъ убитъ, такъ и не воздохнулъ сердечный. Должно-быть, пуля попала въ самое сердце“. Но все это доставляетъ развлеченіе лишь на нѣсколько минутъ. Пройдетъ четверть часа, и уже бѣдняга Обогрѣловъ забытъ, и опять начинается та же скука впредь до новаго какого-нибудь эпизода, на который съ жадностью обращается праздное вниманіе траншейнаго караула.

Мѣдные чайники стали появляться въ траншеѣ чаще и чаще, группируя около себя небольшіе кружки. Тутъ только отдали мы полную справедливость нашей траншеѣ. Принести воду изъ арыка и даже обѣдъ изъ лагеря можно было совершенно спокойно, почти не подвергаясь опасности.

Въ 2 часа пришла на смѣну къ орудіямъ новая прислуга. Пришедшіе, пока еще имъ было въ новинку, погорячились немного, но черезъ полчаса прониклись общею апатіей, и дѣло пошло по-старому.

Бухарцы изъ-за стѣнъ почти не показывались. Они стрѣляли чрезъ бойницы въ крѣпостной стѣнѣ и съ такою осторожностью, что каждый выстрѣлившій Бухарецъ тотчасъ спѣшилъ закрыть камешкомъ бойницу какихъ-нибудь въ два вершка въ діаметрѣ. Интересны ихъ пули. Это, за малыми исключеніями, камешки облитые свинцомъ. Дороговизна свинца не позволяетъ Бухарцамъ употреблять сплошныя пули. „Урусы даже, какъ они ни богаты, не въ состояніи отливать сплошныхъ пуль, а въ задней части дѣлаютъ пустоту“, говорятъ Сарты, указывая на углубленіе, находящееся въ задней части пули Минье. Пули, которыя отъ

скуки подбирали солдаты, были самыхъ разнообразныхъ калибровъ.

Начинало темнѣть. Опять, по-вчерашнему, показались на горизонтѣ огненныя ленты ракетъ, и замерцали на небѣ огоньки гранатныхъ трубокъ. Выстрѣлы съ южной стороны сливались въ одинъ глухой непрерывный гулъ, прерываемый изрѣдка зычнымъ и раскатистымъ выстрѣломъ одного изъ нашихъ батарейныхъ орудій. Изъ главнаго отряда прискакалъ казакъ съ запиской, заключающею приказаніе штурмовать крѣпость съ разсвѣтомъ. Изъ нашего отряда отвѣчали, что мы готовы. Брешь только изрѣдка обстрѣливали картечью. Ружейные выстрѣлы изъ нашей траншеи совершенно замолкли. Началась, длинная и скучная, послѣдняя ночь предъ приступомъ.

Заснуть удавалось только на минуту. Забота о томъ, не прекратился ли артиллерійскій огонь, поминутно заставляла меня просыпаться.

Въ 2 часа ночи начали строить на правомъ флангѣ батареи, и нѣсколько впереди ея, небольшой ложементъ на два орудія. Въ ложементъ этотъ предполагалось поставить двѣ нарѣзныя пушки, которыя, вслѣдъ за штурмовыми колоннами, должны были идти въ городъ по бреши. Позади батареи, параллельно ея фронту, прокопали небольшую траншею, долженствовавшую служить плацдармомъ для сбора ротъ предъ штурмомъ. Ложементъ этотъ и ровикъ готовы были черезъ $1\frac{1}{2}$ или 2 часа, и нарѣзныя орудія, дожидавшіяся ихъ окончанія, тотчасъ же ввезены были на эту импровизованную батарею, а передки и зарядные ящики отправлены въ арыкъ. Прежде мы предполагали, что арыкъ этотъ доставитъ намъ особенно много хлопотъ и въ высшей степени затруднитъ веденіе траншей и вообще всѣ операціи осады. Но въ послѣдствіи оказалось, что намъ онъ былъ особенно полезенъ, составляя превосходную параллель, траншею, столь широкую и глубокую, что въ ней мы могли бы совершенно безопасно поставить, еслибы потребовалось, весь нашъ лагерь. Бухарцы не имѣютъ мортиръ и навѣснаго огня не употребляютъ; поэтому глубокая траншея совершенно достаточна чтобы защитить войска отъ огня бухарской артиллеріи.

Начались приготовленія къ штурму. Изъ арыка принесли штурмовыя лѣстницы. Подкатили двѣ арбы изъ-подъ зарядовъ, которыми въ случаѣ надобности предполагалось завалить ровъ.

Солнце должно было взойдти черезъ нѣсколько минутъ. На востокѣ уже начиналъ свѣтлѣть горизонтъ. Холодный и слабый полусвѣтъ, предшествующій разсвѣту, какъ нельзя болѣе гармонировалъ съ мрачною и величественною картиной, какую представлялъ послѣдній ложементъ, откуда предполагалось двинуть штурмовую колонну. Прекратились всѣ разговоры болѣе или менѣе интереснаго содержанія, которыми развлекаютъ себя офицеры и солдаты въ скучной, однообразной и тяжелой траншейной службѣ. Наступила общая, дѣйствительно торжественная тишина. Всѣ, даже самые бойкіе, какъ-то присмирѣли; всѣ прониклись важностью предстоящаго момента, всѣ сознавали, что роковой вопросъ, быть побѣдителемъ или побѣжденнымъ, черезъ нѣсколько минутъ долженъ разрѣшиться. Едва слышны произносимыя въ полголоса команды и распоряженія офицеровъ. Какъ тѣни, подвигаются въ темнотѣ къ брустверу траншеи, рота за ротой, штурмовыя колонны и ложатся въ выкопанный ровикъ. Но въ эту торжественную минуту, тамъ и сямъ по рядамъ лежащихъ въ ровикѣ солдатъ, раздаются отъ времени до времени шуточки, безъ которыхъ русскіе солдаты, кажется, существовать не могутъ. Сотни глазъ съ нетерпѣніемъ смотрятъ на горизонтъ въ сторону нашего главнаго отряда, ожидая, не покажутся ли тамъ огненныя ленты трехъ сигнальныхъ ракетъ, по которымъ, согласно сдѣланному распоряженію, наши роты должны были штурмовать цитадель. Но становится свѣтлѣе и свѣтлѣе, а ракетъ нѣтъ. Сомнѣніе, нѣтъ ли какого недоразумѣнія въ сигналахъ, овладѣваетъ всѣми офицерами. Голоса: „пора, пора, скоро станетъ совсѣмъ свѣтло“, слышатся со всѣхъ сторонъ. На хладнокровномъ и безстрастномъ лицѣ нашего храбраго начальника отряда на одно мгновеніе изображается нерѣшительность и борьба. Но эта нерѣшительность длится лишь одно мгновеніе. Тихо, едва слышно, изъ роты въ роту передается распоряженіе идти впередъ. И вотъ надъ чернымъ брустверомъ траншеи, обезображенной непріятельскимъ огнемъ, показываются силуэты огромныхъ штурмовыхъ лѣстницъ, переносимыхъ черезъ брустверъ. Роты двинулись на штурмъ.

Артиллеристы проводили ихъ залпами картечи. Съ крѣ-

постной стѣны замѣтили штурмовую колонну и тотчасъ открыли сильнѣйшій артиллерійскій и ружейный огонь. Наши стрѣлки, оставшіеся на батареѣ какъ прикрытіе, вторятъ Бухарцамъ. Безъ всякаго сожалѣнія къ патронамъ, они жгутъ порохъ, валяя выстрѣлъ за выстрѣломъ сколь возможно чаще черезъ головы нашихъ же колоннъ и поражая при этомъ одинъ только воздухъ, а не Бухарцевъ: дурная привычка здѣшнихъ войскъ, заимствованная у Сартовъ, запугивать непріятеля громомъ безвредныхъ выстрѣловъ. Сквозь гулъ такой щедрой стрѣльбы едва слышенъ протяжный крикъ *ура*. Но вотъ на брешь вскочили два-три смѣльчака.... Вскорѣ вся брешь забѣлѣла отъ бѣлыхъ кителей. Еще мгновеніе, и огонь съ фронта мгновенно прекращается. Видны лишь послѣдніе ряды отставшихъ взводовъ, перелѣзающіе черезъ разрушенную стѣну. Крѣпость взята, и ея защитники, въ совершенной паникѣ, ищутъ спасенія въ быстротѣ своихъ аргамаковъ или же, окруженные небольшими отрядами расположенныхъ въ различныхъ сторонахъ около города казаковъ, растерявшись окончательно, мечутся въ стороны, напрасно стараясь избѣгнуть казачьихъ шашекъ.

Штурмъ крѣпости продолжается нѣсколько мгновеній, но положительно можно сказать, что онъ составляетъ одинъ изъ самыхъ потрясающихъ и грозныхъ актовъ изъ всѣхъ въ высшей степени разнообразныхъ эпизодовъ, встрѣчающихся въ различнаго рода военныхъ операціяхъ. Роковой вопросъ: быть побѣдителемъ или побѣжденнымъ, послѣ долгихъ и нерѣшительныхъ по послѣдствіямъ успѣховъ и неудачъ въ различныхъ фазахъ осады крѣпости,—рѣшается штурмомъ почти мгновенно.

Мгновенно и разомъ переходишь отъ чувства тягостнаго сомнѣнія въ успѣхѣ, — сомнѣнія, неизбѣжнаго при началѣ столь рискованной операціи какъ штурмъ, къ тому чувству высокаго счастія, которое описать невозможно, которое понятно лишь находившимся въ рядахъ торжествующей побѣду арміи. Дѣйствительно, штурмъ крѣпости всегда лотерея, которой результатъ зависитъ весьма часто отъ пустой случайности, отъ рѣшительности и находчивости одного лица, отъ сломавшейся лѣстницы, отъ лишней сажени глубины рва, отъ неожиданныхъ препятствій на пути штурмующей колонны. Неуспѣхъ штурма постоянно сопровождается большими и безплодными потерями и сильно дѣйствуетъ на духъ какъ осаждающаго, такъ и осажденнаго.

Едва перелѣзли стѣну послѣдніе ряды штурмовыхъ колоннъ, какъ на батарею принесли раненыхъ. Ихъ было немного: человѣкъ 5 или 6. Всѣ почти ранены смертельно пулями, исключая одного, проколотаго штыкомъ. Вѣроятно, несчастный, спрыгивая въ ровъ, наткнулся на свой собственный штыкъ или на штыкъ своего товарища. Доктора, недостатка въ которыхъ въ нашихъ войскахъ не было, тотчасъ же занялись ими. Нарѣзной взводъ взялъ на передки и рысью пошелъ на обвалъ, который саперы въ нѣсколько минутъ разравняли на столько, что по бреши безъ затрудненія вошли не только легкія орудія, но и зарядные ящики. Съ лѣвой стороны нашей батареи, саженяхъ въ 500 отъ насъ, начали выскакивать изъ-за стѣнъ Сарты, какъ тараканы, выкуриваемые изъ избы. Перелѣзши стѣну, они хотѣли бѣжать въ горы, но имъ отрѣзала дорогу полусотня казаковъ, заблаговременно поставленная на долинѣ. Жалко было видѣть этихъ несчастныхъ въ ихъ безвыходномъ положеніи. Одни, увидѣвъ казаковъ, полѣзли назадъ въ городъ, гдѣ ихъ, вѣроятно, приняли тотчасъ же на штыки разсыпавшіеся по городу солдаты. Другіе, давно бросивъ свое оружіе, съ отчаяніемъ кинулись на проломъ и почти всѣ были порублены. Шайка человѣкъ въ 40, какъ видно, совершенно обезумѣла отъ страха. Попавшись въ тѣсное пространство между городскою стѣной и линіей казаковъ, видя неизбѣжную смерть, они метались изъ стороны въ сторону. Наши артиллеристы, съ необыкновеннымъ участіемъ слѣдившіе за устроивавшеюся столь нечаяннымъ образомъ охотой, скатили орудіе съ батареи и убѣдительнѣйшимъ образомъ просили командира позволить имъ выстрѣлить по этой кучкѣ. Удовольствіе это, къ крайнему огорченію солдатъ, было имъ воспрещено, и совершенно основательно, ибо чрезвычайно легко было подстрѣлить своихъ казаковъ, которые въ это время почти уже наскакали на Сартовъ.

Зрѣлище это, дѣйствительно интересное, до того увлекло публику, что взводъ, приданный въ прикрытіе батареи, давно уже ушелъ съ нея, и батарея, безъ лошадей и прикрытія, оставлена была на произволъ судьбы. Подобныя вещи, впрочемъ, здѣсь, въ Туркестанской Области, не слѣдуетъ считать ошибкой. Разъ крѣпость взята, Сарты не только не

подумаютъ о какихъ бы то ни было наступательныхъ дѣйствіяхъ, они не думаютъ даже о личной оборонѣ. Они кидаютъ оружіе, сбрасываютъ съ ногъ туфли, и подобравъ полы халатовъ, бѣгутъ куда глаза глядятъ. Одинъ видъ русскаго солдата въ этотъ моментъ достаточенъ, чтобъ обратить въ бѣгство сотню Сартовъ.

Тотчасъ же за взводомъ я поѣхалъ въ городъ. Путь, по которому шли наши колонны, ясно обозначался нѣсколькими лужами крови. Безпрепятственно спустился я въ ровъ и въѣхалъ на брешь. За стѣной, около обвала, лежалъ Бухарецъ съ оторваннымъ на половину черепомъ. Вывалившійся изъ черепа мозгъ, лежалъ подлѣ умирающаго. Бухарецъ былъ еще живъ; съ хриплымъ стономъ вырывалось изъ груди его порывистое и торопливое дыханіе; онъ судорожно перебиралъ пальцами рукъ, точно рылъ ими землю. За стѣной не было ни одной сакли. Внутренность огражденной стѣной цитадели походила на кладбище: вся она была усѣяна могилами.

Замѣчательно, что во всей цитадели, кромѣ этого Бухарца, не было ни одного убитаго. Это показываетъ до какой степени не дѣйствителенъ былъ нашъ ружейный и артиллерійскій огонь по прятавшимся за стѣнами Бухарцамъ, и въ то же время до какой степени ничтожное сопротивленіе оказали они нашимъ штурмовавшимъ съ этой стороны колоннамъ. Съ любопытствомъ проѣхалъ я по валгангу оставленной стѣны. Здѣсь лежали въ правильныхъ кучахъ сложенные камни, приготовленные на случай штурма. На сѣверо-западной башнѣ или, какъ ихъ называютъ здѣсь, барбетѣ, стояло дрянное чугунное орудіе, приблизительно около шести-фунтоваго калибра, на грубо-сколоченномъ деревянномъ лафетѣ. Внутри башни находился темный казематъ, назначавшійся, вѣроятно, играть роль пороховаго погреба. Въ самомъ углу, за стѣной, поставлена была зеленая палатка, какъ разказывали, принадлежавшая Габдулгафаръ-беку, ура-тюбискому губернатору. Во все время осады Габдулгаффаръ-бекъ, какъ разказывали, находился въ цитадели. На землѣ валялось множество фитильныхъ ружей со сломанными по большей части прикладами. Я поѣхалъ внизъ по стѣнѣ ко второй башнѣ. Подлѣ нея лежало сброшенное нашими солдатами со стѣны на землю другое, чугунное же орудіе, нѣсколько бо́льшаго колибра, но на такомъ же скверномъ лафетѣ, какъ и первое. На валгангѣ валялись въ безпорядкѣ снаряды, преимущественно картечь. Все внутри цитадели показывало, что Бухарцы никакъ не ожидали штурма. Они, какъ кажется, готовились завтракать. Позади валганга въ небольшихъ кучкахъ сложены были бухарскіе лепешки изъ пшеничной муки, испеченныя на бараньемъ салѣ. Замѣтны были приготовленія къ раскладкѣ огня. Подъ самою стѣной стоялъ желѣзный треножникъ. Тутъ же находились и большіе чугунные казаны съ водой.

VIII.

Объѣхавъ нѣкоторую часть валганга, я отправился въ городъ. Дорога, ведущая къ городскимъ воротамъ, была чрезвычайно дурна. Безъ всякаго почтенія къ праху своихъ отцовъ, Бухарцы проложили ее, не церемонясь, чрезъ могилы. По дорогѣ безпрестанно попадались какіе-то провалы или трещины. Городскія ворота въ стѣнѣ, отдѣлявшей городъ отъ цитадели, были отворены, и проѣхавъ по деревянному мосту, перекинутому чрезъ ровъ, я безпрепятственно проникъ въ городъ. Я поѣхалъ по одной изъ улицъ, ведущей къ главной средней цитадели, гдѣ уже развѣвалось наше знамя. Навстрѣчу мнѣ не попадалось ни одного живаго существа; только вдали слышались частые ружейные выстрѣлы. Видно было, что солдаты наши выгнали всѣхъ жителей изъ этой части города и, преслѣдуя ихъ, разсыпались по всему городу. Наконецъ, на одномъ изъ дворовъ сакель, показалась женская фигура. Я подъѣхалъ ближе посмотрѣть ура-тюбинскую жительницу. Увидавъ, что ее замѣтили, она сама пошла ко мнѣ навстрѣчу. Оказалось, что это была старуха. Дрожащимъ, разбитымъ голосомъ она начала что-то бормотать, вѣроятно, просила о пощадѣ, потому что слово *аманъ*, означающее между прочимъ солдатское: пардонъ, единственное уловленное мною, очень часто повторялось въ ея непонятной рѣчи. Улица, по которой я ѣхалъ, выходила на обширную площадь. Съ площади этой шелъ отлично вымощенный подъемъ на гору, увѣнчанную цитаделью. У подошвы горы стояли человѣкъ 30 нашихъ солдатъ, держа на поводу отбитыхъ коней. Сердитые жеребцы грызлись, ржали, бились. Подходя къ цитадели, я нагналъ многихъ изъ нашихъ офицеровъ, которые, такъ же какъ и я, спѣшили въ бекскій дворецъ. Одинъ изъ нихъ, П*, везъ при

сѣдлѣ бухарскую пушку съ лафетомъ. Пушка эта имѣла желѣзный стволъ длиною въ восемь вершковъ и наложена была на деревянный лафетъ съ колесами. Въ игрушечныхъ магазинахъ можно встрѣтить такія пушки. Вотъ какими орудіями, между прочимъ, дѣйствовали по насъ Бухарцы. Рядомъ съ П* бѣжалъ у его стремени, какъ охотничья собака, мальчикъ-Сартъ лѣтъ двѣнадцати, пугливо оглядываясь на рыщущихъ кругомъ солдатъ и не смѣя на шагъ отстать отъ своего покровителя, которому онъ умильно посматривалъ въ глаза. По крутой горѣ я поднялся къ цитадели. Всю цитадель занималъ, какъ кажется, бекскій дворецъ. На небольшой площадкѣ предъ крѣпостными воротами толпилось человѣкъ 200 солдатъ 3-го баталіона, ворвавшагося первымъ въ городъ. Тутъ же стояли и слѣдовавшія по пятамъ за нимъ два наши нарѣзныя орудія. Лица запыхавшихся солдатъ были покрыты пылью и потомъ, но оживлены чувствомъ самой неподдѣльной радости.

Сквозь толпу солдатъ, густо наполнявшихъ ворота, съ трудомъ пробрался я во внутренность цитадели. Въ бекскомъ дворцѣ собрался уже, какъ я слышалъ, весь штабъ, туда пріѣхалъ главный начальникъ края, командующій войсками и, какъ легко догадаться, не мало можно было тамъ узнать интересныхъ и свѣжихъ новостей относительно штурма крѣпости. Безпрестанно сбиваясь съ дороги и порядкомъ поблуждавъ по цитадели, внутренность которой была, по-сартовски, однообразно обстроена глиняными заборами, спрашивая попадавшихся мнѣ ежеминутно на встрѣчу нашихъ солдатъ, которые сновали взадъ и впередъ по цитадели, непремѣнно неся что-нибудь въ рукахъ, я, наконецъ, взошелъ въ одинъ изъ безчисленныхъ внутреннихъ двориковъ бекскаго дворца, гдѣ и увидалъ собравшимися человѣкъ сорокъ офицеровъ отряда.

Взаимныя поздравленія съ успѣхомъ и даже звуки поздравительныхъ поцѣлуевъ слышались со всѣхъ сторонъ.

Я не берусь описывать радостныя лица, шумный говоръ и вообще веселость, царствовавшую посреди нашего общества. Невозможно выразить до какой степени пріятно дѣйствуетъ видъ столькихъ людей, оживленныхъ однимъ и притомъ столь сильнымъ чувствомъ. Со всѣхъ сторонъ слышались разказы объ отдѣльныхъ эпизодахъ осады. Кто разказывалъ о своихъ подвигахъ, кто о подвигахъ своихъ товарищей. Трудно передать впечатлѣнія этой минуты, но навѣрное можно сказать, что для всѣхъ присутствовавшихъ минута эта была одна изъ самыхъ веселыхъ въ жизни.

Хотя тутъ же выяснилась и великость потерь, цѣною которыхъ пріобрѣтенъ былъ Ура-Тюбе, но въ первое время и это грустное обстоятельство мало омрачало чувство общей радости. Только въ послѣдствіи должнымъ образомъ оцѣнили мы эти потери. А потери были дѣйствительно не малы. Товарищи наши, штурмовавшіе городскую стѣну съ южной стороны, не были такъ счастливы какъ нашъ отрядъ. Въ двухъ штурмовыхъ колоннахъ Ш* и Г* общая потеря убитыми и ранеными доходила до 150 человѣкъ. Командиръ саперной роты убитъ былъ на-повалъ фальконетною пулей, въ то время когда онъ шелъ съ саперами во главѣ штурмовой колонны. Тамъ же пали смертельно раненые два офицера стрѣлковаго баталіона.

Въ послѣдствіи ходили разные слухи о причинѣ столь большой убыли въ этихъ двухъ колоннахъ. Одни приписывали эту потерю тому, что въ стѣнахъ крѣпости не были пробиты обвалы, и стѣну пришлось эскаладировать по лѣстницамъ, изъ которыхъ одна сломалась; другіе же тому обстоятельству, что колонны эти, когда перелѣзли первую стѣну (въ этомъ мѣстѣ стѣна была двойная), наткнулись нечаянно на караулъ тысячи въ двѣ Бухарцевъ. Вмѣсто того чтобъ ударить въ штыки, противъ которыхъ Бухарцы устоять не могутъ, наши стали стрѣлять, что было крайне невыгодно, такъ какъ, по малочисленности нашихъ, на каждое ружье приходилось по десяти бухарскихъ. Такъ или иначе, колонны Б* и Н*, штурмовавшіе крѣпость по обваламъ, не понесли почти никакой потери, а двѣ колонны, эскаладировавшія стѣны, потеряли 150 человѣкъ убитыми и ранеными и имѣли успѣхъ благодаря лишь тому, что, какъ говорили мнѣ многіе офицеры южнаго отряда, роты отряда Б*, ворвавшіяся въ городъ, потерявъ на штурмѣ по обвалу только пять человѣкъ, забѣжали въ тылъ защитниковъ южной стѣны. Фактъ этотъ достаточно показываетъ огромную пользу обваловъ для штурмовыхъ колоннъ и служитъ блестящимъ опроверженіемъ мнѣнія, которое, къ сожалѣнію, раздѣляютъ многіе въ Туркестанской Области, будто бы правила осады, выработанныя опытомъ европейскихъ войскъ,

не должны быть соблюдаемы въ войнѣ съ азіятскими народами. Въ одной изъ колоннъ, сколько помню въ колоннѣ Ш*, какъ выше было упомянуто, штурмовая лѣстница, невѣрно поставленная, хряснула по серединѣ въ то время, когда по ней лѣзли роты стрѣлковаго баталіона. Такой сюрпризъ, конечно, не мало способствовалъ увеличенію нашей потери. Упоминаю объ этомъ случаѣ потому, что онъ былъ поводомъ къ одному изъ блестящихъ частныхъ эпизодовъ осады Ура-Тюбе. По лѣстницѣ этой лѣзла рота капитана Г*. Лѣстница сломалась въ тотъ моментъ, когда ротный командиръ съ пятью стрѣлками былъ уже на верху. Шестой съ остальными свалились въ ровъ. Г* съ пятью молодцами очутился такимъ образомъ одинъ за стѣной, окруженный Бухарцами и безъ надежды на помощь, такъ какъ безъ лѣстницъ не было возможности взобраться на стѣну. Не мало времени отбивались наши стрѣлки, до тѣхъ поръ, пока колонна взошла въ городъ, и уже не чрезъ стѣну, а чрезъ ворота, которыя были выломаны.

Впрочемъ, въ описываемую мною минуту духъ критики и анализа въ нашемъ обществѣ исчезъ совершенно. Его отстранили чувство торжества и сознаніе достигнутой цѣли. О подробностяхъ, о причинахъ нашихъ большихъ потерь говорили мало. Всѣ радовались удачному началу экспедиціи, радовались тому, что значительный бухарскій городъ, послѣ непродолжительной осады, длившейся всего восемь дней, попалъ въ наши руки.

Героемъ дня по справедливости можно было назвать ротмистра Б*. На долю его отряда досталась самая трудная задача: вести траншею и строить батарею на совершенно открытой мѣстности, подъ огнемъ длиннаго фронта. Прибавимъ, что колонна его, первая вошедшая въ крѣпость, рѣшила ея паденіе, и что потеря въ его отрядѣ была совершенно ничтожная.

Пора было возвращаться на батарею, но мнѣ не хотѣлось оставить цитадель, не осмотрѣвъ бекскаго дворца, представлявшаго небезынтересную картину, въ особенности въ настоящій моментъ его полнаго разгрома. Наскоро могъ я только пробѣжать его внутренность. Не имѣя провожатаго, не имѣя никакого понятія о системѣ расположенія комнатъ, внутреннихъ дворовъ, лѣстницъ и террасъ его составлявшихъ, я не прошелъ, а пробѣжалъ по нѣсколькимъ

заламъ, пересѣкъ нѣсколько дворовъ, безчетное число разъ то поднимаясь, то спускаясь по небольшимъ лѣстницамъ въ 4 или 5 ступеней и безпрестанно возвращаясь на прежнія, уже пройденныя мной мѣста.

При такомъ торопливомъ обзорѣ, я конечно не могу сказать своимъ читателямъ многое объ этомъ дворцѣ. Показался онъ мнѣ чрезвычайно великъ. Онъ построенъ на земляныхъ террасахъ, которыя возвышаются одна надъ другой, что̀ производитъ впечатлѣніе, какъ будто бы дворецъ былъ въ нѣсколько этажей. Каждая такая терраса обстроена кругомъ, не рѣшусь сказать флигелями, а скажу саклями, и образуетъ внутренній дворъ. Дворъ этотъ окруженъ каменнымъ помостомъ съ небольшими лѣстницами. На помостъ выходятъ двери изъ окружающихъ дворъ саклей. Внутренность нѣкоторыхъ изъ этихъ саклей представляла роскошь не виданную мною доселѣ въ средне-азіятскихъ городахъ. Попадались весьма обширныя, а главное, весьма высокія, аршина въ четыре съ половиной вышиной залы, что̀ большая рѣдкость въ Средней Азіи. Несмотря на мрачность этихъ залъ, неизбѣжную въ азіятскихъ зданіяхъ, по малому числу и оригинальному устройству оконъ, нельзя было не отдать справедливости замѣчательно красивой, и пожалуй даже изящной, внутренней отдѣлкѣ нѣкоторыхъ изъ этихъ комнатъ. Бо́льшая часть изъ нихъ имѣли стѣны, выложенныя эмалированнымъ разноцвѣтнымъ кирпичомъ, расположеннымъ по весьма красивымъ, въ восточномъ вкусѣ, рисункамъ. Подобная отдѣлка покрывала стѣны или сплошь, или одни только панели, причемъ стѣны и сложенные изъ тополевыхъ вѣтвей потолки были чисто выбѣлены. Мебели, само собой разумѣется, въ этихъ залахъ не было никакой, что̀ для европейскаго глаза дѣлало ихъ весьма похожими на сараи. Вѣроятно, впрочемъ, видъ ихъ былъ значительно привлекательнѣе и домовитѣе нѣсколько минутъ тому назадъ, когда еще сильный врагъ не успѣлъ вломиться и предать разгрому жилище могучаго ура-тюбинскаго бека.

Въ настоящую минуту, все окружающее громко и краснорѣчиво говорило о внезапно постигшемъ это жилище несчастіи. Двери всюду были повыломаны, на полахъ, по серединѣ комнатъ, валялись кучи ковровъ, доски отъ дверей, разломанные ящики и пр. Полъ одной изъ комнатъ, вѣроятно, библіотеки или канцеляріи дворцовой, былъ весь покрытъ

листками изорванныхъ книгъ, литографированныхъ и рукописныхъ: тутъ же виднѣлись длинные листки, кругомъ исписанные по-татарски, или по-арабски, по формату которыхъ можно было убѣдиться, что это частная или офиціальная корреспонденція бека. Я старался отгадать, какую роль играла та и другая зала во дворцѣ Бека, но напрасно.

Прежнихъ обитателей цитадели, само собой разумѣется, я не встрѣтилъ ни одного. Даже убитыхъ мнѣ попалось подъ ноги не болѣе двухъ или трехъ. Вѣроятно, жители слѣдили за штурмомъ и, прежде чѣмъ наши колонны влѣзли на стѣну, успѣли разсыпаться и обратиться въ бѣгство. На встрѣчу мнѣ попадались только наши солдаты, которые тащили въ рукахъ самыя разнообразныя и по большей части совершенно не нужныя для нихъ вещи. Кто несъ на рукахъ охотничьяго сокола съ шапочкой на глазахъ, кто какое-нибудь грошовое женское зеркальцо, отдѣланное кусочками разноцвѣтнаго сукна самыхъ яркихъ цвѣтовъ, кто подушку или одѣяло. Забавно было видѣть, какъ иногда солдатикъ тащитъ, напримѣръ, какую-нибудь перину, которую онъ захватилъ только потому, что она ему досталась даромъ, и которая ему совершенно не нужна. Вдругъ на пути ему попадается коверъ. Убѣдившись, что не поднимешь разомъ и то и другое, онъ бросаетъ перину и начинаетъ тащить коверъ, столь же ему не нужный, какъ и перина; тащитъ коверъ до тѣхъ поръ, пока ему не попадется еще какая-нибудь вещь, на которую онъ мѣняетъ свой коверъ и такимъ образомъ, перемѣнивъ въ теченіи своего путешествія свою ношу нѣсколько разъ, онъ наконецъ доходитъ до лагеря, иной разъ неся на плечахъ ту же самую перину, которую онъ бросилъ въ первый разъ.

Я вышелъ на террасу, находившуюся на одномъ изъ самыхъ высокихъ пунктовъ дворца. Весь городъ лежалъ какъ на ладони. A vol d'oiseau онъ казался не такимъ грязнымъ и старымъ, какимъ былъ въ дѣйствительности. Общій видъ города чрезвычайно скрашивали нѣсколько мечетей съ высокими минаретами. Минареты эти, какъ и вездѣ въ Средней Азіи, не имѣютъ вида колонны, какъ тѣ, которые мы видимъ на картинкахъ, изображающихъ восточные города, или какіе есть при нашихъ мечетяхъ, построенныхъ въ Оренбургѣ. Здѣсь обыкновенно два минарета сводятся на верху въ стрѣльчатый куполъ, образуя такимъ образомъ

ворота мечети. Одна изъ этихъ мечетей, вѣроятно главная, была вся покрыта эмалированными голубыми надписями изъ корана. Повидимому, производство эмалированнаго кирпича составляетъ особенно развитую отрасль ура-тюбинской промышленности.

Въ настоящую минуту городъ представлялъ оживленную картину. Но оригинально и странно было это оживленіе. По улицамъ видны были кучки бѣгущихъ Сартовъ, мущинъ и женщинъ, и солдаты ихъ преслѣдующіе. Огоньки отъ выстрѣловъ блистали тамъ и сямъ. Со всѣхъ сторонъ раздавалось хлопаніе ружей. Сборъ давно уже протрубили, но не скоро можно было собрать разсыпавшихся по всему городу солдатъ, разгоряченныхъ побѣдой и рядомъ кровопролитныхъ сценъ. Что̀ дѣлать: это оборотная сторона медали. Избѣжать этихъ сценъ, этого безполезнаго кровопролитія невозможно. Нельзя остановить наши малочисленныя роты, когда они преслѣдуютъ тысячныя толпы Сартовъ, потому что именно это бурное движеніе впередъ и дало имъ побѣду надъ сильнѣйшимъ непріятелемъ. Еслибы Бухарцы могли опомниться и дать отпоръ, они раздавили бы насъ своею численностью.

Я давно уже оставилъ террасу, давно уже ушелъ изъ бекскаго дворца и возвратился на батарею, а по городу еще сверкали огоньки, хлопали ружья, и бѣдный городъ стоналъ подъ бременемъ страшнаго несчастія, какъ буря на него налетѣвшаго. Пять часовъ по крайней мѣрѣ прошло до тѣхъ поръ, пока собрали войска.

Вернувшись на батарею, я нашелъ уже тамъ и передки, и лошадей, прибывшихъ изъ лагеря. Нѣкоторые ротные командиры успѣли уже собрать свои роты. Конечно, не обошлось безъ значительнаго числа отставшихъ, которые подъ различными предлогами, увлекаясь духомъ стяжанія, остались въ городѣ. Изъ города пришла въ конномъ строю на отбитыхъ коняхъ одна рота 3-го баталіона. Впереди ея, на прекрасномъ караковомъ аргамакѣ, покрытомъ малиновою бархатною, расшитою золотомъ попоной, ѣхалъ ротный ея командиръ. Аргамакъ этотъ принадлежалъ ура-тюбинскому беку и былъ отбитъ, вмѣстѣ съ огромнымъ количествомъ коней, ротами ворвавшимися въ городъ по обвалу и преслѣдовавшими Бухарцевъ чрезъ весь городъ вплоть до противоположной западной стѣны.

Запрягли орудія, и мы потянулись къ нашему лагерю. На встрѣчу намъ попалось нѣсколько печальныхъ процессій. Хоронили нашихъ убитыхъ. Гробовъ по недостатку матеріаловъ для ихъ приготовленія, не было. Трупы, обернутые въ плащи, несли на лазаретныхъ носилкахъ. Мало было торжественности при этихъ похоронахъ. Надо сказать правду, послѣ одержанной побѣды не было мѣста для грустныхъ ощущеній, и развѣ тамъ и самъ два, три товарища изъ самыхъ закадычныхъ проводятъ слезой павшаго друга.

Лагерь нашъ представлялъ весьма оригинальную, хотя и не очень пріятную картину. Это былъ не военный лагерь, а скорѣе ярмарка. Роты уже вернулись изъ города, отягченныя добычей самаго разнообразнаго свойства, и успѣли сообщить эту ярмарочную физіономію лагерю. Кто несъ кипу шелковыхъ тканей, кто велъ на поводу коня, кто тащилъ за рога корову, за которою брелъ ея теленокъ, кто гналъ передъ собой маленькое стадо овецъ.

Это еще одна грустная и, прибавимъ, почти неизбѣжная сторона нашей средне-азіятской войны,—войны въ полномъ смыслѣ авантюрьерской, гдѣ однимъ изъ главныхъ рычаговъ, поднимающихъ храбрость солдатъ, служитъ надежда обогащенія отбитою добычей. Излишне говорить какъ несовмѣстно подобное положеніе вещей съ духомъ благоустроенной арміи, и въ какой мѣрѣ можетъ оно деморализовать солдатъ. Теперь мнѣ стало понятно, почему здѣсь каждая предпринимаемая экспедиція пользуется между солдатами такою популярностію, почему они ждутъ ея съ такимъ нетерпѣніемъ, почему, когда наша батарея выступала изъ Ташкента, всѣ хромые и горбатые писаря и фурштаты просились, чтобъ и ихъ также взять съ батареей.

Многіе частные начальники, вполнѣ понимая зло такого порядка дѣлъ, охотно приняли бы и даже не разъ принимали мѣры для искорененія этого духа стяжанія, но усилія ихъ разбивались о закоренѣлость здѣшнихъ преданій, тѣмъ болѣе, что снабженіе войскъ всѣмъ слѣдующимъ имъ по положенію здѣсь весьма неаккуратно. Неаккуратность эта естественна и едва ли устранима * при отдаленности Туркестанской области, при недостаткахъ здѣшней только что

* Воспоминанія написаны до переустройства военной администраціи Туркестанской области.

устроенной военной администраціи, при постоянныхъ походахъ, на которые осуждены здѣшнія войска.

Задняя линейка лагеря, на которой производилась эта неприличная торговля, и которую солдаты и офицеры безъ церемоніи звали лагернымъ базаромъ, во всякомъ случаѣ представляла много въ высшей степени интереснаго. Это было нѣчто въ родѣ мануфактурной и промышленной выставки, на которую, конечно, не рѣшились бы, безъ содѣйствія нашихъ солдатъ, ура-тюбинскіе жители. Всѣ образцы производства ура-тюбинскихъ фабрикъ и рукодѣльщиковъ, всѣ образцы произведеній по скотоводству, коневодству и пр. фигурировали на этой выставкѣ. Самое видное мѣсто имѣли, какъ легко догадаться, халаты, они же и составляли главнѣйшую статью торговли. За халатами слѣдовали, по многочисленности образцовъ, кони, потомъ рогатый скотъ, цѣлые куски шелковыхъ, шерстяныхъ и бумажныхъ матерій, мѣдная посуда, между которою всего чаще встрѣчались высокіе узкогорлые бухарскіе чайники, конскія попоны, войлоки, охотничьи соколы, кожи, готовые сапоги и туфли, женскія украшенія, и пр. и пр.

Оружія, по крайней мѣрѣ порядочнаго, было немного, въ особенности въ сравненіи съ тѣмъ, что въ послѣдствіи отбито было въ Джизагѣ.

Чаще всего, какъ я упомянулъ, попадались и рѣзче всего бросались въ глаза красные халаты, которыми эмиръ и беки жалуютъ подданныхъ и подчиненныхъ въ знакъ своего благоволенія. Халаты эти сшиты изъ яркаго краснаго сукна, очевидно европейскаго производства, и которое пріобрѣталось купцами, вѣроятно, за весьма высокую цѣну. Нѣкоторые изъ нихъ обшиты были кругомъ широкимъ золотымъ позументомъ, также европейскаго производства. Позументъ обыкновенно нашивается по краямъ полъ и на спинѣ, начиная отъ воротника. Бухарцы еще нашиваютъ весьма безобразный длинный мысъ, спускающійся остріемъ почти до половины спины. Кромѣ этихъ подарочныхъ халатовъ, были и другіе, попроще: шелковые, полушелковые, шерстяные и бумажные. Эти послѣдніе преимущественно изъ азіятскихъ матерій, гдѣ въ самыхъ прихотливыхъ рисункахъ соединялись самые разнообразные и конечно до безобразія яркіе цвѣта. Всѣ безъ исключенія халаты, самые дорогіе, какъ и самые скромные, были на отвратительной подкладкѣ,

туземнаго происхожденія—весьма толстой и грубой. Подкладка эта составляла рѣзкій контрастъ, непонятный для Европейца, съ дорогою матеріей верха. Сначала приписывалъ я это азіятской скаредности и щегольству дуракаго тона, азіятскому свинству, какъ говоритъ Пушкинъ въ своемъ путешествіи въ Арзерумъ, что̀ отчасти и справедливо. Но въ послѣдствіи я узналъ, что по шаріату только одни женщины могутъ носить полную шелковую одежду; для мущинъ это считается неприличнымъ: мущина, по мусульманскому закону, долженъ непремѣнно носить одежду бумажную. Азіятцы обходятъ этотъ законъ, неблагопріятствующій удовлетворенію страсти къ щегольству, дѣлая себѣ великолѣпные шелковые или суконные халаты и употребляя на подкладку грубую бумажную матерію.

Значительнѣйшій, а главное, самый замѣтный, всего болѣе бросавшійся въ глаза предметъ торговли составляли послѣ халатовъ лошади, которыхъ огромное число приведено было на нашъ импровизованный базаръ. Свойство ли этой торговли такое, что безъ шума, крика и клятвы нельзя продать лошадь, но и въ нашемъ лагерѣ пространство позади задней линейки на лѣвомъ флангѣ, являло рядъ шумныхъ сценъ, хорошо знакомыхъ посѣщавшимъ конныя площади Москвы и Петербурга.

Лошади средней Азіи, по горячности своего темперамента, по своей впечатлительности, понятливости и легкости весьма пригодны для верховой ѣзды. По разказамъ офицеровъ нашего отряда, имѣвшихъ право считать себя старожилами въ Туркестанской области, въ области этой существуютъ двѣ главныя породы коней: аргамаки и карбаиры.

Аргамаки, чаще всего встрѣчающіеся, имѣютъ весьма оригинальную наружность и обладаютъ даже особеннаго рода красотой, къ которой, конечно, нѣсколько надо привыкнуть. Они всѣ роста выше средняго и даже большаго: аргамакъ рѣдко бываетъ трехъ, а большею частью четырехъ и даже пяти вершковъ. У него прекрасная спина: хребетъ и крупъ прямые какъ стрѣла, высоко поставленный хвостъ, высокая, длинная и тонкая шея (которая кажется еще тоньше и длиннѣе, у нѣкоторыхъ аргамаковъ, отъ того, что здѣсь существуетъ особая мода выстригать конямъ плотно гриву). довольно большая, иногда прямая, но большею частію горбатая голова, узкая грудь, тонкія ноги и длинныя бабки.

Конечно, горбатая голова съ весьма высокимъ затылкомъ, длинныя ноги, а въ особенности узкая грудь и длинныя бабки не могутъ найдти почитателей между Европейцами, которымъ трудно отрѣшиться отъ привязанности къ статьямъ европейскихъ, преимущественно упряжныхъ коней, но повторю опять, при нѣкоторой привычкѣ къ наружности азіятской лошади, нельзя не отдать справедливости аргамаку, какъ весьма красивому и видному верховому коню. Само собой разумѣется, что лошади эти не годятся для упряжи. При приготовленіи къ походу, нѣкоторыя батареи, не ремонтировавшіяся лошадьми по нѣсколько лѣтъ, купили по нуждѣ туземныхъ коней. Лошади эти въ самомъ скоромъ времени показали полную свою несостоятельность: онѣ постоянно затягивались, несмотря на тщательную пригонку оголовковъ, обжигали себѣ плечи и кончали обыкновенно тѣмъ, что чрезъ два-три перехода переставали ѣсть кормъ.

Карбаиры встрѣчаются гораздо рѣже нежели аргамаки. Мнѣ случалось встрѣтить не болѣе трехъ или четырехъ настоящихъ карбаировъ, во все время пребыванія моего въ Туркестанской области: они весьма высоко цѣнятся, какъ весьма сильныя и выносчивыя лошади, чего нельзя сказать о длинноногихъ и узкогрудыхъ аргамакахъ. Каждый желающій здѣсь похвастаться своею лошадью непремѣнно увѣряетъ, что она настоящій карбаиръ. Это обстоятельство, вслѣдствіе котораго огромное количество лошадей, не имѣющихъ ничего общаго съ карбаирами, выдаются за карбаировъ, составляетъ отчасти причину, почему я о нихъ не берусь и говорить.

Замѣчательно, что наши казаки, которымъ нельзя отказать въ знаніи практической иппологіи, относятся чрезвычайно неблагосклонно къ азіятскимъ конямъ, въ особенности къ аргамакамъ. Они положительно убѣждены, что ихъ кормленыя лошаденки, въ особенности на дальней дистанціи, обскачутъ любаго аргамака, несмотря на замѣчательную легкость послѣдняго. Послѣ каждой осады и полеваго сраженія, въ казачьи руки попадалось множество коней, принадлежавшихъ иногда бекамъ, слѣдовательно лучшихъ, какихъ только можно достать въ Туркестанской области, но казакъ, если ему приходится отдѣлаться отъ одной изъ лошадей, никакъ не продастъ своего строе-

ваго коня. „Нѣтъ“, говоритъ обыкновенно казакъ на предложеніе продать его лошаденку, „не продамъ я своего домороценнаго маштака“, и охотно уступаетъ благопріобрѣтеннаго крупнаго и красиваго жеребца, а держится своей маленькой и косматой клячонки.

Надобно впрочемъ замѣтить, что азіятскія лошади, а въ особенности аргамаки, весьма нѣжны и поэтому, а также по своей горячности, чрезвычайно легко простужаются. Наши аробщики, арбы которыхъ запряжены были также аргамаками, постоянно, даже лѣтомъ, держали ихъ на коновязяхъ подъ попонами, а въ холодныя ночи, кромѣ того, накрывали войлоками и коврами. Неудобство весьма важное для боеваго коня. Но что̀ составляетъ безусловную, безспорную красоту коней Средней Азіи—это ихъ несравненныя масти. Всѣ они ярко-золотистаго цвѣта. Рыжія, бурыя, гнѣдыя, саврасыя, буланыя, однимъ словомъ, тѣ масти, которыя у насъ вообще не высоко цѣнятся и которымъ всегда предпочитается сѣрая и вороная масть, у азіятскихъ коней такъ красивы, что не видавъ ихъ, нельзя имѣть о нихъ надлежащаго понятія. Во всѣхъ этихъ мастяхъ, въ самыхъ разнообразныхъ оттѣнкахъ, ярко выдается золотой колеръ, красотѣ котораго въ особенности способствуетъ отличное качество шерсти, по мягкости и глянцовитости своей совершенно напоминающей шелкъ. Никогда не забуду я купленнаго подъ Ура-Тюбе пріятелемъ моимъ С. жеребца саврасой или, лучше сказать, свѣтлошоколатной масти, съ золотистымъ отливомъ. Эффектъ производимый на глазъ такою необыкновенною мастью поразителенъ. Покажись такой конь гдѣ-нибудь на гуляньи у насъ въ Москвѣ или Петербургѣ, онъ привлекъ бы общее вниманіе.

При оригинальномъ способѣ пріобрѣтенія всѣхъ, въ высшей степени разнообразныхъ, предметовъ, находившихся на базарѣ, естественно, что цѣнность ихъ устанавливалась также чрезвычайно оригинально и колебалась не только ежедневно, но и ежечасно, соображаясь въ точности съ капризомъ запроса на предметы. Капризъ здѣсь совершенно точное выраженіе, ибо всѣ вообще продаваемыя вещи естественно для большей части покупателей были совершенно не нужны. Онѣ покупались только потому, что были дешевы. Цѣны на одни и тѣ же предметы разнились не только

въ нашихъ двухъ лагеряхъ, но даже въ одномъ и томъ же лагерѣ: на правомъ, напримѣръ, флангѣ были однѣ цѣны, а на лѣвомъ другія. Но всѣ цѣны были чрезвычайно низки и еще болѣе понизились къ концу нашей стоянки подъ Ура-Тюбе. Такъ, при началѣ базара, когда многіе изъ офицеровъ желали перемѣнить своихъ верховыхъ коней, когда, пользуясь дешевизной, многіе и изъ нижнихъ чиновъ, а въ особенности аристократы, какъ-то: фельдфебеля, писаря и пр., также пожелали устроиться во время похода нѣсколько покомфортабельнѣе, предпочитая лучше ѣхать верхомъ нежели идти пѣшкомъ, цѣны на коней стояли довольно высокія. Говорю высокія, конечно, относительно, примѣняясь къ биржѣ дня; въ обыкновенное же время онѣ, конечно, поразили бы каждаго своею дешевизной.

Караковый аргамакъ, принадлежавшій ура-тюбинскому беку, конь, равнаго которому по красотѣ мнѣ не случалось видѣть въ Туркестанской области, купленъ былъ чуть ли не за тридцать рублей. Тотъ необыкновенной масти жеребецъ, о которомъ я говорилъ выше, купленъ былъ изъ вторыхъ рукъ за восемьдесятъ рублей. Въ послѣдствіи же, когда опредѣлилось огромное превосходство въ числѣ предлагающихъ надъ покупателями, когда притомъ лучшія лошади были уже куплены, когда командиры, испуганные огромнымъ числомъ появившихся въ частяхъ сверхкомплектныхъ коней, и опасаясь за цѣлость казеннаго фуража, объявили рѣшительное нежеланіе имѣть лишнихъ лошадей, цѣны на нихъ упали страшно. Порядочную лошадь можно было купить за десять, за шесть и даже за пять рублей. Были случаи покупки изрядныхъ лошадей по два рубля и по рублю пятидесяти копѣекъ. Если такъ низко цѣнились кони, потребность въ которыхъ въ военное время всегда есть, то легко себѣ представить, что остальные предметы, затруднявшіе своихъ владѣльцевъ, цѣнились еще ниже. Я бывалъ свидѣтелемъ, какъ ослы продавались по тридцати копѣекъ. То же самое можно сказать и о прочихъ предметахъ. Красные суконные халаты, обшитые позументомъ, продавались по восьми, шести и даже по три рубля. Одинъ изъ нашихъ офицеровъ купилъ кусокъ индѣйской кисеи, аршинъ въ пятьдесятъ, за три рубля серебромъ. Столь дешевая продажа туземныхъ вещей въ извѣстной степени облегчала положеніе

жителей и уменьшала степень ихъ раззоренія. Когда жители нѣсколько успокоились отъ страха и вернулись въ городъ, что̀ обыкновенно бываетъ дня чрезъ два или три послѣ штурма, русскій лагерь сталъ центромъ торговыхъ операцій. Жители выкупали тамъ за дешевую цѣну предметы, отобранные у нихъ при взятіи города. Покупая лошадей по полутора рубля и ословъ по тридцати копѣекъ, они возстанавливали отчасти свое хозяйство. Плохое, конечно, для нихъ утѣшеніе!

IX.

Налюбовавшись до̀-сыта мирными занятіями нашихъ солдатъ, мы большою компаніей отправились въ лагерь главнаго отряда, намѣреваясь дорогой осмотрѣть кстати и городъ. День былъ превосходный. На темносинемъ небѣ не было ни одного облачка, и несмотря на то что 28-го и 29-го сентября лежалъ снѣгъ, 2-го октября былъ вполнѣ лѣтній жаркій день. Ѣхали мы по той же самой дорогѣ, по которой, сутки тому назадъ, отрядъ нашъ, крадучись, въ величайшей тишинѣ пробирался ночью для заложенія батареи. Особеннаго рода пріятное чувство испытываешь послѣ взятія крѣпости, разъѣзжая по ея окрестностямъ. Какъ ни близки онѣ были, однако, нѣсколько часовъ тому назадъ, онѣ были недоступны. Попробовалъ бы тогда кто-нибудь выйдти на ту дорогу, по которой мы теперь спокойно ѣхали, Бухарцы не приминули бы открыть сильнѣйшій ружейный и артиллерійскій огонь съ высоты своихъ стѣнъ. При другой обстановкѣ получали другую физіономію знакомые уже намъ предметы. Вотъ небольшая мазанка въ оврагѣ, служившая у Ура-Тюбинцевъ, какъ кажется, кирпичнымъ заводомъ, гдѣ наканунѣ засѣли нѣсколько Бухарцевъ и успѣли подстрѣлить у насъ двухъ человѣкъ, прежде нежели горячій К* ихъ оттуда выгналъ. Вотъ маленькая батарея, которую вчера поутру построилъ себѣ нарѣзной взводъ. Въ настоящее время, лишившись своего вооруженія, своею профилью и размѣрами, сильно говорившими о доморощенныхъ знаніяхъ строителя, она имѣла препечальный и даже нѣсколько смѣшной видъ. Мы выѣхали на поляну, лежавшую предъ юго-восточнымъ угломъ города, на ту самую поляну, по которой

напрасно пыталась спастись бѣгствомъ въ горы часть жителей и гарнизона послѣ штурма Ура-Тюбе.

По полю стали попадаться трупы, всѣ почти съ разрубленными черепами. Трудно было отгадать чьи именно трупы валялись подъ нашими ногами: трупы ли это бухарскихъ солдатъ или мирныхъ ура-тюбинскихъ жителей. Регулярныхъ войскъ въ Ура-Тюбе, кажется, было немного, тысячи три или четыре, а только они имѣютъ особый костюмъ; иррегулярныя же войска ничѣмъ не различаются отъ мирныхъ жителей, потому что это тѣ же самые жители, которымъ беки дали въ руки оружіе и приказали стать солдатами. Оружіе свое они, конечно, давно побросали. Ѣхавъ по полямъ, мы между прочимъ наткнулись на одного убитаго, остановившаго наше вниманіе. Приглядѣвшійся глазъ нашъ тотчасъ же открылъ въ немъ признаки жизни. Лицо его не было блѣдно или, лучше сказать, сѣро, потому что загорѣлые Сарты блѣднѣть, какъ бѣлокожіе Европейцы, не могутъ. Самое положеніе лежавшаго ясно свидѣтельствовало о томъ, что онъ живъ: члены его не были такъ безсильно раскинуты по землѣ, какъ у убитаго. Мы окликнули его. Убитый открылъ глаза и слабо застоналъ. Какъ умѣли, старались мы объяснить ему его безопасность (знаками, конечно) и стали отправлять его въ городъ. Мы повторили „коркма“ (не бойся) и „аманъ“—два извѣстныя намъ слова, наиболѣе подходившія, какъ намъ казалось, къ настоящему случаю. Раненый насъ однакоже, кажется, понялъ. Онъ поднялся отъ земли и на четверенькахъ поползъ по направленію къ городской стѣнѣ, не переставая стонать. Только проѣхавъ далѣе и нечаянно оглянувшись назадъ, мы убѣдились, что Сартъ насъ надулъ. Воображая себя внѣ нашего вниманія, онъ тотчасъ же бросился бѣжать, молодцомъ спустился въ ровъ и перелѣзъ чрезъ стѣну.

Чрезъ одни изъ городскихъ воротъ, находившихся почти около самаго юго-восточнаго угла, мы въѣхали въ городъ. Въ Ура-Тюбе, какъ я уже выше упоминалъ, мы считали около 25 тысячъ жителей. Не знаю, вѣрна ли эта цифра. Я не успѣлъ на столько познакомиться съ Азіей, чтобы по обширности построекъ и квадратному пространству города опредѣлять его населенность. Городъ этотъ, должно-быть, чрезвычайно древній. О древности его свидѣтельствуетъ старинная и ветхая наружность всѣхъ почти городскихъ

построекъ. Глина на заборахъ сакель не имѣла того желтоватаго оттѣнка, какой мы встрѣчали на новыхъ постройкахъ, особенно въ Ходжентѣ. Здѣсь всѣ зданія имѣли сѣрый цвѣтъ. Впрочемъ, можетъ-быть, таково свойство здѣшней глины. Въ пользу древности города свидѣтельствовало также большое число находившихся въ немъ высокихъ каменныхъ мечетей. Вообще же наружность Ура-Тюбе чрезвычайно напоминала Ташкентъ. Лавокъ, различныхъ заведеній и фабрикъ встрѣчалось на пути такъ же много какъ и въ Ташкентѣ, а пыли и грязи чуть ли даже не больше.

Въ ворота, куда мы въѣхали, упиралась широкая улица, обстроенная кругомъ низенькими саклями. Посреди улицы протекалъ широкій и многоводный, но довольно мелкій арыкъ, который намъ приходилось переѣзжать въ бродъ нѣсколько разъ. Мы взяли влѣво однимъ изъ переулковъ и въѣхали на главный базаръ, представлявшій въ настоящую минуту страшный хаосъ. Вездѣ видны были выбитыя двери, разрушенныя лавки, поломанные ящики и сундуки. По узкимъ улицамъ трудно было проѣхать,—до того онѣ были загромождены досками, бревнами и прочими слѣдами разрушенія. Повсюду валялись трупы, между которыми, впрочемъ весьма рѣдко, встрѣчались трупы женщинъ и дѣтей. Жителей, само собой разумѣется, не было никого. Тамъ и сямъ попадались мародерствующіе казаки и солдаты. Хотя и сдѣлано было, въ видахъ скорѣйшаго возвращенія жителей въ городъ, распоряженіе о томъ, чтобы вывести мародеровъ и не впускать никого изъ солдатъ безъ особаго разрѣшенія, для какой цѣли у всѣхъ городскихъ воротъ поставлены были караулы, но многіе изъ солдатъ, въ особенности въ первое время, находили средство пробраться въ городъ.

Сначала, ѣхавъ по узкимъ улицамъ и переулкамъ Ура-Тюбе, мы нѣсколько остерегались, ожидая, что какой-нибудь Сартъ, доведенный до отчаянія видомъ и сознаніемъ своего раззоренія, пуститъ въ насъ изъ-за какого-нибудь забора пулю, но скоро мы убѣдились въ полной нашей безопасности. Все, что̀ имѣло ноги бѣжать, бѣжало: оставшіеся же Сарты, которыхъ было, вѣроятно, тоже не малое количество, запрятались, конечно, какъ можно далѣе, и дрожа въ своихъ норахъ, молились Аллаху, чтобы поскорѣе пронеслась мимо грозная бѣда.

Но вотъ трупы стали попадаться чаще и чаще. Мы приближались къ южной стѣнѣ, которую штурмовали колонны Ш. и Г. Здѣсь колонны эти, овладѣвъ первою стѣной, наткнулись на значительную толпу Бухарцевъ, здѣсь храбрый Г. отбивался съ пятью человѣками противъ тысячи Бухарцевъ, здѣсь 2-го октября мы въ нѣсколько минутъ потеряли до полутораста человѣкъ убитыми и ранеными. Между стѣнами былъ совершенный адъ. Тѣсно скученные, лежали тамъ около четырехъ сотъ бухарскихъ труповъ, лежали и горѣли медленнымъ огнемъ, распространяя около себя невыносимый запахъ гари. Наши выстрѣлы въ упоръ зажигали ваточные халаты бухарскихъ воиновъ. Огонь сообщался патронамъ, которые Бухарцы, не имѣя патронташей, носятъ обыкновенно въ карманахъ. Халатъ вспыхивалъ, и пламя быстро перебѣгало отъ одного Бухарца къ другому. Смрадъ отъ горящихъ тѣлъ распространялся по всему городу. Долго онъ оставался у меня въ памяти. Когда уже я отъѣхалъ далеко отъ несчастнаго города, когда былъ уже давно въ лагерѣ, мнѣ все еще слышался отвратительный запахъ гари, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ воображеніи живо возставали страшныя картины, которыя сплошь представлялъ взятый штурмомъ городъ. Штурмовыя лѣстницы еще стояли прислоненныя къ стѣнамъ. Во рву лежала сломанная лѣстница, по которой лѣзла рота Г. По оставшимся, еще совершенно свѣжимъ слѣдамъ недавняго кровопролитія можно было шагъ за шагомъ прослѣдить исторію этого штурма и всѣхъ его отдѣльныхъ эпизодовъ. Но намъ надобно было спѣшить. Мы объѣхали всю южную стѣну, взглянули на обвалъ, пробитый облегченною батареей, по которой штурмовала крѣпость колонна маіора Н*, и поѣхали вдоль по стѣнѣ опять на сѣверную сторону, къ сѣверо-западному углу, составляющему еще одну неосмотрѣнную нами цитадель. Цитадель эта построена была на горѣ, довольно крутою, но ровною отлогостью, спускавшеюся къ городу. На эту гору загнали наши роты Бухарцевъ. Сюда именно кинулась спасаться бѣгствомъ, прогнанная колоннами отряда Б*. бухарская конница, такъ какъ противъ западнаго фронта ни было нашихъ войскъ. Огромная масса конныхъ Бухарцевъ столпилась около воротъ. Роты третьяго баталіона, стрѣляя въ эту безпорядочную кучу бѣглецовъ, перебили не малое количество Бухарцевъ. Часть конницы успѣла ускакать въ узкія ворота и спастись

бѣгствомъ. Задніе же, не имѣя терпѣнія и хладнокровія подождать пока очистятся ворота, въ которыхъ давка, вѣроятно, была страшная, бросили коней, и перелѣзая, или лучше сказать, спрыгивая со стѣнъ, старались спастись бѣгствомъ пѣшіе. Съ этой цитадели произведенъ былъ противъ нашихъ войскъ, ворвавшихся уже въ городъ, послѣдній выстрѣлъ изъ самаго большаго находившагося въ Ура-Тюбе орудія. Оно и теперь еще стояло на барбетѣ, обращенное дуломъ къ сторонѣ города. Здѣсь А. отбилъ столько коней, что роту свою, вступившую въ городъ въ пѣшемъ строю, вывелъ изъ него въ конномъ.

Чрезъ эти ворота, гдѣ лежалъ навзничь, вытянувъ ноги и скрутивъ шею, задавившій всадника прекрасный сѣрый конь, закоченѣвшій на судорожномъ движеніи послѣдней агоніи, выѣхали мы въ поле и отправились вдоль по стѣнѣ на южную сторону. Во рву, вдоль всей стѣны, лежали также убитые, и только когда мы отъѣхали съ полверсты отъ городской стѣны, глазъ нашъ могъ отдохнуть отъ тяжелаго зрѣлища, раскрывавшагося предъ нами во время прогулки по городу.

Рысью поѣхали мы по направленію къ нашему лагерю и скоро достигли цѣли своего путешествія. Такъ какъ мы привыкли ѣздить туда дальнимъ объѣздомъ, верстъ въ пятнадцать, то сокращенный прямой путь чрезъ городъ показался намъ чрезвычайно близкимъ. Лагерь главнаго отряда имѣлъ самый праздничный видъ, еще болѣе праздничный нежели нашъ, въ которомъ было лишь семь ротъ. Общему оживленію въ этомъ лагерѣ много способствовало, конечно, то обстоятельство, что всѣ маркитанты находились въ главномъ отрядѣ. Обстоятельство весьма важное. Несмотря на строгое запрещеніе продавать солдатамъ спиртъ, несмотря на непомѣрно высокую цѣну запрещеннаго напитка (ведро спирта въ Туркестанской области стоило 25 руб., причемъ спиртъ въ отношеніи крѣпости уступалъ хорошему полугару), пьяныхъ было достаточно.

Само собой разумѣется, что базарный элементъ въ этомъ лагерѣ, по причинѣ его многолюдности, былъ развитъ еще сильнѣе нежели въ нашемъ. По лагерю ходило множество солдатъ, овладѣвшихъ въ самомъ скоромъ времени всѣми пріемами уличныхъ разнощиковъ и предлагавшихъ продать кто что. Въ одномъ мѣстѣ горячо спорили

на непонятныхъ другъ другу языкахъ: солдатъ, продававшій барана, и Сартъ, этого барана покупавшій; потоки краснорѣчія лились съ обѣихъ сторонъ. Солдатъ держалъ предъ носомъ Сарта два поднятые пальца правой руки въ знакъ того, что онъ за барана хочетъ два кокана. Сартъ точно такимъ же образомъ опредѣлялъ цѣну, показывая солдату одинъ палецъ. Въ другомъ мѣстѣ совершалась продажа коней и проѣздка ихъ большими аллюрами. Новые хозяева коней расхваливали покупателямъ ихъ качества такъ, какъ будто кони имъ вѣкъ принадлежали. Какой-то солдатъ, наваливъ на плечи цѣлую гору халатовъ, постепенно облегчался, продавая по порядку одинъ халатъ за другимъ. Шумныя группы людей, окружавшихъ разнощиковъ, товары которыхъ подходили особенно по вкусу публики, отдѣльныя кучки любителей пѣнія, толпившихся около хоровъ пѣсенниковъ, оригинальные и живописные, хотя и весьма грязные халаты нашихъ аробщиковъ-Сартовъ, которые также спѣшили купить за безцѣнокъ или лошадь въ арбу на перемѣну пришедшей отъ похода въ негодность, или что-нибудь подобное, придавали чрезвычайно много жизни лагерю главнаго отряда.

По прибытіи на южную сторону мы отправились къ палаткѣ генерала Крыжановскаго, дававшаго въ этотъ день обѣдъ офицерамъ отряда. Около юрты генерала мы застали уже большую толпу приглашенныхъ. На всѣхъ лицахъ сіяла самая непритворная радость. Тамъ и сямъ виднѣлись подвязанная рука или перевязанная голова. Эти руки и головы принадлежали преимущественно офицерамъ, участникамъ въ штурмѣ южнаго фронта съ колоннами Ш* и Г*, остававшимися подъ стѣной довольно продолжительное время и вслѣдствіе этого получившими отъ Бухарцевъ порядочное количество камней, которые, впрочемъ, особенно серіозныхъ поврежденій черепамъ и прочимъ частямъ тѣла нанести, конечно, не могли. Нужно ли говорить съ какимъ удовольствіемъ и съ какою гордостію носили эти перевязки контуженные, вообще довольно дешево поплатившіеся за честь носить столь почтенное украшеніе?

Приглашенныхъ было всего человѣкъ 30 или 40. Обѣденною залой служили двѣ эмирскія палатки, соединенныя вмѣстѣ. Внутри разостланы были ковры, а на коврахъ накрыта скатерть. Въ узкомъ промежуткѣ между краемъ скатерти

и полами палатки предназначалось помѣститься гостямъ, которымъ приходилось такимъ образомъ сидѣть на полу въ той позѣ, какую каждому заблагоразсудится принять. Совершенный недостатокъ столовъ и стульевъ составляетъ причину, почему на здѣшнихъ обѣдахъ приходится не сидѣть, а лежать такъ, какъ это дѣлали наши праотцы и какъ теперь дѣлаютъ наши братья, Сарты. Нельзя сказать, чтобъ обѣдать въ такой позѣ было особенно удобно. Впрочемъ, къ чему не привыкаешь? Нѣкоторые изъ здѣшнихъ старыхъ офицеровъ до такой степени освоились съ методой обѣдать лежа, а не сидя, что по возвращеніи въ Европу долго не могли снова привыкнуть къ стульямъ, жалуясь, что отъ нихъ затекаютъ ноги.

Не буду описывать нашъ обѣдъ; скажу лишь, что благодаря любезности и веселому радушію хозяина, онъ пріобрѣлъ совершенно семейный характеръ. Ничего офиціальнаго за столомъ не было. Въ особенности на краю стола или, вѣрнѣе сказать, скатерти, дальнѣйшемъ отъ генеральскихъ эполетъ, царствовала полная непринужденность. Въ матеріалахъ для разговора недостатка не было, въ аппетитѣ и подавно. Тостовъ, конечно, было безъ числа. Пили и за здоровье нашихъ генераловъ, и за здоровье начальниковъ штурмовыхъ колоннъ, и за здоровье всѣхъ офицеровъ вмѣстѣ и каждаго оружія порознь.

Изо стола встали, когда начало уже смеркаться, почему офицеры сѣвернаго отряда, которымъ предстоялъ довольно дальній путь, тотчасъ же взялись за шапки. Дѣйствительно, мешкать было нечего, потому что предстоящее путешествіе обѣщало намъ не мало различнаго рода затрудненій и неудобствъ. Проводника добыть было не у кого, а дорога на сѣверную сторону никому изъ насъ въ точности не была извѣстна, ибо до взятія города мы постоянно ѣздили изъ сѣвернаго въ южный отрядъ дальними объѣздами, внѣ выстрѣловъ крѣпости.

Слабое понятіе о расположеніи Ура-Тюбе, мы, конечно, могли получить изъ нашего сегодняшняго осмотра этого города, но знающіе Азію легко поймутъ, до какой степени трудно ориентироваться ночью среди безтолковыхъ улицъ и переулковъ азіятскихъ городовъ. А ночь собиралась быть чрезвычайно темною, ибо густыя облака начали подниматься на горизонтѣ и грозили заволочь въ самомъ непродолжительномъ времени все небо. Во время обѣда компанія желавшихъ ѣхать въ сѣверный отрядъ составилась довольно большая, но собрать всѣхъ послѣ стола не было почти никакой возможности, такъ что въ моментъ отъѣзда мы очутились втроемъ: я, К* и М*.

Мы поѣхали, и понятно, что при такихъ неблагопріятныхъ для путешествія условіяхъ, только что выѣхали изъ лагеря, сбились съ дороги. Долго не повѣряя другъ другу этой печальной истины, мы храбро продолжали подвигаться впередъ, руководясь исключительно тѣмъ соображеніемъ, что по выѣздѣ изъ лагеря должно брать поправѣе, чтобы попасть на ура-тюбинскую стѣну. Чтобы не заѣхать Богъ знаетъ куда, мы рѣшились, не уклоняясь отъ разъ принятаго направленія, ѣхать все прямо до тѣхъ поръ, пока не доберемся до городской стѣны въ какомъ бы то ни было ея пунктѣ и затѣмъ уже, не въѣзжая въ городъ, а повернувъ направо, ѣхать вдоль стѣны до обвала. Съ обвала, конечно, не трудно было попасть на батарею, находившуюся отъ него всего во 100 саженяхъ, дорога же отъ батареи до лагеря, исхоженная много разъ и днемъ, и ночью, была намъ такъ извѣстна, что найдти ее мы могли бы съ завязанными глазами.

Такъ и сдѣлали. Довольно удачно добрались мы до форштата, на-угадъ выбрали одну изъ его улицъ, которая и привела насъ на эспланаду, и затѣмъ поѣхали вдоль по стѣнѣ. Темнять была страшная. Въ темнотѣ я едва могъ различать бѣлую шею моей лошади. Стѣна едва замѣтно чернѣлась съ лѣвой стороны. Кони осторожно переступали по неровному пути, часто пересѣкавшемуся арыками и загроможденному развалинами разрушенныхъ сакель.

Надо замѣтить, что городъ въ настоящую минуту не былъ занятъ нашими войсками. Только три или четыре роты введены были въ среднюю цитадель, всѣ же остальныя части города стояли пустыми или, вѣрнѣе сказать, были уже заняты жителями, которые, пользуясь темнотой и отсутствіемъ солдатъ, осмѣлились выйдти изъ своихъ убѣжищъ взглянуть, какой переворотъ въ ихъ жизненной обстановкѣ произвели событія нынѣшняго года. Въ справедливости такого предположенія убѣждалъ насъ свѣтъ, виднѣвшійся намъ, тамъ и сямъ, въ городѣ, чрезъ многочисленныя, находившіяся въ ура-тюбинской стѣнѣ и въ настоящую минуту, по большей части, разломанныя ворота.

Мы обогнули уголъ стѣны, какъ намъ показалось, юго-восточный и поѣхали по восточному фронту. Подъ самою стѣной слышались крикъ дѣтей и чей-то сдержанный плачъ. Это были ура-тюбинскія женщины, которыя бѣжали въ горы на время осады и нынѣ возвратились назадъ чтобъ оплакивать паденіе Ура-Тюбе и смерть значительной части мужескаго населенія. Женщинъ собралось подъ стѣной, какъ кажется, не мало. За темнотой ночи мы, конечно, не могли ихъ видѣть, но крикъ дѣтей и рыданія долго слышались намъ, пока мы ѣхали вдоль по восточному фронту.

Сталъ накрапывать мелкій дождь, вслѣдствіе чего сдѣлалось еще темнѣе, а мы все ѣхали вдоль незнакомой стѣны, не видя обвала и не зная въ точности противъ какого мѣста стѣны мы находились, потому что, какъ оказалось, восточный фронтъ вовсе не шелъ по прямой линіи, какъ мы полагали, а изгибался и вправо, и влѣво нѣсколько разъ.

Подъѣхали къ какимъ-то воротамъ, появленіе которыхъ окончательно сбило насъ съ толку, ибо на восточномъ фронтѣ, сколько мы знали, воротъ вовсе и не было. Мы стали осматриваться. По чернѣющему съ правой стороны хребту горъ и по трупу коня, лежавшему въ воротахъ и замѣченному еще поутру, мы наконецъ догадались, что это ворота въ сѣверномъ фронтѣ, находившіяся между двумя цитаделями, и что слѣдовательно обвалъ мы за темнотой просмотрѣли: онъ остался далеко позади.

Хотя и пришлось вернуться назадъ, но по крайней мѣрѣ въ настоящее время мы могли оріентироваться на неизвѣстной стѣнѣ и навѣрное отыскать обвалъ, долженствовавшій находиться въ 50—70 саженяхъ отъ сѣверо-восточнаго угла, то-есть перваго, который должны мы были обогнуть на нашемъ обратномъ пути. Такъ и вышло. По обвалу мы скоро достигли и батареи, а на концѣ траншеи насъ уже встрѣтилъ пикетный казакъ, который и проводилъ насъ до лагеря.

Наши вещи, палатки, кровати и пр. находились еще въ караванъ-сараѣ, а потому ночь пришлось провести самымъ неудобнымъ образомъ. Хорошо еще, что одинъ изъ юнкеровъ батареи, ходившій въ цитадель немедленно за штурмовою колонной, нашелъ тамъ какую-то палатку, которая и принесена была на батарею. Палатка эта была какъ нельзя болѣе

кстати, ибо безъ нея пришлось бы провести всю ночь подъ открытымъ небомъ и холоднымъ осеннимъ дождемъ. Ее разбили, настлали въ ней ковровъ и затѣмъ въ ней расположились всѣ артиллерійскіе офицеры сѣвернаго отряда.

Я засталъ ихъ еще не спящими: они сидѣли около ужина, который имъ изготовилъ Нѣмецъ, оказавшійся во время похода малымъ дѣйствительно расторопнымъ, ибо онъ, не требуя ничьего содѣйствія, успѣвалъ, при самомъ быстромъ и неожиданномъ движеніи, всегда захватить съ собой и провизію, и кастрюли, и прочую кухонную принадлежность, и разсовать ее при этомъ такъ ловко, что для перевозки всей его довольно сложной принадлежности не требовалось лишнихъ повозокъ.

Окончивъ ужинъ, не раздѣваясь, легли спать, помѣстившись шесть человѣкъ въ одной палаткѣ. Лишнее, я думаю, и говорить, что полное отсутствіе комфорта стѣсняло насъ очень не много послѣ трудоваго дня. Несмотря на жесткость постели, несмотря на дождь, который, какъ кажется, не прерывался во всю ночь и попадалъ-таки въ нашу палатку, всѣ, конечно, проспали отлично, нисколько не смущаясь ни холодомъ, ни сыростью, ни жесткостью, ни прочими неудобствами. Весь слѣдующій день провели мы сидя и лежа на коврахъ въ своей единственной палаткѣ, напоминая собой медвѣдей въ берлогѣ. Выйдти изъ палатки не было никакой возможности. Снѣгъ и дождь не прерывались въ теченіе цѣлаго дня. Гористое положеніе Ура-Тюбе сильно сказывалось этими частыми перемѣнами погоды.

Къ намъ подтянулся нашъ обозъ изъ караванъ-сарая, но устраиваться на нашемъ бивуакѣ было совершенно лишнее, ибо на другой день рано поутру мы должны были идти на соединеніе съ главнымъ отрядомъ, на южную сторону Ура-Тюбе.

Дѣйствительно, 4-го октября мы соединились въ одинъ общій лагерь, гдѣ и оставались въ теченіе восьми дней въ совершенномъ бездѣйствіи и въ совершенной неизвѣстности насчетъ продолженія начатой кампаніи.

Такая временная пріостановка военныхъ дѣйствій и вообще движенія впередъ въ началѣ приходилась по вкусу большинства. Отдыхъ въ нѣсколько дней казался совершенно естественнымъ и даже необходимымъ послѣ усиленныхъ

трудовъ десятидневной осады. Къ тому же первые дни нашей стоянки общимъ лагеремъ подъ Ура-Тюбе прошли незамѣтно, отчасти вслѣдствіе того, что время занято было различными празднествами въ лагерѣ, частыми прогулками и поѣздками въ городъ и по его окрестностямъ. Упомяну о праздникѣ по случаю раздачи въ роты и батареи Георгіевскихъ крестовъ. Войска вышли въ строй, конечно, не въ очень праздничномъ видѣ. Мундировъ въ походъ здѣсь не берутъ, и потому люди были въ кителяхъ болѣе или менѣе сомнительной бѣлизны и любимыхъ солдатами желтыхъ, совершенно выгорѣвшихъ отъ солнца, кожаныхъ чамбарахъ. Парадировавшіе офицеры также, какъ ни старались согласиться въ формѣ одежды, не имѣли никакихъ средствъ достигнуть въ этомъ отношеніи однообразія. Поэтому въ строю можно было встрѣтить и бѣлые кителя, и черные сюртуки, и сѣрые плащи, и фуражки, и кепи, а одинъ изъ командовавшихъ взводами, мой другъ М., за неимѣніемъ чего-либо другаго, вышелъ въ строй въ купленныхъ имъ въ Ташкентѣ широчайшихъ шароварахъ ярко-краснаго цвѣта, расшитыхъ, весьма красиво и живописно, желтыми и синими цвѣтами. Начался парадъ. По мѣрѣ возможности выравняли взводы и повзводно пошли церемоніальнымъ маршемъ. Само собой разумѣется, что шагая по неровному плацу, которымъ служило нѣкогда вспаханное поле, кое-кто и сбился съ ноги, или, по техническому выраженію, *болталъ ногами*, но на эти мелочи никто особеннаго вниманія не обратилъ. Строй храбрыхъ туркестанскихъ солдатъ скрашивался виднѣвшимися тамъ и сямъ по рядамъ бѣлыми бинтами и перевязками. Но парадъ ознаменовался одною сценой, которую не могу пройдти молчаніемъ.

При раздачѣ Георгіевскихъ крестовъ въ роту Г*., чье приключеніе со сломанною лѣстницей разказано нами выше, изъ роты вышли унтеръ-офицеръ и двое рядовыхъ и просили у генерала Крыжановскаго позволенія держать рѣчь: „Дозвольте, ваше превосходительство, говорили молодцы, по„благодарить васъ за то, что дали намъ въ роту такого слав„наго и храбраго командира. Совсѣмъ отецъ намъ родной, „а въ трудахъ, походахъ и дѣлахъ лучше иного товарища. „Осмѣливаемся, ваше превосходительство, покорнѣйше про„сить васъ подарить въ роту одинъ солдатскій крестикъ, а

„мы всѣ поднесемъ его капитану, чтобы на всю жизнь его „высокоблагородію была память нашего къ нему уваженія.“

„Вижу, отвѣчалъ генералъ, что рота достойна своего ко„мандира, и капитанъ достоинъ командовать такою ротой. „Любите, ребята, и берегите своего капитана, такого другаго „поискать—не всегда найдешь. Солдатскій крестъ офицеру „дать нельзя, но вы заслужили командиру крестъ офицер„скій, къ которому я и представлю вашего командира. Будь„те увѣрены, что Государь Императоръ въ великой мило„сти Своей, если будетъ нами доволенъ, наградитъ вашего „капитана по достоинству.“

М. ЗИНОВЬЕВЪ.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ.

902-13
195

ТОМЪ СЕМЬДЕСЯТЪ ПЯТЫЙ.

I 15
1

1868

МАЙ. -6

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ТАЙНЫЯ СЕКТЫ. Гл. I—IV. П. И. Мельникова.
II. ОСАДА УРА-ТЮБЕ И ДЖИЗАГА. Воспоминанія объ осенней экспедиціи 1866 года въ Туркестанской области. X—XIII. М. А. Зиновьева.
III. ИДІОТЪ. Романъ. Часть вторая. Гл. III—V. Ѳ. М. Достоевскаго.
IV. ВОЛНЕНІЯ УНІАТОВЪ НА ПОДЛЯСЬѢ. Окончаніе. Е. Крыжановскаго.
V. РУССКАЯ ДИПЛОМАТІЯ ВЪ БОРЬБѢ ГРЕЦІИ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ. Е. М. Ѳеоктистова.
VI. КНЯЗЮ ДРУЦКОМУ-ЛЮБЕЦКОМУ. Стихотвореніе. А. Н. Майкова.
VII. РАЗЛИЧНЫЯ ФАЗЫ ВОСТОЧНАГО ВОПРОСА. 1866—1868. II—IV. Алека.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

МОЯ НЕВѢСТКА. Романъ. Переводъ съ англійскаго. Часть третья. Гл. I—IV.
ЛУННЫЙ КАМЕНЬ. Романъ. Соч. Вильки Коллинза. Переводъ съ англійскаго. Окончаніе перваго періода. Періодъ второй; разказъ 1-ый; гл. I—IV.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ,

издаваемый

М. Катковымъ.

ТОМЪ СЕМЬДЕСЯТЪ ПЯТЫЙ.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи (Катковъ и К°).
На Страстномъ бульварѣ.
1868.

Не простила Настасья Карповна государыню, говорятъ хлысты, и Анна Ивановна умерла чрезъ три дня послѣ казни „вѣрныхъ праведныхъ“. Хлысты и тутъ, какъ и въ большей части своихъ сказаній, путаются въ хронологіи. Императрица Анна Ивановна скончалась не чрезъ три дня, а чрезъ семь лѣтъ послѣ казни хлыстовъ.

П. МЕЛЬНИКОВЪ

(Продолженіе будетъ.)

ОСАДА УРА-ТЮБЕ И ДЖИЗАГА*

X.

Нашъ бивакъ подъ Ура-Тюбе имѣлъ видъ четвероугольника, стороны котораго, длиной около 150 саж., составлены были изъ батарей, пѣхотныхъ ротъ и казачьихъ сотенъ. Внутри этого четвероугольника расположены были палатки, юрты и кибитки нашихъ генераловъ и многочисленныхъ чиновъ штаба. Внутри же лагеря помѣщались артиллерійскій и инженерный парки съ своими арбами.

Вспомнивъ огромное число этихъ арбъ, вспомнивъ, что почти каждый изъ офицеровъ, желая устроить себя во время похода съ наибольшимъ по возможности удобствомъ, имѣлъ при себѣ порядочный обозъ, понятно станетъ, что внутренность четвероугольника, несмотря на его длинныя стороны, была далеко не пуста. Къ тому же лагерь нашъ, хотя и носилъ названіе бивака, почти весь былъ уставленъ палатками, кибитками и юртами.

При чрезвычайно частыхъ походахъ, особенно въ послѣднее время, офицеры выучились какъ собираться въ походъ. Почти всѣ, кромѣ развѣ самыхъ молодыхъ и, слѣдовательно, неопытныхъ, имѣли свои собственныя палатки, обзавестись которыми, впрочемъ, было, какъ, читатель въ послѣдствіи увидитъ, весьма легко, благодаря этимъ же частымъ кампаніямъ.

Эти палатки, юрты и кибитки раскиданы были притомъ не въ слишкомъ большомъ порядкѣ, по всей внутренности

* См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 3-й и 4.

четвероугольника, и своими веревками, которыя перекрещивались по всѣмъ возможнымъ направленіямъ, до такой степени затѣсняли внутреннее пространство лагеря, что путешествіе по лагерю было въ высшей степени затруднительно. Если прибавить къ этому еще безчисленное количество коновязныхъ канатовъ, протянутыхъ почти подлѣ каждой палатки, къ которымъ привязаны были кони, принадлежавшіе офицерамъ (численность этихъ коней, бывшая и при выступленіи весьма значительною, послѣ взятія Ура-Тюбе еще болѣе увеличилась, такъ какъ каждый почти изъ офицеровъ купилъ кто по одному, кто по два, а кто и болѣе), то читателю станетъ понятно, что ходить по лагерю пѣшему надлежало съ весьма большою осторожностью.

Въ послѣдствіи, когда начались темные осенніе вечера, всякое циркулированіе внутри бивака вечеромъ сдѣлалось положительно невозможнымъ. Непремѣнно, то наткнешься на лежащаго на землѣ верблюда, то васъ лягнетъ злой жеребецъ, то попадется подъ ноги веревка палатки, что̀ каждый разъ возбуждаетъ гнѣвное ворчаніе сидящаго внутри ея хозяина, опасающагося за цѣлость своего крова.

Общій видъ нашего лагеря, представлялъ, впрочемъ, чрезвычайно живописную картину, нисколько не напоминавшую картины европейскаго мирнаго лагеря, всегда поражающаго зрителя правильностью пробитыхъ по эккеру и усыпанныхъ пескомъ линеекъ и однообразною и въ то же время скучною симметричностью своего внутренняго расположенія. При этомъ надлежитъ еще прибавить, что въ довершеніе несходства нашего лагеря съ лагеремъ, напримѣръ хоть Ходынскаго поля, уратюбинскій бивакъ вовсе не напоминалъ собой стада лебедей бѣлизной своихъ палатокъ.

Бѣлыхъ, коммиссаріатскихъ палатокъ во всемъ биваке было не болѣе трехъ или четырехъ. Всѣ остальныя были цвѣтныя, краснаго, а преимущественно зеленаго цвѣта. Всѣ онѣ когда-то принадлежали бухарскимъ офицерамъ и попали въ руки настоящихъ обладателей судьбами войны. Палатки эти такъ и называются въ Туркестанской области эмирскими палатками.

Верхъ ихъ обыкновенно покрытъ толстою бумажною матеріей краснаго или зеленаго цвѣта. Внутри же онѣ подбиты ситцемъ самыхъ вычурныхъ и яркихъ азіятскихъ рисунковъ. Форма ихъ или круглая, или четырехъугольная.

Круглыя палатки состоятъ изъ коническаго верха: вершина конуса подпирается шестомъ, ставящимся внутри, а края натягиваются веревками на колышки, вбитые въ землю. Полы подвѣшиваются обыкновеннымъ способомъ, и низъ ихъ также прибивается къ землѣ колышками.

Въ четвероугольныхъ палаткахъ очень часто полы эти замѣнялись легкими деревянными рамами, обтянутыми тою же матеріей, что̀ и верхъ. Палатки эти вообще чрезвычайно удобны и легки: средней величины палатка вѣситъ гораздо менѣе пуда. Разборка и сборка ихъ дѣлается весьма быстро, въ какія-нибудь двѣ или три минуты.

Послѣ каждаго дѣла, въ руки нашихъ солдатъ попадало множество такихъ эмирскихъ палатокъ. Онѣ, конечно, поступали тотчасъ же въ продажу, а потому купить ихъ всегда можно было за безцѣнокъ. Но въ особенности значительное количество ихъ взято было нашими солдатами послѣ Ирджарскаго сраженія, въ которомъ мы овладѣли двумя лагерями Бухарцевъ. Палатокъ было такое множество, что по снабженіи таковыми всѣхъ, кто только имѣлъ въ нихъ малѣйшую надобность, оставалось еще значительное количество не проданныхъ. Солдатики наши распорядились отлично. Они порвали эти палатки и употребили ихъ какъ на постройку новаго бѣлья, такъ и на ремонтъ стараго, пришедшаго въ крайнюю негодность отъ постоянныхъ походовъ и работъ, а главное отъ неаккуратнаго снабженія войскъ вещами коммиссаріатскаго довольствія.

Вслѣдствіе этого, командиры и инспекторы при инспекторскихъ смотрахъ, въ теченіи довольно долгаго времени послѣ Ирджарскаго сраженія, имѣли очень часто удовольствіе видѣть на инспектируемыхъ ими людяхъ одну половину рубашки, напримѣръ, красную, а другую синюю или зеленую, причемъ на цвѣтномъ фонѣ нарисована была какая-нибудь птица, звѣрь, цвѣтокъ и тому подобное, что̀, конечно, не могло пріятно дѣйствовать на глазъ начальника, привыкшій искать полнаго однообразія во всѣхъ подробностяхъ костюма инспектируемыхъ ими людей.

Эта пестрая картина разноцвѣтныхъ палатокъ, сѣрыхъ юртъ и пр. постоянно оживлена была группами солдатъ, сновавшихъ взадъ и впередъ въ бѣлыхъ и цвѣтныхъ рубашкахъ, а иногда и во вновь пріобрѣтенныхъ яркихъ бухарскихъ халатахъ, или же лежавшихъ на землѣ, подлѣ

ружейныхъ пирамидъ, причемъ кровомъ имъ служилъ, по большей части, голубой небесный сводъ, и только изрѣдка своего собственнаго изобрѣтенія палатка на манеръ французской tente abris, сложенная изъ древесныхъ вѣтвей, столь, впрочемъ, миніатюрныхъ размѣровъ, что едва въ состояніи закрыть отъ солнца голову лежащаго. Среди лагеря далеко виднѣются и пестрятъ пейзажъ, яркія красныя рубашки офицеровъ, мелькаютъ живописные костюмы джигитовъ, синіе халаты и бѣлыя или цвѣтныя, всегда замасленныя, чалмы аробщиковъ-Сартовъ. На коновязяхъ, искрещивающихъ лагерь по всѣмъ возможнымъ направленіямъ, стоитъ безчисленное множество разномастныхъ коней. Тутъ же рядами, неподвижно, точно мѣшки съ пшеницей, лежатъ лѣнивые, безобразные верблюды — неопредѣленной, какъ будто выгорѣвшей отъ солнца масти, и медленно отжевываютъ свою жвачку. Между ними стоитъ на ногахъ одинъ огромный и косматый киргизскій верблюдъ. Его колоссальный силуэтъ высится на ярко-освѣщенномъ небѣ. Верблюдъ стоитъ неподвижно, словно какой-нибудь монументъ, и только изрѣдка лѣниво поворачиваетъ голову, чтобы посмотрѣть своими кроткими глазами на проходящаго мимо солдата или Сарта. Возлѣ лагеря пасется порціонный скотъ.

Все это тѣсно скучено, въ какомъ-то хаотическомъ безпорядкѣ: вездѣ шумъ, говоръ, крики разнообразныхъ животныхъ собраній. Тамъ слышенъ ревъ злыхъ жеребцовъ, тамъ жалобный писк верблюдовъ, тамъ оглушительный крикъ осла. Лагерь напоминаетъ собой какъ бы таборъ,— да простятъ мнѣ это почитаемое въ военномъ мірѣ обиднымъ сравненіе.

Части на нашемъ бивакѣ располагались по правиламъ устава о лагерной службѣ; позади каждой части находился ея обозъ. Обозъ этотъ, какъ одинъ изъ самыхъ видныхъ, замѣтныхъ элементовъ нашего отряда, заслуживаетъ, чтобъ о немъ сказать нѣсколько словъ.

Собственно ротный обозъ, то-есть обозъ находящійся при ротахъ и батареяхъ, а не въ общемъ вагенбургѣ, состоялъ преимущественно изъ аробъ, поставленныхъ предъ выступленіемъ, по приказанію мѣстнаго начальства, городами Ташкентомъ и Ходжентомъ.

Значительное число этихъ аробъ находилось также въ общемъ вагенбургѣ. Легко себѣ представить, съ какими затрудненіями сопряжено было взиманіе этой натуральной повинности съ непривычныхъ къ ней средне-азіятскихъ городовъ. Какъ кажется, при законтрактованіи аробъ не обошлось безъ обмана, по крайней мѣрѣ Сарты, взятые изъ Ташкента въ первый дивизіонъ нашей батареи, были въ полной увѣренности, что ихъ берутъ только до Ходжента. Надо прибавить, что даже и туда они отправлялись не весьма охотно. По крайней мѣрѣ на походѣ отъ Ташкента въ Ходжентъ побѣги изъ отряда сдѣлались такъ часты, что командиры, чтобы не остаться безъ перевозочныхъ средствъ, принуждены были на ночь каждый разъ назначать особый караулъ къ обозу и даже прибѣгать къ старинному, испытанному средству, употреблявшемуся, какъ гласитъ преданіе, во время оно въ провинціальныхъ присутственныхъ мѣстахъ относительно заарестованныхъ чиновниковъ, то-есть на ночь снимать съ нихъ сапоги.

Но даже при этихъ средствахъ, побѣги стали чрезвычайно часты, въ особенности съ прибытіемъ частей въ Ходжентъ, когда мало-по-малу въ глазахъ аробщиковъ выяснилась горькая дѣйствительность, и они догадались, что имъ придется вмѣстѣ съ нашими войсками участвовать въ завоевательномъ походѣ противъ Бухарцевъ, и когда съ прибытіемъ отряда въ городъ, побѣги, вслѣдствіе населенности страны, значительно облегчились.

Я видѣлъ собственными глазами, какъ въ Ходжентѣ, при переправѣ отряда черезъ Сыръ-Дарью, нѣсколько аробщиковъ съ лошадьми и арбами кинулись въ рѣку, и въ виду всего отряда, благополучнѣйшимъ манеромъ вплавь достигли другаго берега, чѣмъ и спаслись отъ всякаго преслѣдованія, ибо, за неимѣніемъ земской полиціи, преслѣдовать ихъ было, конечно, затруднительно.

Только съ того времени какъ мы подошли къ Ура-Тюбе, побѣги прекратились, такъ какъ, со вступленіемъ на непріятельскую территорію, бѣглецы рисковали въ степи попасть въ руки бухарскихъ шаекъ, бродившихъ около города. Аробщики разочли, что выгоднѣе оставаться въ русскомъ отрядѣ нежели быть захваченными Бухарцами, которые, безъ сомнѣнія, расправились бы съ ними весьма коротко. Къ тому же, какъ кажется, они отчасти поняли и выгоды своего положенія. Имъ платили въ день по 40 коп. на каждую арбу, а содержаніе лошадей, да и свое собственное

не стоило имъ почти ничего, потому что во время экспедиціи нечего и не у кого было покупать. Продовольствіе лошадей всего отряда производилось фуражировками, въ которыхъ наши аробщики постоянно принимали весьма дѣятельное и, по своему знанію страны, полезное участіе, а для собственнаго продовольствія они получали солдатскую дачу сухарей отъ отряда.

До начала похода меня чрезвычайно удивляло, почему въ Средней Азіи, въ классической странѣ верблюдовъ, обозъ употребляется не верблюжій, а конскій. Въ особенности верблюды казались мнѣ полезными въ дальнихъ военныхъ походахъ, предпринимаемыхъ нашими отрядами въ глубь непріятельской страны, страны намъ совершенно неизвѣстной и представляющей весьма большія, а иногда даже и непреодолимыя затрудненія для продовольствія многочисленныхъ находящихся въ отрядѣ коней. Подножнаго корма для лошадей въ Средней Азіи нѣтъ, все выжжено солнцемъ. Только верблюдъ, питающійся колючкой-травой или, лучше сказать, деревцомъ, пренебрегаемымъ всѣми остальными травоядными животными, находитъ въ этихъ степяхъ обильный и притомъ, какъ говорятъ, любимый имъ кормъ. Наконецъ, при движеніи по дорогамъ, къ устройству которыхъ ничьихъ рукъ и стараній приложено не было, вьючное животное представляетъ значительное преимущество надъ какою бы то ни было повозкой, даже самою подвижною.

А между тѣмъ въ войскахъ здѣсь постоянно обходятъ верблюдовъ. При выступленіи изъ Ташкента, всѣ усилія командировъ частей направлены были на то, чтобы какъ-нибудь отдѣлаться отъ верблюдовъ и сформировать свой ротный обозъ исключительно изъ арбъ.

Общія жалобы на верблюдовъ заключались въ томъ, что животныя эти лѣнивы, упрямы и апатичны въ высшей степени. Случается, что если верблюдъ ляжетъ, то поднять его нѣтъ возможности никакими средствами. На всѣ дерганія за палочку, продѣтую въ ноздри, на удары палкой онъ отвѣчаетъ лишь жалобнымъ пискомъ, высотою своего тона соотвѣтствующимъ скорѣе птичьему горлу чѣмъ громадному корпусу этого сильнаго животнаго. Къ тому же вьючка верблюдовъ требуетъ большаго искусства и сноровки, иначе верблюдъ легко развьючивается. Поправить же вьюкъ невозможно, не положивъ верблюда на землю, а если

послѣ того у него явится фантазія полежать, то вожатому или лаучу, какъ ихъ здѣсь называютъ, придется повозиться довольно долго, пока ему удастся поднять верблюда на ноги. Заставить же верблюда прибавить шагу, что̀ называется разгорячить его, дѣло въ большей части случаевъ рѣшительно невозможное. Несмотря на всѣ понуканія, верблюдъ идетъ въ высшей степени ровною, медленною, лѣнивою, но широкою походкой, раскачивая въ тактъ походки своею птичьею шеей. Къ довершенію неудобствъ при обращеніи съ верблюдами надлежитъ еще прибавить, что спина верблюда чрезвычайно нѣжна и при неискусной вьючкѣ легко натирается. Сноровка и искусство при навьючиваніи въ особенности важны въ томъ отношеніи, чтобы при продолжительномъ походѣ сохранить спину верблюда. Такимъ образомъ, для того чтобъ организовать при войскахъ хорошій верблюжій обозъ, необходимо предварительно сформировать и подготовить особую команду знающихъ свое дѣло вожатыхъ или лаучей.

Предпочтеніе отдаваемое командирами частей арбамъ предъ верблюдами основано также на томъ, что арбы суть повозки, вполнѣ приноровленныя къ потребностямъ и условіямъ здѣшняго края. Конструкція арбъ самая простая. Это двѣ грядки, распертыя двумя подушками, причемъ длинные концы грядокъ исправляютъ должность оглобель. Подъ грядки врѣзана деревянная ось, на которую надѣваются два болѣе или менѣе круглыя колеса, вышиной отъ 6½ до 7 футовъ. Колеса эти не имѣютъ ни шинъ, ни какой-либо другой оковки и съ виду кажутся до того жидкими, что такъ, бывало, и ждешь, что вотъ-вотъ они разлѣтятся въ дребезги. А несмотря на это, арбы, неся тяжесть въ 20, а иногда и болѣе пудовъ, дѣлаютъ какъ ни въ чемъ не бывало по 300 и по 400 верстъ. При каждой арбѣ всегда находятся нѣсколько запасныхъ деревянныхъ частей: спицъ, косяковъ и пр., которыя, не имѣя оковокъ, очень легки, а между тѣмъ мнѣ часто случалось видѣть, какъ аробщикъ, подвязавъ веревками, свитыми изъ верблюжьей шерсти или, какъ ихъ называютъ здѣсь, арканами, косякъ или спицу, въ нѣсколько минутъ исправлялъ совершенно разрушенную арбу, повидимому, не дававшую никакихъ надеждъ на исцѣленіе. Глядишь, арба, связанная арканами, опять идетъ верстъ 200 или 300.

Конструкція этихъ повозокъ совершенно подходитъ и къ

темпераменту сартовскихъ коней. Лошади эти, почти исключительно жеребцы, чрезвычайно горячи. Съ мѣста они рвутъ сильно, но тянуть не любятъ. Легкая на ходу, по причинѣ своихъ высокихъ колесъ, арба скоро уступаетъ натиску горячей лошади, а придя въ движеніе, катится сама и толкаетъ впередъ непріемистаго коня. Хотя дороги въ Средней Азіи, какъ мнѣ часто случалось упоминать, по большей части и хороши, но онѣ отъ времени до времени пересѣкаются арыками и канавами, составляющими довольно серіозное препятствіе для нашихъ четырехъ-колесныхъ повозокъ, между тѣмъ какъ для арбы такія канавы не имѣютъ никакого значенія. Съ своими высокими колесами арба какъ бы перескакиваетъ чрезъ арыкъ. У аробъ одинъ недостатокъ: это, что онѣ плохо поднимаются въ гору; но за то въ этихъ случаяхъ и аробщикъ уже старается. Сидя верхомъ на конѣ и опираясь ногами изо всѣхъ силъ на оглобли, онъ колотитъ нагайкой своего жеребца и самыми дикими завываніями понуждаетъ его къ движенію впередъ. Оригинальна также упряжь сартовскихъ коней. Вмѣсто оголовка, они употребляютъ особую кольцеобразную подушку, набитую шерстью, которая надѣвается на шею лошади. Съ боковъ подушки пришиты ремешки, къ которымъ при запряжкѣ привязываются оглобли.

Между тѣмъ Ура-Тюбе сталъ понемногу приходить въ порядокъ. Дня черезъ два послѣ штурма, жители вернулись въ городъ и поселились въ своихъ прежнихъ жилищахъ. Много, впрочемъ, домовъ оставалось пустыми. Многихъ изъ своихъ прежнихъ гражданъ городъ, конечно, не досчитался.

По возвращеніи жителей, наше начальство сочло первымъ дѣломъ принять самыя энергическія мѣры къ погребенію большаго числа труповъ, валявшихся въ городѣ и его окрестностяхъ, — трудъ, бывшій не подъ силу нашимъ войскамъ и который пришлось такимъ образомъ возложить на Сартовъ.

Вслѣдствіе этого, при поѣздкахъ по городу, можно было постоянно видѣть довольно непріятное зрѣлище, какъ Сарты, взваливъ на арбу по десятку своихъ убитыхъ соотечественниковъ, везли ихъ къ большимъ, вырытымъ подъ городомъ, ямамъ, куда и сбрасывали трупы по нѣсколько разомъ и затѣмъ зарывали.

А между тѣмъ понемногу начала проявляться нормальная, будничная городская жизнь въ Ура-Тюбе. Открылись

кое-какія лавки, началась мелкая торговля. Но что особенно замѣчательно, что, кажется, только и можетъ быть въ Средней Азіи, рѣшительно никакого непріязненнаго чувства не видать было со стороны только что возвратившихся жителей къ Русскимъ. Толкаясь на улицахъ и по базарамъ, Сарты встрѣчались съ нашими солдатами самымъ дружелюбнымъ образомъ, точно какъ будто вѣкъ съ ними жили. Они хлопали другъ друга по рукамъ, трепали дружески по животу и обмѣнивались названіемъ: „тамыръ“—слово, обозначающее пріятель, знакомый. Къ чести нашихъ солдатъ надлежитъ прибавить, что со времени возвращенія жителей въ городъ, случаи грабежа и вообще нанесенія обидъ туземцамъ были чрезвычайно рѣдки.

Такое замѣчательно быстрое установленіе пріязненныхъ отношеній между Сартами и Русскими поражало меня еще въ Ташкентѣ, Ходжентѣ, городахъ столь недавно взятыхъ, изъ которыхъ первый всегда пользовался извѣстною самостоятельностью, вслѣдствіе чего его жителямъ, казалось бы, трудно было свыкнуться съ мыслью о покореніи роднаго города чужеземцами. И тамъ, встрѣчаясь съ русскими офицерами, ташкентскіе жители или, по-военному: *дѣлали подъ козырекъ*, что, скажемъ между прочимъ, чрезвычайно мало шло къ ихъ халату и чалмѣ, или же привѣтствовали словами, *аманъ-тура*, протягивая руки и заворачивая при этомъ, на манеръ нашихъ лабазниковъ, лѣвою рукою рукавъ правой, протягиваемой руки. Въ самыхъ отдаленныхъ закоулкахъ обширнаго Ташкента городскіе мальчишки привѣтливо обступали насъ и также повторяли *аманъ-тура*, или же просили милостыню, *христа ради*. Слово это маленькіе мусульмане, въ которыхъ замѣтны большіе задатки свойственнаго Сартамъ корыстолюбія, уже успѣли выучить.

Изъ наиболѣе замѣчательныхъ, по крайней мѣрѣ для военныхъ читателей, предметовъ, видѣнныхъ мною при поѣздкахъ въ Ура-Тюбе, упомяну о пороховомъ заводѣ и оружейной мастерской, куда, послѣ взятія крѣпости, снесены и свезены были всѣ артиллерійскія орудія и вообще всѣ трофеи, найденные въ городѣ. Между трофеями было четыре бунчука съ конскими хвостами и около тридцати орудій самыхъ разнообразныхъ величинъ и калибровъ. Наибольшій калибръ равнялся почти нашему 12-ти-фунтовому. Орудія большихъ калибровъ отлиты были изъ чугуна и притомъ весьма скверно,

съ такимъ множествомъ раковинъ, что у нѣкоторыхъ конецъ дула вовсе не вышелъ. Орудія же малаго калибра, между которыми было нѣсколько фальконетовъ въ родѣ увезеннаго П*, какъ было разсказано въ предыдущей статьѣ, вмѣстѣ съ лафетомъ на сѣдлѣ, имѣли по большей части желѣзные стволы. Тутъ же лежало довольно большое орудіе съ конструкціей мортиры, приблизительно двухъ-пудоваго калибра. Не понимаю, какимъ образомъ сюда затесалась мортира, ибо Бухарцы не употребляютъ ни навѣснаго огня, ни разрывныхъ снарядовъ.

Пороховой заводъ и оружейная мастерская помѣщались въ разныхъ комнатахъ одной и той же сакли, по наружности своей нисколько не отличавшейся отъ обыкновенныхъ городскихъ саклей. Механизмъ для приготовленія пороха состоялъ изъ восьми или десяти толчей самаго простаго устройства, приводимыхъ въ движеніе валомъ съ кулаками. Валъ этотъ не имѣлъ гидравлическаго колеса, какъ ташкентскія мельницы, а вращался руками. По угламъ сакли, когда мы осматривали заводъ, въ кучахъ лежали селитра, уголь и сѣра, а также свѣже-приготовленный порохъ, довольно хорошо перемѣшанный, но конечно не зерненый а въ видѣ мякоти. Тутъ лежало и нѣсколько нашихъ подобранныхъ снарядовъ и въ томъ числѣ полупудовыя гранаты, которыя Сарты уже успѣли разрядить. Въ саклѣ, находившейся въ недальнемъ отъ пороховой камеры разстояніи, видна была разрушенная печь, вѣроятно, чугуноплавильная. Въ оружейной мастерской замѣтны были лишь инструменты и приспособленія для производства деревянныхъ работъ. На полу ея валялись ружейные стволы и нѣсколько вчернѣ отдѣланныхъ прикладовъ.

XI.

Начиная съ 7-го октября планы нашего начальства относительно продолженія экспедиціи стали нѣсколько выясняться. По слухамъ, верстахъ въ пятидесяти или шестидесяти отъ Ура-Тюбе, по Джизагской дорогѣ, находилась небольшая крѣпость Зааминъ, существованія которой до настоящаго времени въ отрядѣ нашемъ никто, кажется, и не подозрѣвалъ, хотя на иностранныхъ картахъ Средней Азіи этотъ городъ, какъ я узналъ въ послѣдствіи, и обозначенъ. Въ

здѣшней странѣ это нерѣдкое явленіе. Не могу сказать навѣрное, бывало ли нѣчто подобное до сихъ поръ, но легко могу себѣ представить возможность случая, что сначала отрядъ возьметъ городъ, и потомъ лишь узнаетъ какъ его зовутъ. Въ крѣпости этой, какъ говорили уратюбинскіе жители, уже принявшіе присягу и ставшіе такимъ образомъ русскими подданными, нашелъ себѣ убѣжище уратюбинскій бекъ. 6-го октября, сколько я помню, отправленъ былъ въ Зааминъ, подъ начальствомъ полковника гр. В*, легкій передовой отрядъ, состоявшій преимущественно изъ казаковъ и конной артиллеріи, которому поручено было обрекогносцировать, а если представится случай, то и занять эту крѣпость. Такое движеніе авангарда удостовѣряло насъ, что вслѣдъ за авангардомъ долженъ въ скоромъ времени двинуться и главный отрядъ, и что именно Джизагъ назначается цѣлью для дѣйствій противъ Бухарцевъ. Графъ В*. прислалъ извѣстіе, что Зааминъ оставленъ Бухарцами, которые вывезли оттуда все артиллерійское вооруженіе. Всѣ сомнѣнія такимъ образомъ разрѣшались. Дѣйствительно, на другой же день появился приказъ о выступленіи изъ лагеря 9-го октября и о движеніи къ Зааминy. Въ Ура-Тюбе оставлены гарнизономъ лишь три роты и два орудія нашей батареи и при нихъ два полные комплекта зарядовъ, что, скажемъ между прочимъ, въ значительной степени ослабило нашу батарею, комплектъ которой былъ довольно замѣтно истощенъ уратюбинскою осадой.

Еще было совершенно темно, когда началась суматоха въ лагерѣ, и отрядъ сталъ сниматься съ позиціи. Не мало, по обыкновенію, прошло времени, пока вытянулся на дорогу длинный хвостъ нашей походной колонны. Не мало, какъ водится, происходило споровъ между командирами частей и офицерами, распоряжавшимися движеніемъ отряда. Каждому командиру естественно хотѣлось имѣть свой ротный обозъ поближе къ части, съ тѣмъ чтобы не разыскивать его по всему отряду по приходѣ на ночлегъ. Эгоистическое стремленіе это возбуждало сильное противодѣйствіе въ начальникахъ дирижировавшихъ движеніемъ, которые старались вести обозъ позади частей, въ общемъ вагенбургѣ, противодѣйствіе, надо сказать, весьма основательное, такъ какъ тяжело нагруженныя арбы часто ломаются, а единственная лошадь, запряжен-

ная въ арбу, иногда останавливается, что̀ при движеніи по узкой дорогѣ задерживаетъ отрядъ.

Какъ оказалось, лагерь нашъ находился въ довольно дальнемъ разстояніи отъ Джизагской дороги. Верстъ восемь или десять пришлось пройдти по дорогѣ проселочной, по горамъ и грязи, которыхъ особенно не любятъ наши тяжело нагруженныя арбы. Обозъ останавливался ежеминутно. Въ началѣ похода подобныя происшествія еще обращали на себя вниманіе командировъ частей, но потомъ, вслѣдствіе привычки, къ нимъ стали относиться несравненно хладнокровнѣе. Пройдетъ бывало по колоннѣ говоръ, что сломалась арба съ сухарями, положимъ, такой-то батареи. Командиръ и ухомъ не ведетъ. Не скакать же въ самомъ дѣлѣ въ хвостъ длинной колонны. Разчитываешь весьма основательно, что не можетъ же арба отстать отъ отряда и такимъ образомъ остаться одна посреди непріятельской страны и непріязненнаго населенія. Затѣмъ возлагается все упованіе на волосяные арканы арбщика и на находчивость и расторопность фурштата, провожающаго арбу, и дѣйствительно, по приходѣ на ночлегъ, всегда удостовѣришься, что несмотря на усталость и слабость впряженной лошади, несмотря на ненадежность арбы, повозка достигла ночлега благополучнѣйшимъ образомъ.

Окрестности Ура-Тюбе верстъ на десять кругомъ населены весьма густо, конечно, сравнительно. Вездѣ видишь деревни и обработанныя поля. Обиліе воды изумительное. Работы по орошенію полей, обыкновенно почитаемыя весьма тяжелыми, здѣсь не представляютъ почти никакихъ затрудненій, и въ этомъ именно обстоятельствѣ и кроется причина благосостоянія страны. Здѣсь арыковъ такъ много, и уровень воды въ нихъ такъ высокъ, что достаточно устроить самую легкую плотину на арыкѣ — просто поставить ногу поперекъ струи, и вода польется на пашню. Надобно при этомъ прибавить, что значительная часть этихъ арыковъ не выкопана человѣческими руками, а устроена самою природой. Здѣшніе арыки не что̀ иное, какъ безчисленное множество мелкихъ горныхъ рѣчекъ, образующихся отъ таянія снѣга въ горныхъ хребтахъ. Самой легкой и простой работы достаточно, чтобы направить арыкъ по произволу на то или другое поле. Чѣмъ жарче лѣто, тѣмъ многоводнѣе арыки, такъ какъ въ жаркую погоду сильнѣе таетъ въ

горахъ снѣгъ: замѣчательно благодатное стеченіе обстоятельствъ, доставляющее здѣшнимъ жителямъ предъ обитателями другихъ провинцій огромное преимущество относительно простоты земледѣльческихъ работъ. Солнце и вода,— эти два могучіе работника,—здѣсь какъ бы соперничаютъ между собой, стараясь переспорить—кто изъ нихъ окажетъ большее благодѣяніе земледѣльцу.

Къ несчастію, одинъ изъ этихъ работниковъ, именно вода, такъ любезно благодѣтельствующая земледѣльцу, оказался вовсе неблагосклоннымъ относительно насъ. Поставленныя въ необходимость переѣзжать черезъ арыки, снабженные по дорогамъ, и то не вездѣ, мостиками, ни по размѣрамъ, ни по прочности не соотвѣтствующими широкому и тяжелому ходу батарейныхъ лафетовъ, переднія батареи обваливали высокіе искусственные берега арыковъ, причемъ всегда производилось совершенно не кстати столь сильное орошеніе дороги, что заднія орудія положительно вязли въ плодородной почвѣ Уратюбинскаго округа.

Какъ я выше упоминалъ, въ окрестностяхъ Ура-Тюбе довольно много кишлаковъ и деревень. На этотъ разъ деревни не имѣли того пустыннаго вида, въ какомъ находили мы селенія при движеніи на Ура-Тюбе. Спрятавшіеся было въ горы жители, убѣдившись въ безопасности, вернулись по домамъ и при проходѣ войскъ высыпали на улицу, одѣтые, какъ водится, въ свои характеристическіе сѣросиніе бумажные халаты, старики съ бѣлыми на головахъ чалмами, а молодые въ цвѣтныхъ тюбетейкахъ.

Сарты угрюмо, какъ мнѣ показалось, посматривали на Урусовъ, вполнѣ сохраняя, впрочемъ, свойственный мусульманамъ видъ важности или просто апатіи, различить это я никогда не могъ.

Около дороги стали встрѣчаться довольно часто Сарты, занятые полевыми работами. Я посмотрѣлъ ихъ плуги. Конструкція въ высшей степени простая: это не что̀ иное какъ деревянный чурбанъ, снизу котораго придѣлана толстая желѣзка. Въ чурбанъ этотъ впрягается пара малорослыхъ воловъ.

Попадавшіеся на пути караванъ-сараи также не были пусты. Тамъ иногда ждали насъ Сарты съ запасами фуража, который и продавали командирамъ частей. При этомъ уже роли помѣнялись. Побѣдители платили дань побѣжденнымъ.

Пользуясь громадностью запроса на фуражъ въ нашемъ многоконномъ отрядѣ, покоренные Сарты заламывали неслыханныя цѣны, которыя, дѣлать нечего, приходилось имъ платить. Косогоры и овраги проселочной дороги, замедляя движеніе отряда и требуя иногда саперъ для своего исправленія, начинали намъ надоѣдать, несмотря на свою живописность, и не безъ сожалѣнія вспоминали мы о безпредѣльной степи, по которой идти такъ удобно и спокойно. Степь, впрочемъ, не заставила себя долго ждать. Мы отошли всего верстъ десять отъ Ура-Тюбе и опять увидали знакомую картину безконечной равнины, съ тѣмъ же снѣжнымъ хребтомъ по лѣвую сторону, какой провожалъ насъ отъ крѣпости Нау.

Опять потянулась длинная вереница людей, лошадей, орудій, арбъ и верблюдовъ. Однообразіе окружающей мѣстности изрѣдка лишь нарушалось попадавшимися на дорогѣ караванъ-сараями, да эмирскими ставками. Эмирскою ставкой называется небольшое, квадратное основаніе, совершенно выровненное и сложенное изъ сырцоваго кирпича. Стороны этого квадрата длиной около 15 аршинъ, а вышиной около 1½ аршина. На двухъ противоположныхъ сторонахъ сдѣланы небольшія глиняныя же лѣстницы. Это слѣды путешествія бухарскихъ эмировъ по своимъ владѣніямъ. На этомъ основаніи обыкновенно разбивалась ихъ палатка.

Отъ Ура-Тюбе до Джизага считается всего слишкомъ сто верстъ. Цифра эта, впрочемъ, опредѣлена лишь приблизительно, во время самаго движенія отряда. Надо замѣтить, что изо всѣхъ переходовъ, сдѣланныхъ нами за все время экспедиціи, положительно можно назвать лучшими тѣ, которые пройдены были между Ура-Тюбе и Джизагомъ. Джизагская дорога — натуральное шоссе: широкое и твердое, которое тянется въ недальнемъ разстояніи отъ снѣговаго хребта. Особенно выгодную сторону этихъ переходовъ составляло обиліе воды, встрѣчавшейся по пути, вслѣдствіе чего можно было не стѣсняться при выборѣ ночлегомъ. Идешь иногда по совершенно ровной и выжженной солнцемъ степи, физіономія которой сохраняетъ вполнѣ свой южный характеръ, несмотря на довольно холодную погоду (по ночамъ морозило до такой степени, что хоть бы въ Россіи), вдругъ видишь подъ ногами струйку чистой и свѣтлой воды, видишь какъ далеко извилистою лентой течетъ эта струйка, окаймленная по берегамъ зеленою травой. Тотъ, кто

бывалъ въ степныхъ походахъ, кто дѣлалъ тамъ огромные переходы, не встрѣчая по дорогѣ ни капли воды, тотъ только въ состояніи понять удовольствіе, которое можетъ доставить встрѣча подобной струйки посреди безжизненной, выровненной точно по ватерпасу степи.

Ночлеги наши назначены были въ слѣдующихъ пунктахъ: первый—деревня Саватъ, второй—крѣпость Зааминъ, третій—селеніе Арабатъ, четвертый—Джизагъ. Что̀ касается до перваго и третьяго ночлега, то я не могу много сказать о двухъ этихъ селеніяхъ. Въ Саватъ и Арабатъ, несмотря на раннее выступленіе, мы пришли часовъ въ пять, то-есть когда уже стало темнѣть, и послѣ одиннадцати-часоваго похода было вовсе не до осмотра оставленныхъ деревень, представляющихъ вообще не очень много интереснаго.

Къ стыду моему, долженъ сознаться, что утомленіе похода и та апатичность, которою невольно заражаешься во время длиннаго и однообразнаго путешествія, помѣшали мнѣ осмотрѣть Зааминъ. Городъ этотъ не былъ оставленъ жителями, и навстрѣчу отряда изъ Заамина вышла депутація городскихъ аксакаловъ съ заявленіями покорности.

Не входя во внутренность Заамина, я только и могъ замѣтить, что это крѣпость небольшая, но довольно сильная. Высокая стѣна и глубокій ровъ окружаютъ ее со всѣхъ сторонъ. Но офицеры передоваго отряда, уже нѣсколько дней находившіеся въ Заминѣ, успѣли собрать у жителей кое-какія свѣдѣнія относительно этой крѣпости и ея окрестностей. Не ручаюсь за ихъ справедливость, но не могу не привести ихъ, до такой степени свѣдѣнія эти интересны. Такъ, разказывали, что за первымъ рядомъ горъ есть дремучій и безконечный лѣсъ, изобилующій, какъ увѣряютъ жители, дикими звѣрями, какъ то: тиграми, леопардами, дикими лошадьми, каменными баранами и пр. Говорили также, что за хребтомъ и вдоль его тянется возвышенная плоскость, почти всегда покрытая глубокимъ снѣгомъ, но между тѣмъ заселенная какимъ-то воинственнымъ и независимымъ племенемъ, не признающимъ ничьей власти. Народъ этотъ будто бы выстроилъ для защиты своей сильную крѣпость, живетъ не платя никому дани, и лѣтомъ является въ Ура-Тюбе для закупки хлѣба и одежды на цѣлый годъ. Тѣмъ и ограничиваются его сношенія съ внѣшнимъ міромъ. На сколько всему

этому можно вѣрить, будемъ ждать разъясненій отъ нашихъ туркестанскихъ ученыхъ и изслѣдователей.

Въ Зааминѣ намъ приказано было, въ видахъ облегченія отряда, на случай встрѣчи Бухарцевъ въ полевомъ сраженіи, оставить артиллерійскій и инженерный паркъ и всѣ лишнія тяжести, какъ-то: арбы съ кошмами, офицерскія повозки и пр. Число арбъ, которое разрѣшалось взять съ батареями, было крайне ограничено. Подобное распоряженіе было совершенно не по вкусу командировъ частей.

Въ особенности роты и батареи, составлявшія сѣверный отрядъ при осадѣ Ура-Тюбе, хорошо помнили нѣсколько непріятныхъ ночей, проведенныхъ на бивакѣ предъ восточнымъ фронтомъ, и изъ боязни простудить и поморозить людей, не рѣшались въ настоящее время двинуться такъ же какъ и тогда, налегкѣ. Вслѣдствіе этого, при выступленіи изъ Зааминa употреблялись всевозможныя ухищренія, чтобъ обмануть бдительное вниманіе полковника М., завѣдывавшаго движеніемъ отряда, и пропустить вмѣстѣ съ своею частью нѣсколько запрещенныхъ сверхкомплектныхъ арбъ. Нѣкоторыя изъ этихъ попытокъ увѣнчались блестящимъ успѣхомъ, и не одна арба, пользуясь суматохой, проскользнула такимъ образомъ незамѣтно и пристроилась позади своей части. Въ Зааминѣ оставлена была при паркахъ одна рота и одно орудіе нашей батареи. Парки артиллерійскій и инженерный должны были присоединиться къ отряду по особому приказанію, которое предполагалось послать изъ Джизага.

11-го числа выступилъ изъ Зааминa нашъ отрядъ, значительно уменьшившійся въ численности, послѣ отдѣленія гарнизоновъ, оставшихся въ двухъ занятыхъ крѣпостяхъ, ослабленный къ тому же не малыми потерями, понесенными нами при послѣдней осадѣ. Въ отрядѣ, при выступленіи изъ Зааминa, считалось всего 16½ ротъ и были, какъ разказывали, роты только въ 80 человѣкъ.

Отъ Зааминa до Арабата считается слишкомъ 30 верстъ, и мы пришли туда къ пяти часамъ вечера. Не ручаюсь, вѣрно ли я называю нашъ ночлегъ: по крайней мѣрѣ онъ былъ такъ названъ въ штабномъ приказѣ. При этомъ считаю необходимымъ прибавить, что на пути нашемъ намъ случалось встрѣчать такое множество Арабатовъ и Мурзарабатовъ, что во

мнѣ очень часто, совершенно невольно, возникало подозрѣніе, дѣйствительно ли вѣрны эти названія деревень, и не прикрываютъ ли ими составители такъ-называемыхъ разспросныхъ картъ свое незнаніе настоящаго имени деревни.

Арабатъ, какъ и всѣ деревни, попадавшіяся на дорогѣ отъ Зааминa до Джизага, былъ пустыненъ; Зааминомъ оканчивался районъ страны, покоренной нравственнымъ вліяніемъ, произведеннымъ на жителей штурмомъ и занятіемъ Ура-Тюбе. За Зааминомъ начиналась страна еще вполнѣ бухарская, враждебная, жители которой, побуждаемые недовѣріемъ и страхомъ, не рѣшились остаться въ своихъ жилищахъ и бѣжали въ горы.

Надѣюсь, что читатели не посѣтуютъ на меня за то, что я не вдаюсь въ большія подробности при описаніи переходовъ между Ура-Тюбе и Джизага. Я сильно боюсь, что и представленныя подробности могутъ показаться лишними.

Въ здѣшней войнѣ походъ составляетъ всегда самую тягостную и скучную сторону экспедиціи. Въ особенности въ настоящее время, когда мы уже прошли около 400 верстъ, считая отъ Ташкента, когда, конечно, всѣмъ надоѣло таскаться по степи, выступая съ ночлега до перваго свѣта и оканчивая переходъ только по закатѣ солнца. Такое постоянное движеніе, притомъ еще безъ дневокъ, не могло не казаться для всѣхъ въ высшей степени утомительнымъ, тѣмъ болѣе, что, къ довершенію неудобствъ, позднее время года сказывалось каждую ночь довольно сильными морозами.

Непріятно ежедневно подниматься съ теплой постели, покидать теплое одѣяло, когда заря едва только начинаетъ брежжить на небѣ, когда мѣсяцъ еще въ полномъ блескѣ, а земля покрыта инеемъ отъ утренняго мороза. Холодно, а отъ холоднаго сіянія мѣсяца кажется еще холоднѣе, а между тѣмъ вѣстовой вашъ, согласно съ полученными вчера инструкціями, безпощадно васъ будитъ. Сквозь сонъ вы слышите, какъ трубачъ окончилъ трубить генералъ-маршъ. Вы слышите, какъ надъ вами уже разбираютъ палатку. Вы спѣшите скорѣе одѣться, ухитряясь всѣми средствами, какъ бы сноровить дѣло такъ, чтобъ окончить несложный туалетъ не раскрывая одѣяла или по крайней мѣрѣ по возможности менѣе оставаться на морозѣ въ дезабилье. Наскоро глотаешь стаканъ чаю, а между тѣмъ весь лагерь уже

на ногахъ, ведутъ запрягать зааммуниченныхъ коней, люди въ темнотѣ суетятся около орудій, и на бѣломъ, освѣщенномъ бѣлымъ луннымъ свѣтомъ фонѣ земли двигаются черныя, длинныя ихъ тѣни. А тамъ безконечно тянутся однообразныя, изжелта сѣрыя, выжженныя солнцемъ степи.

Утренній холодъ смѣняется чуть не зноемъ, а вы все идете, идете впередъ, утоляя на походѣ аппетитъ, развивающійся при такомъ сильномъ моціонѣ до невѣроятныхъ размѣровъ, солдатскими сухарями, ибо о правильно организованномъ обѣдѣ во время подобнаго путешествія нечего и думать.

И такъ нѣсколько дней подъ-рядъ никакого развлеченія, никакого разнообразія, развѣ лишь, вмѣсто того чтобы ѣхать верхомъ, слѣзешь съ коня и пройдешь пѣшкомъ верстъ пять, съ тѣмъ чтобы потомъ, когда и это надоѣстъ, сѣсть опять на сѣдло. Какъ бывало радуешься, когда по дорогѣ издали замѣтишь хоть какое-нибудь деревцо. Начнется иногда лѣнивый споръ, что̀ это: деревня, или караванъ-сарай? По большей части деревцо оказывается принадлежащимъ пустынному караванъ-сараю, устроенному такъ же, какъ и всѣ караванъ-сараи. Если же, бывало, на пути попадется деревня, то и тутъ утѣшительнаго немного. Жителей, конечно, никого. Оставленныя сакли своею своеобразностью заинтересуютъ васъ на минуту, дозволяя вамъ нескромно войдти въ обстановку домашней жизни Сартовъ, но обстановка эта такъ немногосложна, такъ проста и груба, такъ мало даетъ пищи фантазіи, что подобный обзоръ можетъ служить развлеченіемъ развѣ лишь при такой скукѣ, какую испытываешь во время похода.

Поэтому, не распространяясь о томъ, какъ мы мѣрили бухарскую территорію, какъ голодали, зябли и утомлялись на походѣ, перехожу къ несравненно болѣе интереснымъ событіямъ — къ осадѣ Джизага.

XII.

12-го октября сдѣланъ былъ послѣдній переходъ къ Джизагу. Подняли насъ, по обыкновенію, рано, до перваго свѣта, то-есть около часовъ шести утра. Утро, да и весь день были весьма холодные. Несмотря на ясное небо, только въ

часъ пополудни термометръ показалъ 13° или 14°. Близость непріятельской крѣпости сдѣлала еще короче и безъ того короткій переходъ отъ Арабата (всего 16 верстъ). Не было еще и двѣнадцати часовъ, когда предъ нами открылись ярко зеленые, несмотря на позднее время года, сады джизагскихъ предмѣстій, зелень которыхъ красиво перемѣшивалась съ глиняными заборами, ихъ окружавшими. Не доходя версты четыре до Джизага, мы увидали высокій курганъ, съ вершины котораго генералъ Крыжановскій, обогнавшій насъ, осматривалъ окрестности города. Укрѣпленій, впрочемъ, съ кургана видно не было. Отряду приказано было остановиться.

Пользуясь остановкой у подошвы кургана, въ различныхъ мѣстахъ около своихъ частей сошлись кружки строевыхъ офицеровъ. Кое-гдѣ сдѣланы были даже распоряженія нагрѣть чайники, въ надеждѣ на продолжительность остановки. Завязались разговоры, и хотя разговоры эти вращались преимущественно около обыденныхъ предметовъ, оживленіе тѣмъ не менѣе замѣтно было на всѣхъ лицахъ. Конечно, оживленію этому болѣе всего способствовала мысль, что походъ къ Джизагу оконченъ, и не сегодня, завтра начнется осада.

Еще во время похода всѣхъ насъ очень интересовалъ вопросъ: встрѣтимся ли мы въ Джизагѣ съ непріятелемъ, или же Бухарцы оставили Джизагъ такъ же, какъ они оставили Зааминъ? По отряду слухи ходили самые разнообразные. Участвовавшіе въ походѣ генерала Черняева противъ Джизага и видѣвшіе слѣдовательно крѣпость разказывали, что городъ вовсе даже не обнесенъ стѣной, что внутри города поставлена цитадель, штурмовать которую довольно затруднительно, такъ какъ она построена на горѣ, но что цитадель эта не велика, и большаго гарнизона помѣстить въ ней невозможно. Такіе разказы побуждали многихъ утверждать, что Джизагъ оставленъ войсками, что жители Джизага, напуганные взятіемъ Ура-Тюбе и послѣдовавшимъ за штурмомъ кровопролитіемъ, рѣшительно отказались драться съ Русскими и требовали, чтобы гарнизонъ вышелъ для борьбы противъ Русскихъ въ поле, такъ что беки, бывшіе въ Джизагѣ, поспѣшно удалились въ Самаркандъ и оставили городъ пустымъ. Другіе передавали слухъ, уловленный между уратюбинскими жителями, что эмиръ, напротивъ того,

напрягаетъ послѣднія усилія, чтобъ отстоять Джизагъ, что въ теченіе цѣлаго лѣта ежедневно высылались на работы по воздвиженію новыхъ стѣнъ по 20.000 человѣкъ, и что въ настоящее время изъ ничтожнаго городка, какимъ Джизагъ былъ въ прошломъ году, онъ сталъ сильнѣйшею крѣпостью, подобной которой до сихъ поръ не встрѣчали наши войска на пути своихъ завоеваній въ Средней Азіи.

По мѣрѣ приближенія къ крѣпости истина стала выясняться. Пустыя подгородныя деревни и кажущаяся пустота городскихъ предмѣстій явно говорили о непріязненной встрѣчѣ, которую готовилъ намъ Джизагъ. Явно, что жители частію заперлись въ городѣ, вмѣстѣ съ гарнизономъ, частію же удалились въ горы, гдѣ они будутъ дожидаться развязки готовящейся осады, съ тѣмъ чтобы вернуться въ свои жилища только тогда, когда опредѣлится кто остался побѣдителемъ. Навѣрное почти можно сказать, что эти переселенія жителей, безъ сомнѣнія, крайне для нихъ разорительныя, предпринимаются ими не столько изъ боязни Русскихъ, сколько изъ боязни эмира. Жители боятся, что въ случаѣ нашей неудачи или въ случаѣ, если мы, по взятіи города, оставимъ его, эмиръ, по окончаніи войны, раздѣлается съ ними и жестоко накажетъ ихъ за измѣну. Несчастное положеніе народа, поставленнаго такимъ образомъ между двухъ огней!

Всѣ немногосложныя впечатлѣнія сдѣланнаго похода были другъ другу переданы, еще разъ повторены были съ различными варіантами ходившіе по отряду слухи относительно предстоящей осады Джизага, всѣ пирожки, фазаны и прочія холодныя закуски, которыми опытные деньщики снабдили батарейные ящики и передки, были съѣдены, а приказанія продолжать движеніе еще не было.

Часа черезъ два авангардъ повернулъ съ дороги налѣво и, подъ личнымъ предводительствомъ генерала Крыжановскаго, двинулся, какъ намъ сказали, на рекогносцировку дороги, ведущей изъ Джизага въ Самаркандъ. Дѣломъ крайней важности было отрѣзать эмиру всякое сообщеніе съ Джизагомъ. Если вѣрить въ значеніе естественныхъ границъ, если считать нашею естественною границей Кашгаръ-Даванскія горы, непосредственно примыкающія къ почитавшимся у насъ непроходимыми великимъ Кизиль-Кумскимъ

пескамъ, то Джизагъ, какъ послѣдняя крѣпость оставшаяся на нашей сторонѣ, то-есть по сю сторону горъ, пріобрѣталъ огромное значеніе для Бухарцевъ, и можно было ожидать, что эмиръ не пожалѣетъ ничего для усиленія его защиты. Послѣдствія вполнѣ подтвердили пользу этого движенія.

Главный отрядъ нашъ продвинули еще нѣсколько впередъ и опять остановили.

Прошло еще полтора часа. Наконецъ, мы, какъ и авангардъ, повернули влѣво и пошли по окраинамъ джизагскихъ кишлаковъ, обходя городъ. Съ правой стороны почти сплошь шли глиняные заборы или сакли. Нѣкоторые изъ этихъ заборовъ имѣли даже претензію на красоту архитектурнаго стиля, претензію, весьма мало свойственную строителямъ-Сартамъ. На заборахъ этихъ, хотя и довольно грубо, выведены были пилястры, а верхушки подѣланы въ правильные зубцы, по тамошнему обычаю, съ закругленными углами. Съ величайшимъ любопытствомъ подвигались мы впередъ, вдоль по окраинѣ азіятскаго незнакомаго города. Ѣхавшіе верхомъ офицеры и казаки не могли устоять противъ желанія отъѣхать въ сторону отъ колонны, посмотрѣть, что дѣлается за этими заборами, заглянуть во внутренность этихъ саклей. Съ минуты на минуту ждешь какой-нибудь встрѣчи, какого-нибудь сюрприза. Но ожиданія остаются обманутыми. Мертвое молчаніе царствовало въ оставленномъ городѣ. Ни одного живаго существа. Если и были какія-нибудь встрѣчи, то самыя незначительныя.

По дорогѣ попалась намъ водяная мельница. Кто-то изъ благоразумныхъ командировъ тотчасъ же направилъ своихъ конныхъ фейерверкеровъ пошарить, не найдется ли внутри ея какихъ-либо забытыхъ и припрятанныхъ запасовъ ячменя. Такъ какъ подобныя экспедиціи пользовались большою популярностью, и охотниковъ на нихъ въ отрядѣ находилось всегда весьма много, то несмотря на секретность отданнаго приказанія, въ скоромъ времени около мельницы собралось отъ различныхъ частей, по крайней мѣрѣ, человѣкъ 30 фуражировъ, одинаково любопытствовавшихъ посмотрѣть, что находится внутри мельницы. Дверь оказалась запертою, что, конечно, еще болѣе подстрекнуло любопытство публики. Дверь эту безъ труда выломали нѣсколько могучихъ плечъ. Фуражиры съ жадностію кинулись во

внутренность зданія и нарушили спокойствіе десятка куръ, запертыхъ тамъ своими старыми хозяевами. Съ отчаянными криками бросились спасаться куры, но несмотря на ихъ крики, были тотчасъ же переловлены, такъ какъ силы были не равны: на каждую курицу приходилось чуть ли не по три человѣка. Куры были немедленно второчены за сѣдлами счастливцевъ, успѣвшихъ ими овладѣть. Фуражировка оказалась вообще неудачною. Найдено было лишь нѣсколько батмановъ пшеницы, мало годной для корма непривычныхъ къ ней строевыхъ лошадей. Но какъ даровому коню не слѣдуетъ смотрѣть въ зубы, то батманы эти тутъ же были нагружены на передки и зарядные ящики. Прошли далѣе: опять какая-нибудь сакля, опять ловля куръ, болѣе или менѣе удачная. Попадется иногда на пути и теленокъ. Пѣхотный солдатъ намѣревается, какъ видно, пріобщить его къ порціонному скоту. Теленокъ упрямится. По свойствамъ своей природы онъ не можетъ приноровить своего шага къ шагу роты. Солдатъ, опасаясь взысканія за то что отсталъ отъ роты и не желая въ то же время упустить добычу, горячится и ругается страшно. Закинувъ ружье за плечи, онъ, забывъ усталость, лихорадочно напрягаетъ силы, чтобы чѣмъ-нибудь побудить теленка идти впередъ, то принимаясь тащить его за уши, то ободряя его пинками сзади.

Наконецъ въ одной изъ саклей нашли двухъ Сартовъ, старыхъ-престарыхъ. Одинъ изъ нихъ оказался больнымъ. Показывая на ноги, онъ жестами старался объяснить, что не можетъ идти. Его бросили и принялись за другаго, котораго съ тріумфомъ повели къ командовавшему отрядомъ полковнику М*.

Бѣдный старикъ, увидавъ толпу офицеровъ, сѣлъ по-восточному обычаю на колѣни. Его начали было разспрашивать. Но приписать ли это неискусству нашихъ доморощенныхъ переводчиковъ, или Сартъ выжилъ изъ ума отъ старости, только онъ отвѣчалъ вовсе не то, о чемъ его спрашивали. Не добившись никакого толка отъ его шамканія, Сарта отпустили на всѣ четыре стороны. Да и какія важныя свѣдѣнія могъ сообщить намъ этотъ старикъ?

Мы прошли еще съ версту, переправились черезъ нѣсколько арыковъ, забрали или, по мѣстному выраженію, забарантовали по дорогѣ нѣсколько кулей пшеницы, и наконецъ остановились между невысокими холмами, которыми

спускаются въ равнину Сыръ-Дарьи Кашгаръ-Даванскія горы. Мы стояли на дорогѣ, ведущей изъ Самарканда въ Джизакъ. Вернулись изъ рекогносцировки наши генералы. Изъ разказовъ офицеровъ ѣздившаго съ ними отряда я узналъ, что авангардъ пошелъ по Самаркандской дорогѣ черезъ ущелье Челанъ-уты или Тамерлановскія ворота, какъ ихъ,— не знаю справедливо ли,—называли у насъ въ отрядѣ. Отрядъ нашъ успѣлъ пройдти до небольшой крѣпостцы Яны-Курганъ, построенной по ту сторону ущелья, и не доходя до крѣпости версты на двѣ, пустилъ по ней гранату и повернулъ назадъ. При движеніи въ ущелье, авангардъ захватилъ небольшой караванъ въ нѣсколько верблюдовъ, шедшій изъ Самарканда въ Джизакъ.

Какъ только соединился съ нами авангардъ, насъ двинули впередъ, повернули по Самаркандской дорогѣ, пройдя по которой еще около $^3/_4$ версты, мы остановились на приготовленной уже для насъ офицерами генеральнаго штаба позиціи для лагеря. Лагерь нашъ находился отъ крайнихъ строеній Джизака въ разстояніи около $^1/_2$ версты. Съ лѣвой стороны онъ прикрытъ былъ нѣсколькими каменными утесами, примыкавшими къ Кашгаръ-Даванскимъ горамъ; каменными утесами этими, разбросанными довольно рѣдко, Кашгаръ-Даванскій хребетъ спускался въ долину Сыръ-Дарьи. Изъ лагеря очень хорошо были видны сады и заборы окружавшіе Джизакъ, но укрѣпленій видно не было. Бухарцы, несмотря на близкое разстояніе, въ которомъ находились мы отъ города, не открывали по насъ огня, что̀ насъ не мало удивляло, такъ какъ Азіятцы не имѣютъ привычки жалѣть порохъ. Имъ все кажется, что своими выстрѣлами они могутъ запугать наступающаго непріятеля, а потому они открываютъ стрѣльбу всегда съ самыхъ дальнихъ разстояній. При движеніи нашемъ на Ура-Тюбе, они встрѣтили выстрѣлами отрядъ по крайней мѣрѣ версты за четыре, то-есть, когда они еще не могли насъ и видѣть изъ за-горъ, окружавшихъ эту крѣпость.

Лагерь нашъ расположенъ былъ около и внутри какого-то подгороднаго сада или, лучше сказать, нѣсколькихъ садовъ, примыкавшихъ другъ къ другу: сады эти, по обыкновенію, окружены были глиняными заборами. Не должно думать, что сады эти хотя сколько-нибудь напоминали собой наши европейскіе сады, или же восточные сады, воспѣтые

Гафизомъ: о соловьяхъ и розахъ не было и помину. Сарты не требовательны. Огородивъ мѣсто глинянымъ заборомъ и посадивъ тамъ нѣсколько, даже 2 или 3 тополя, Сартъ называетъ это пространство садомъ, въ особенности если внутри этого сада посаженъ виноградъ. Внутри садовъ, занятыхъ нашимъ лагеремъ, былъ также нѣкогда виноградникъ, слѣдами котораго остались незаровненныя гряды, дѣлавшія невыносимымъ всякое циркулированіе по лагерю. Внутренность сада оставлена была для парка, который долженъ былъ придти надняхъ изъ Заамина, и для нашего многочисленнаго штаба. Пѣхота же и кавалерія съ артиллеріей расположились около сада правильнымъ каре.

Не прошло и 10 минутъ со времени прибытія отряда, какъ уже палатки были раскинуты, парки поставлены, коновязи разбиты, и бивакъ устроился, какъ будто бы стояли нѣсколько дней подъ Джизагомъ.

Я отправился на лежащій впереди лагеря утесъ, занятый уже нашими пикетами. Предо мной Джизагъ лежалъ какъ на ладони. Съ помощью посредственной зрительной трубы можно было разсмотрѣть нѣкоторыя подробности.

Джизагъ городъ довольно обширный или, вѣрнѣе сказать, раскинутый, такъ какъ въ немъ считается не болѣе 500 домовъ. Онъ лежитъ какъ разъ у подошвы хребта горъ, на совершенно ровномъ мѣстѣ и при началѣ огромной, безводной степи, тянущейся до береговъ Сыръ-Дарьи, верстъ на 100. Мы обошли Джизагъ съ юго-запада и стояли, слѣдовательно, на сторонѣ какъ разъ противоположной той, къ которой въ прошломъ году подходилъ генералъ Черняевъ. Бухарцы не хотѣли, да конечно и не имѣли средствъ, защитить весь городъ, почему и обнесли стѣной лишь сѣверо-восточную его часть. Остальную же часть города, лишенную стѣнъ, жители оставили. Чтобъ очистить мѣстность около крѣпости, Бухарцы, какъ и въ Ура-Тюбе, разрушили всѣ сакли, находящіяся подъ стѣнами, и образовали такимъ образомъ около стѣны экспланаду, шириной отъ 60 до 100 саженъ. Крѣпость или, лучше сказать, часть города, обнесенная стѣной, имѣла видъ овала, длинная ось котораго обращена была съ сѣверо-запада на юго-востокъ. Стѣны казались весьма почтенныхъ размѣровъ, какъ по ширинѣ, такъ и по вышинѣ. За первою стѣной видна была вторая, за второю, какъ будто, была и третья. Въ подзорную трубу можно было ясно видѣть, что подъ стѣнами кипѣла работа. Видно было какъ Сарты рыли рвы и усиливали укрѣпленія. Можно было ясно разсмотрѣть и рабочихъ, и надзирающихъ за работами офицеровъ верхомъ. Наступившая темнота принудила меня вернуться въ лагерь, то-есть, спуститься со скалы. Приближаясь къ передней линейкѣ, я встрѣтилъ, окруженнаго нашими солдатами, коннаго Сарта. Это, какъ мнѣ объяснили, плѣнникъ, котораго захватили наши аванпосты. Подозрительно, чтобъ онъ попался въ плѣнъ случайно, безъ участія своей доброй воли. Азіятцы въ военное время весьма осторожны. Вѣроятнѣе всего, что предугадывая паденіе крѣпости и не желая раздѣлить несчастную участь своихъ соотечественниковъ, онъ заблагоразсудилъ положиться на великодушіе Русскихъ, предпочтя быть лучше зрителемъ нежели участникомъ взятія крѣпости штурмомъ. Его немедленно отвели въ главный штабъ, гдѣ и допросили. Оказалось, что это не Сартъ, а Афганецъ, артиллерійскій офицеръ. Нашъ плѣнникъ былъ чрезвычайно красивъ собой. Афганцы не брѣютъ головы какъ Сарты, и его длинные, черные волосы, выбивавшіеся изъ-подъ бѣлоснѣжной кисейной чалмы, красиво обрамляли его правильное лицо, на которомъ выражалось спокойствіе, смѣлость и какое-то чувство достоинства. Одѣтъ онъ былъ въ мундиръ свѣтло-коричневаго цвѣта, съ бронзовыми пуговицами, очевидно, англійскаго издѣлія. Покрой этого мундира, впрочемъ, смахивалъ нѣсколько на азіятскій халатъ. Афганецъ этотъ сообщилъ весьма важныя свѣдѣнія, въ особенности касающіяся численности джизагскаго гарнизона. По его разказамъ оказалось, что эмиръ совершенно правильно понималъ стратегическое значеніе Джизага, лежащаго на единственномъ удобномъ сообщеніи Бухары со всѣми сосѣдними территоріями и составляющаго ключъ естественныхъ воротъ, образуемыхъ ущельемъ Челанъ-уты. Поэтому эмиръ и не поскупился на его вооруженіе,ославъ туда свои лучшія войска и многочисленную артиллерію.

По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ плѣнникомъ, въ Джизагѣ было нѣсколько сотъ Афганцевъ, составлявшихъ преимущественно артиллерійскую прислугу, нѣсколько сотъ Туркменъ, до 2 тысячъ сарбазовъ или регулярныхъ войскъ, нѣсколько тысячъ Иранцевъ изъ числа плѣнныхъ, всего до

десяти или одиннадцати тысячъ гарнизону. Въ Джизагѣ находилось 19 бековъ. Главное начальство надъ крѣпостью поручено было Алайаръ-хану, носившему титулъ таксабаперваначи. Не могу навѣрное сказать, какому рангу или степени въ нашей чиновной іерархіи соотвѣтствуетъ титулъ таксабы-перваначи, знаю только, что онъ присвоенъ высшимъ правительственнымъ лицамъ, число которыхъ въ Бухаріи весьма ограничено. Въ Джизагѣ находился также Якубъ-бекъ, бывшій комендантъ этой крѣпости, исправлявшій должность эту во время похода генерала Черняева на Джизагъ въ прошломъ году.

Афганецъ же сообщилъ намъ, что крѣпость окружена тройною стѣной, что первыя двѣ стѣны, а въ особенности передняя, имѣютъ весьма сильную профиль, что по валгангу ея можетъ совершенно свободно ѣхать арба, что ровъ весьма широкъ и глубокъ, и что внутри крѣпости построена урда или цитадель, обнесенная также стѣной. Онъ подтвердилъ слухъ о томъ, что первыя двѣ стѣны только-что построены въ теченіе нынѣшняго лѣта, и что на постройку ихъ употреблены были огромныя усилія. О третьей же и о собственно крѣпостной стѣнѣ, онъ отнесся весьма невыгодно, сказавъ, что онѣ частію стары, частію слабой профили, и прибавивъ при этомъ саркастическое замѣчаніе, что обѣ эти стѣны можно прошибить палкой. Плѣнникъ сообщилъ также, что въ Джизагѣ трое воротъ: Самаркандскія, Уратюбинскія и Камышъ-Курганскія или Ташкентскія, что всѣ эти ворота наглухо завалены, такъ какъ, согласно приказанію эмира, Алайаръ, намѣреваясь защищать городъ до послѣдней крайности, рѣшился пресѣчь гарнизону всякій путь къ отступленію.

Тутъ же рѣшено было произвести рекогносцировку на слѣдующій день, 13-го октября, съ тѣмъ чтобы выбрать мѣста для осадныхъ батарей. Положено было послать три колонны: одну по Самаркандской дорогѣ подъ начальствомъ Б*, другую, подъ командой П*, къ Уратюбинскимъ воротамъ. Обѣ эти колонны должны были состоять изъ двухъ, кажется, ротъ пѣхоты и взвода артиллеріи. Я получилъ приказаніе идти съ колонной Б*. Третья колонна, состоявшая по преимуществу изъ казаковъ, подъ начальствомъ Г*, при которой находилась партія топографовъ, должна была обойдти Джизагъ съ сѣверной стороны. Двинуться приказано было всѣмъ тремъ колоннамъ одновременно, въ 12 часовъ утра.

Я воспользовался свободнымъ утромъ 13-го числа, чтобы взойдти еще разъ на утесъ и посмотрѣть Джизагъ при болѣе выгодномъ утреннемъ освѣщеніи. Разказы Афганца оказались совершенно вѣрными. Ясно были видны четыре стѣны. По длинѣ стѣны, чрезъ каждыя пятнадцать саженъ, построены были полубашни или, какъ ихъ называютъ здѣсь, въ Туркестанской области, барбеты. Всѣ башни вооружены были артиллерійскими орудіями. Длинныя пики съ разноцвѣтными древками, аршина въ четыре длиной, высовывались изъ крѣпостныхъ стѣнъ. Кое-гдѣ изъ-за закругленныхъ зубцовъ мелькала бѣлая чалма или красный халатъ сарбаза. Крѣпостныя работы, а именно углубленіе рва, по-вчерашнему, дѣятельно продолжались.

Самаркандскія ворота, ясно видныя съ утеса, прикрыты были далеко выступающимъ впередъ круглымъ турѣ-бастіономъ, хорошо фланкирующимъ обращенную къ намъ часть стѣны. У Уратюбинскихъ воротъ видна была также какая-то исходящая пристройка, очертанія которой нельзя было хорошенько разсмотрѣть, такъ какъ она отчасти закрывалась деревьями садовъ оставленной части города. Между первою и второю стѣной (разстояніе между этими стѣнами было приблизительно около шестидесяти саженъ) мелькали зеленыя бухарскія палатки. Видно было, что тутъ расположенъ былъ лагерь гарнизона.

Подъ ногами моими раскинулся оставленный городъ, весь зеленѣющій отъ зеленыхъ садовъ и какъ бы расчерченный на правильные участки глиняными заборами. Сарты большіе мастера и, какъ кажется, большіе охотники до глиняныхъ работъ. Не только сады, но и самыя поля обносятъ они этими заборами, такъ что нельзя не подивиться громадности подобныхъ работъ, встрѣчаемыхъ у Сартовъ. Сколько-нибудь монументальныхъ зданій, впрочемъ, въ городѣ не было ни одного. Не видно было даже ни одной мечети, сколько-нибудь замѣчательной по постройкѣ. Мечети почти не отличались отъ саклей, архитектура которыхъ до такой степени незамысловата и груба, что не въ состояніи удовлетворить самаго невзыскательнаго вкуса.

На наблюдательный постъ мало-по-малу собралось множество офицеровъ. Пріѣхалъ и командующій войсками. Всѣ

мы, вооруженные зрительными трубками, старались вглядѣться въ подробности укрѣпленій, съ тѣмъ чтобъ опредѣлить болѣе доступный пунктъ атаки. Но совершенно одинаково высились со всѣхъ сторонъ одинаково высокія стѣны, а правильно элипсоидальный видъ ограды прямо показывалъ, что слабыхъ пунктовъ въ крѣпости нѣтъ. О штурмѣ по лѣстницамъ, какъ кажется, не было даже и разговора. Послѣ уратюбинскаго опыта, общественное мнѣніе сильно склонилось въ пользу обваловъ, да наконецъ, на основаніи разсказовъ плѣннаго Афганца, не представлялось даже возможности построить лѣстницы, достаточно длинныя для эскаладированія высокихъ джизагскихъ профилей. Оставалось, слѣдовательно, обвалить гдѣ-нибудь стѣну артиллерійскимъ огнемъ, и за тѣмъ штурмовать крѣпость по обвалу. Выборъ пункта для заложенія осадныхъ батарей долженъ былъ обусловливаться не столько очертаніемъ крѣпостной ограды,— очертаніемъ совершенно правильнымъ, сколько условіями той мѣстности, на которой должны были строиться батареи. Изслѣдованіе этихъ условій надлежало произвести при рекогносцировкѣ, предположенной на сегодняшній день. Самая же крѣпостная ограда имѣла вліяніе на выборъ позиціи лишь въ томъ отношеніи, чтобы при штурмѣ обвала колонны не слишкомъ подвергались фланговому огню тѣхъ, далеко выступающихъ частей, о которыхъ я говорилъ выше.

Я возвратился въ лагерь, готовясь отправиться въ розыскъ съ отрядомъ Б*. Въ штабѣ между тѣмъ получено было письмо отъ Алайаръ-хана, въ которомъ онъ просилъ командующаго войсками не начинать осады, говоря, что онъ ждетъ отвѣта на письмо, посланное къ эмиру, въ которомъ испрашиваетъ его разрѣшенія сдать Джизагъ. Обыкновенная азіятская уловка оттягивать дѣло. Письму этому, конечно, не дали никакого вѣса, тѣмъ болѣе, что самое желаніе оттянуть осаду заставляло подозрѣвать въ комендантѣ надежду получить подкрѣпленіе. Письмо Алайаръ-хана привезъ Сартъ пожилыхъ лѣтъ, съ звѣрскою и хитрою физіономіей, по элегантности своей фигуры и костюма мало напоминавшій нашего вчерашняго плѣнника. Тѣмъ не менѣе, на письмо надлежало отвѣтить. Отвѣтъ этотъ, заключавшій въ себѣ настоятельное требованіе немедленной сдачи крѣпости, былъ

изготовленъ не скоро, а такъ какъ именно нашему отряду назначено было проводить бекскаго посланника, то обстоятельство это не мало замедлило движеніе отряда.

Вмѣсто 12-ти часовъ, мы выступили въ четвертомъ. Отпуская отряды, командующій войсками приказывалъ непремѣнно открыть огонь по приближеніи къ крѣпости, чтобы показать Бухарцамъ, что мы не намѣрены шутить и нисколько не сдаемся на ихъ хитрости, а напротивъ, намѣрены тотчасъ же открыть осаду и вести ее самымъ энергическимъ образомъ. Въ такомъ духѣ были инструкціи, данныя нашему отряду командующимъ войсками, а такъ какъ по причинѣ поздняго времени порядочной рекогносцировки никакимъ образомъ не могли мы сдѣлать, то посылка нашего отряда была скорѣе демонстраціей чѣмъ рекогносцировкой.

Сначала двинулся отрядъ П*. Онъ пошелъ по Самаркандской дорогѣ и потомъ, не входя еще подъ выстрѣлы крѣпости, повернулъ направо по одному изъ городскихъ переулковъ. За нимъ, не сворачивая съ Самаркандской дороги, двинулся и нашъ отрядъ. Отъ лагеря до города, какъ я упоминалъ выше, было не болѣе полуверсты, и мы скоро вступили въ черту городскихъ улицъ. Съ нами ѣхалъ и бухарскій посланникъ, верхомъ, съ саблей и фитильнымъ ружьемъ. Онъ могъ бы служить провожатымъ, еслибы мы въ провожатомъ нуждались, но широкая и твердая, какъ шоссе, Самаркандская дорога шла совершенно прямо къ Самаркандскимъ воротамъ, и сбиться съ дороги намъ было невозможно. Насъ обогнала команда конныхъ джигитовъ подъ начальствомъ К*, которая пронеслась мимо карьеромъ, разбрызгивая арыки подъ ногами коней. Джигиты, впрочемъ, скакали не долго. Блеснувъ предъ пѣхотой, К* умѣрилъ шагъ своихъ всадниковъ, а скоро и совершенно остановилъ ихъ, чтобы примкнуть къ отряду.

Мы шли по городу въ величайшей тишинѣ, окруженные со всѣхъ сторонъ высокими заборами. Несмотря на то что мы уже привыкли къ безпечности Сартовъ, несмотря на то что намъ извѣстно было ихъ полнѣйшее неумѣнье пользоваться мѣстностію для обороны, несмотря на увѣренность нашу въ ихъ трусливости и неспособности дѣйствовать иначе какъ изъ-за высокихъ крѣпостныхъ стѣнъ, невозможно было, подвигаясь по этому лабиринту заборовъ, не ждать, что

вотъ-вотъ изъ-за зубца забора грянетъ ружейный выстрѣлъ. Еслибы крѣпость защищали не Сарты, а непріятель болѣе способный къ активной оборонѣ, какія бы громадныя средства могъ онъ съ незначительными силами и при ничтожномъ уронѣ извлечь изъ этого лабиринта заборовъ и переулковъ, система которыхъ, совершенно неизвѣстная намъ, была вполнѣ извѣстна ему! Но Сарты, какъ оказалось, ждали насъ за стѣнами и не подумали воспользоваться этимъ преимуществомъ, такъ что наши предосторожности при движеніи, наша цѣпь стрѣлковъ, разсыпанная вправо и влѣво отъ дороги, оказались совершенно лишними.

Въ оставленномъ городѣ была мертвая тишина. Какъ ни шарили наши стрѣлки по придорожнымъ саклямъ и садамъ, нигдѣ не показывалось ни одного Сарта. Встрѣчали насъ только тощія городскія собаки, какъ-то боязливо и нерѣшительно лаявшія на нашихъ солдатъ съ плоскихъ крышъ сакель.

Мы шли около получаса по городу, а крѣпостныхъ стѣнъ не было видно, и ни одного выстрѣла не раздавалось съ ихъ вышины. Наконецъ, наткнулись мы на баррикаду, перегораживавшую Самаркандскую дорогу. Баррикада эта выстроена была довольно солидно, но такъ какъ она не защищалась выстрѣлами съ крѣпостныхъ стѣнъ, то наши солдаты безъ труда ее разобрали. Большія бревна, арбы и особенной конструкціи бухарскія туры, сплетенные изъ лыка, ее составлявшіе, были мигомъ разбросаны въ сторону. Во время этой операціи, продолжавшейся всего нѣсколько мгновеній, за баррикадами появились два конные Сарта въ бѣлыхъ чалмахъ и вооруженныхъ ружьями. Одинъ изъ нихъ подъѣхалъ къ самой баррикадѣ и началъ что-то кричать. Какъ переводили наши толмачи, онъ просилъ, или приказывалъ, чтобы Русскіе не разбирали завала. Другой, повидимому, болѣе робкаго характера, остановился саженяхъ въ 30 за баррикадой. Сквозь облако пыли, которое стояло столбомъ надъ разрушаемымъ заваломъ, виднѣлся его силуэтъ. Видно было какъ онъ собиралъ коня, и вся его поза ясно показывала, что при малѣйшемъ непріязненномъ движеніи со стороны Русскихъ, робкій Бухарецъ намѣревается ускакать. Сартовъ, конечно, не послушали и продолжали разбирать завалъ. Они уѣхали. Окончивъ это дѣло разрушенія, посланника пригласили отправиться въ Джизагъ и отвезти конвертъ съ отвѣтомъ коменданту. Но тутъ, къ крайнему нашему удивленію,

Бухарецъ началъ упрямиться, говоря, что онъ не поѣдетъ въ крѣпость, а предпочитаетъ остаться въ русскомъ лагерѣ. Несмотря на краснорѣчивыя убѣжденія окружавшихъ его, несмотря даже на легонькія подталкиванія кулаками въ спину со стороны казаковъ, онъ отказался наотрѣзъ ѣхать въ городъ, ссылаясь на то, что такъ какъ онъ пришелъ съ войсками, то его соотечественники могутъ подумать, что именно онъ привелъ русскія войска, а наконецъ просто-напросто объявилъ, что у него въ Ташкентѣ семейство, и онъ не хочетъ быть убитымъ въ Джизагѣ. Убѣдившись въ совершенномъ отсутствіи патріотизма въ посланническомъ сердцѣ, отъ него отступились, и онъ, вѣроятно, свободно вздохнулъ, увѣрившись, что избѣгъ непріятнаго положенія находиться въ осажденной крѣпости. Письмо взялся отвезти джигитъ. Джигитами называютъ здѣсь конныхъ милиціонеровъ, набранныхъ изъ Киргизъ, которые составляютъ собственно тѣлохранителей командующаго войсками. Ихъ около сотни. Нѣкоторые изъ нихъ не разъ отличались своею храбростью, показывающею, что въ Киргизахъ нѣтъ недостатка въ извѣстной силѣ духа и жизненности, которой совершенно не встрѣчается въ нравственно одряхлѣвшихъ, презираемыхъ Киргизами Сартахъ. Одинъ изъ этихъ джигитовъ, Атамкулъ, имѣетъ три Георгіевскіе креста, и дѣйствительно, достаточно посмотрѣть на него во время дѣла, чтобъ убѣдиться, что онъ молодецъ въ полномъ смыслѣ этого слова.

Разрушивъ завалъ, мы продвинулись еще саженъ 40 впередъ. Предъ нами, въ узкомъ устьѣ Самаркандской дороги, открылись поистинѣ грозные профили джизагскихъ укрѣпленій. Мы остановились. Съ правой стороны нашей находилась небольшая каменная мечеть, построенная изъ жженаго кирпича, за которою по Самаркандской дорогѣ оставалось не болѣе трехъ или четырехъ неразрушенныхъ саклей, и затѣмъ начиналась эспланада. Мечеть эта отличалась отъ окружавшихъ ее саклей лишь тѣмъ, что была пообширнѣе, и на стѣнахъ ея была, какъ кажется, живопись, которую, впрочемъ, разсмотрѣть было трудно, такъ какъ мечеть была безъ оконъ, и внутри ея царствовала полная темнота. Къ сторонѣ мечети, обращенной къ нашему лагерю, былъ пристроенъ, по обыкновенію, каменный помостъ со ступенями, покрытый навѣсомъ, опирающимся на нѣсколько деревянныхъ

столбовъ съ грубою рѣзьбой. Мечеть, какъ и всѣ сакли, имѣла крышу плоскую и никакого купола, ни минарета, который могъ бы заставить издали отличить ее отъ обыкновенной сакли. Къ навѣсу была приставлена лѣстница, какъ бы приглашающая влѣзть на крышу и указывающая, что это лучшій наблюдательный пунктъ для рекогносцирующихъ.

Исполняя въ точности приказаніе командующаго войсками, выкатили на дорогу четырехъ-фунтовую нарѣзную пушку и навели ее въ амбразуру одной изъ башенъ, поставивъ прицѣлъ на 100 саженъ. Опредѣлить въ точности разстояніе до стѣны, по причинѣ наступившей темноты, было затруднительно. Пламя брызнуло; граната полетѣла, и упавъ предъ крѣпостною стѣной, разорвалась и разсыпала впередъ осколки.

Бухарцы, увидавъ, что мы не намѣрены откладывать военныя дѣйствія и ожидать распоряженій эмира, открыли тотчасъ же ружейный и артиллерійскій огонь по нашему орудію, не принесшій, впрочемъ, намъ никакого вреда. Я влѣзъ на плоскую крышу мечети. Оттуда ясно были видны громадные размѣры джизакскихъ стѣнъ. Представилась даже возможность довольно точно ихъ вымѣрить. Дѣйствительно, Бухарцы строятъ свои глиняныя зданія, накладывая глину по слоямъ; наложивъ слой, толщиной въ аршинъ съ небольшимъ, они даютъ глинѣ высохнуть, затѣмъ кладутъ второй слой, потомъ третій и т. д. Отъ этого между послѣдующими слоями глины остается шовъ. Съ крыши мечети ясно было видно девять швовъ на стѣнахъ, изъ чего и можно было заключить, что стѣны должны быть около десяти аршинъ вышиной.

Пущено было еще нѣсколько гранатъ изъ нашего орудія, получено было значительное количество отвѣтныхъ выстрѣловъ, совершенно для насъ безвредныхъ, такъ какъ людямъ нашимъ даже трудно было подвернуться подъ выстрѣлъ: столь отличное закрытіе давали имъ городскіе заборы. Тѣмъ рекогносцировка и кончилась. Наступающая темнота принудила насъ вернуться въ лагерь.

Мы пошли тою же дорогой, слѣдовательно по знакомымъ намъ мѣстамъ. На обратномъ пути, приближаясь къ лагерю, мы нагнали нашихъ фуражировъ, которые, пользуясь движеніемъ впередъ отрядовъ, также проникли въ городъ и исправно пошарили оставленныя сакли. Поиски, какъ кажется,

увѣнчались успѣхомъ. Казаки медленно возвращались домой, везя на сѣдлахъ цѣлые возы клеверу (джунгурчки) и огромные мѣшки съ ячменемъ.

— Много ли ячменя въ городѣ? спросилъ я одного изъ казаковъ.

— Много, ваше благородіе, отвѣчалъ казакъ,—было бы во что ссыпать.

Я полюбопытствовалъ посмотрѣть, во что ссыпалъ ячмень казакъ. Оказалось, что у него, кромѣ саквы, насыпаны ячменемъ и шаравары. Связанные снизу веревочками, они посажены были верхомъ на сѣдло. Самъ же казакъ велъ своего коня въ поводу, нисколько не стѣсняясь, по свободѣ обычаевъ Туркестанской области, недостаткомъ столь необходимой въ общемъ туалетѣ принадлежности.

Немедленно по возвращеніи въ лагерь, я долженъ былъ отправиться въ штабъ для доклада командующему войсками о результатахъ нашей рекогносцировки. Путешествіе, въ особенности въ темнотѣ, чрезвычайно непріятное. Какихъ препятствій не приходилось преодолѣвать по дорогѣ! Приходилось перелѣзать чрезъ заборы, прыгать чрезъ арыки, а главное, почти весь путь совершить по грядамъ, перепрыгивая съ одной гряды на другую. Въ лагерѣ находившейся по пути саперной роты, несмотря на совершенную темноту, кипѣла дѣятельность. Подвозились на арбахъ туры и фашины, кузнецы работали на батарейныхъ походныхъ кузницахъ; приготовляя желѣзныя скрѣпленія для лѣстницъ и оковки къ амбразурнымъ заслонамъ. Шесть огромныхъ штурмовыхъ лѣстницъ, отъ 3 до 5 саженъ длиной, уже лежали тутъ же, почти готовыя, и около нихъ возились плотники, оканчивая ихъ сбивку. Стукъ молотовъ, визгъ пилъ и снующія взадъ и впередъ черныя тѣни рабочихъ саперъ, все это составляло живописную и эффектную картину при своеобразномъ освѣщеніи краснымъ пламенемъ походныхъ горновъ.

У командующаго войсками нашелъ я подполковника Я*, ходившаго на рекогносцировку съ отрядомъ П* къ Уратюбинскимъ воротамъ. Рекогносцировка ихъ была совершенно неудачна. Ихъ задержала артиллерія. Поворотивъ съ Самаркандской дороги, они встрѣтили непреодолимыя затрудненія. Переулки были столь узки, на дорогѣ попадались такія ямы и канавы, что облегченный взводъ, отправленный съ

отрядомъ, положительно не могъ двинуться шага безъ помощи саперъ. Такъ отрядъ этотъ не успѣлъ даже дойдти до Ура-Тюбинской дороги, съ которой только и можно было видѣть крѣпостныя стѣны. Въ одномъ изъ переулковъ рекогносцирующій отрядъ наткнулся на маленькую шайку Сартовъ и обмѣнялся съ ними нѣсколькими выстрѣлами, при чемъ былъ убитъ одинъ Сартъ. Темнота заставила воротиться отрядъ, который такимъ образомъ даже и не видалъ джизагскихъ укрѣпленій.

Хотя рекогносцировки въ сущности произведено не было, но командующій войсками рѣшилъ, во что̀ бы то ни стало, съ слѣдующей же ночи начать осадныя работы, утромъ же воспользоваться для того, чтобы по возможности обойдти крѣпость кругомъ и узнать, нѣтъ ли гдѣ пункта особенно удобнаго для атаки.

Въ Заминъ было послано приказаніе, чтобъ артиллерійскій и инженерный парки двинулись подъ Джизагъ на соединеніе съ отрядомъ. 14-го октября парки уже прибыли, и затѣмъ ничто не препятствовало начать осаду самымъ энергическимъ образомъ. Чтобы воспрепятствовать Бухарцамъ расширять эспланаду, разрушая переднія, еще цѣлыя сакли, цѣлость которыхъ была для насъ столь важна, командующій войсками немедленно приказалъ послать къ мечети двѣ или три, не помню, роты пѣхоты, которыя должны были подвинуться впередъ до послѣднихъ, еще не разрушенныхъ саклей. Роты тотчасъ же отправились въ городъ. Мѣра эта оказалась вполнѣ раціональною. Немедленно, почти по оставленіи города рекогносцировавшими войсками, въ городѣ вспыхнулъ пожаръ. Сарты сдѣлали вылазку и начали жечь сакли. Всю ночь зарево освѣщало оставленный городъ. Всю ночь продолжалась перестрѣлка.

XIII.

Назначенная 14-го октября рекогносцировка не состоялась. Съ ранняго утра по лагерю разнесся слухъ, что фуражиры облегченной батареи и полусотня казаковъ, отправившихся на фуражировку въ окрестныя деревни, въ ущелье Челанъ-Уты, окружены Бухарцами и находятся въ самомъ отчаянномъ положеніи. Откуда явились эти Бухарцы — никто не зналъ. Поднялась суматоха въ лагерѣ.

Жалко было смотрѣть, какъ собирались взводы батареи, отправляемые выручать своихъ товарищей. Стали запрягать. Въ одномъ орудіи нѣтъ подсѣдельной лошади, въ другомъ недостаетъ трехъ нумеровъ, въ третьемъ нѣтъ сѣделъ. Растерявшійся отъ такой неожиданной непріятности командиръ въ смущеніи ходитъ по батареѣ. Кое-какъ однако собрали одинъ или два взвода и отправили ихъ въ ущелье. Двинулись войска. По Самаркандской дорогѣ потянулась рота, потомъ взводъ артиллеріи, потомъ опять рота, другой взводъ артиллеріи, потомъ опять рота, другой взводъ артиллеріи и т. д. Скоро бо́льшая часть отряда ушла въ ущелье Челанъ-Уты, а такъ какъ значительная часть ротъ отправилась еще на рубку хворосту, то рекогносцировку положительно некому было производить.

Не имѣя надобности провожать войска, спѣшившія на выручку фуражировъ, я одинъ отправился въ городъ, со вчерашняго дня занятый уже нашимъ очереднымъ карауломъ, съ тѣмъ чтобы посмотрѣть мѣста для брешь-батареи. Я пріѣхалъ къ мечети, около которой стояло вчера наше орудіе. Тамъ уже устроенъ былъ перевязочный пунктъ. Одинъ, кажется, раненый, подстрѣленный ночью на вылазкѣ, уже лежалъ въ темной комнатѣ мечети. На террасѣ помѣстился докторъ. Право, нельзя было выдумать и нарочно построить лагеря болѣе удобнаго, нежели тотъ, который находился въ настоящее время въ городѣ въ распоряженіи нашихъ ротъ. Одно то, что перевязочный пунктъ былъ въ 120 какихъ-нибудь саженяхъ отъ крѣпостной стѣны, и еще какой перевязочный пунктъ, съ какими удобствами!

Со стороны непріятеля толстая глухая каменная стѣна, которую бухарское ядро не пробьетъ; даже и попасть въ нее трудно, такъ какъ спереди закрыта она нѣсколькими саклями. Ступени террасы, обращенной въ сторону противоположную Джизагу, спускались въ прудъ съ проточною водой. Терраса, хотя не густо, обсажена была деревьями. Сидишь, бывало, на террасѣ и любуешься природой. Точь-въ-точь какъ бы гдѣ-нибудь на загородной дачѣ. Вправо и влѣво отъ Самаркандской дороги, какъ я выше говорилъ, шло нѣсколько извилистыхъ переулковъ, которые, впрочемъ, наши солдатики въ настоящее время, въ видахъ удобства сообщеній,

нѣсколько повыровняли, безъ церемоніи обваливъ заборы и сакли. Влѣво цѣпь была отодвинута не далеко: сажень на тридцать или на сорокъ, то-есть на три или на четыре сакли. Вправо же ее протянули значительно далѣе: сажень на сто двадцать или на сто пятьдесятъ. Положено было выводить роты въ городъ на двадцать четыре часа, смѣняя ихъ поутру часовъ въ десять, сколько я помню. Поэтому роты брали съ собой котлы и провизію въ городъ. Въ какой-нибудь оставленной саклѣ, также находившейся въ разстояніи отъ стѣны не болѣе 150 сажень, разводили огонь и тутъ же варили и обѣдъ, и ужинъ. Всѣ сообщенія вдоль цѣпи, съ резервами, съ кухнями, были вполнѣ закрыты заборами, расположенными чрезвычайно часто. Въ послѣдствіи, когда полевыя батареи пошли на вооруженіе, то, снявъ орудія съ передковъ, передки и лошадей даже считали лишнимъ отправлять въ лагерь, а оставляли ихъ тутъ же, въ какомъ-нибудь переулкѣ или саду. Это было несравненно удобнѣе нежели отсылать ихъ въ лагерь, потому что, стоя въ городѣ, лошади были ближе къ водопою, да и за фуражомъ не надо было отправляться далеко, такъ какъ въ городѣ, по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ казаками, оставленнаго фуража было много. Лучшихъ, безопаснѣйшихъ, болѣе удобныхъ и даже комфортабельныхъ траншей и ходовъ, вѣроятно, не видалъ еще ни одинъ осаждающій корпусъ. Понятно такимъ образомъ, что нарядъ въ цѣпь не считался вовсе отяготительнымъ для солдатъ. Расположены они здѣсь были гораздо удобнѣе нежели на нашемъ открытомъ бивуакѣ, а тутъ еще примѣшивался интересъ пошарить оставленный городъ, надежда найдти богатую добычу и пр.

Но и не для однихъ солдатъ оставленный городъ представлялъ много занимательнаго. Видъ пустынныхъ саклей, гдѣ еще остались свѣжіе слѣды ихъ исчезнувшихъ обитателей, невольно поднималъ въ головѣ весьма полное представленіе о домашнемъ образѣ жизни народа, раздѣленнаго отъ насъ всѣмъ: религіей, обычаями, всѣми условіями жизни. Интересъ возбужденъ безпрестанно. Каждый шагъ открываетъ вамъ что-нибудь новое.

Сакли, какъ городскія, такъ и деревенскія, совершенно одинаковы. Разницы въ нихъ нѣтъ никакой, вслѣдствіе крайняго равнодушія Сартовъ къ какимъ бы то ни было архитектурнымъ затѣямъ. Состоятъ они изъ одной или двухъ,

рѣдко трехъ, маленькихъ комнатъ, въ шесть или восемь квадратныхъ сажень, и вышиной около трехъ аршинъ. Въ нѣкоторыхъ комнатахъ есть по маленькому окошку, само собой разумѣется, безъ рамъ и безъ стеколъ. Бо́льшая же часть комнатъ получаютъ освѣщеніе чрезъ открытую дверь. Потолокъ забранъ тоненькими палочками изъ вѣтвей тополя, на которыхъ сверху наложенъ слой глины. Пола нѣтъ. Сакля, обыкновенно, окружена заборомъ, который выше сакли. Въ стѣнѣ сакли или къ забору придѣланы глиняныя кормушки. Иногда на одномъ и томъ же дворѣ поставлены двѣ сакли, изъ которыхъ одна, какъ видно по глинянымъ яслямъ, находящимся въ ней, назначается для скота. Кромѣ этихъ яслей, другой разницы между домомъ и хлѣвомъ у Сартовъ положительно нѣтъ никакой. Случается, что на дворѣ посажены два или три дерева, тогда дворъ называется садомъ. Попадаются иногда сакли побольше, съ пристроенною террасой или какою-либо другою затѣей, но внутренняя отдѣлка у всѣхъ одинакова. Вездѣ глина и глина. Если гдѣ замѣтна нѣкоторая претензія на красоту фасадовъ, такъ только въ заборахъ. Но ни въ одной саклѣ Джизагской не встрѣтилъ я расписныхъ стѣнъ и потолковъ и большихъ свѣтлыхъ комнатъ, какія случалось мнѣ встрѣчать въ домахъ богатыхъ жителей Ташкента, Ходжента или Туркестана. Одна сакля, впрочемъ, остановила мое вниманіе и даже не могла не возбудить улыбки. Сакля столь же маленькая, какъ и всѣ прочія, но всѣ стѣны ея, отъ потолка до полу, были оклеены бумажками и билетцами съ грошевыхъ русскихъ конфектъ, подобранными подъ какой-то особый, своеобразный, но довольно симметрическій узоръ. Не безъ удовольствія увидалъ я русскую грамоту на сартовской стѣнѣ, не безъ удовольствія перечиталъ множество глупыхъ билетцевъ, въ которыхъ объясняется, что „сердца любовниковъ смыкаетъ не цѣпь, а тонкій волосокъ“, или: „хочу тебя всечасно зрѣть, съ тобою жить и умереть“ и т. п.

Вездѣ оставались свѣжіе слѣды прежнихъ хозяевъ. Большіе глиняные немуравленые кувшины, въ родѣ того, изъ котораго Ревекка поила Елеазара, стояли наполненные водой. Прялки, домашняя утварь и вся бѣдная, въ высшей степени немногосложная хозяйственная принадлежность Сартовъ валялась тутъ же на полу. Все это грубо, дурно сдѣлано, нисколько не напоминаетъ Европы и девятнадцатаго столѣтія.

На плоскихъ крышахъ сакель навалены вязанки колючки, служащей кормомъ для верблюдовъ иословъ и употребляемой жителями вмѣсто топлива. На нѣкоторыхъ сакляхъ, очень рѣдко впрочемъ, сложены были и снопы джунгурчки. Нашимъ опытнымъ фуражирамъ, узнавшимъ, въ теченіи своей долгой службы въ Туркестанской области, кое-какія примѣты, попадались иногда большія ямы, наполненныя ячменемъ или пшеницей, несмотря на то, что ямы эти всегда были засыпаны подъ лицо съ землей. Иногда подобные запасы попадались и въ сакляхъ, причемъ дверь въ комнату была всегда заложена и тщательно замазана глиной. Подобное открытіе всегда было большимъ торжествомъ для всего отряда. Мгновенно по всему лагерю разносился слухъ, что тамъ-то, около Уратюбинскихъ воротъ, напримѣръ, нашли яму съ ячменемъ. Мгновенно стекались туда фуражиры отъ всѣхъ частей съ капами, мѣшками, саквами и пр., и капы, саквы, мѣшки, а иногда рубашки и шаровары, возвращались наполненныя житомъ..... Я перешагнулъ чрезъ разрушенный нашими солдатами заборъ; предо мною неожиданно открывается обширный и пустой караванъ-сарай, съ высокими, на пяти- или шестиаршинныхъ столбахъ утвержденными навѣсами. Иду далѣе. Нагнувшись, пролѣзаю въ низенькую калитку караванъ-сарайскаго забора, и я уже очутился на огромномъ базарѣ, съ длинными, крытыми соломой галлереями, напоминающими нѣсколько Московскій Гостиный дворъ, пониже Ильинки. Базаръ, впрочемъ, далеко не пустыненъ. Напротивъ, онъ въ настоящее время можетъ быть названъ самымъ оживленнымъ пунктомъ города, центромъ дѣятельности второй и третьей смѣны траншейныхъ карауловъ. Солдаты, не успѣвшіе еще убѣдиться, что дорогихъ товаровъ на базарѣ нѣтъ, а что купцы увезли ихъ въ крѣпость, съ крайнимъ любопытствомъ ломаютъ запоры и разбираютъ двери лавокъ, по большей части пустыхъ, и тутъ же приступаютъ къ обслѣдованію ихъ внутренности до мельчайшихъ подробностей.

Повсюду видны были шумныя группы и веселыя лица солдатъ, окружающихъ тѣхъ изъ изслѣдователей, добыча которыхъ была наиболѣе удачна. Въ одной лавкѣ кто-то нашелъ двѣ капы табаку (пудовъ въ десять каждая). Каждый изъ солдатъ считаетъ своею обязанностью проколоть каву

штыкомъ, и повертѣвъ штыкъ, насыпать въ карманъ благопріобрѣтеннаго зелья. Въ другой лавкѣ открыто нѣсколько мѣшковъ съ изюмомъ. Мѣшки съ жадностью тутъ же расхватываются и моментально расходятся по карманамъ солдатъ.

Ячмень, клеверъ, табакъ, изюмъ, съ которымъ, за неимѣніемъ и дороговизной сахара, здѣсь пьютъ чай, считались особенно пріятными находками. Пшеница же, просо и пр. непримѣнимые въ данную эпоху къ солдатскому быту предметы по большей части высыпались на землю. При этомъ надо прибавить, что подобное уничтоженіе рѣдко дѣлалось по злонамѣренности или по духу разрушенія. Оно было скорѣе слѣдствіемъ нѣсколько наивнаго пренебреженія къ самому матеріалу, простодушно почитаемому, по обстоятельствамъ минуты, никуда негоднымъ.

„Гляди-тко, Митричъ, что я нашелъ“, кричитъ бывало солдатъ другому, таща на плечахъ мѣшокъ съ пшеницей, и съ хохотомъ бросаетъ мѣшокъ на землю, при чемъ значительная часть пшеницы высыпается.

Митричъ высовываетъ свою небритую фигуру изъ сосѣдней лавки, гдѣ онъ былъ занятъ тѣмъ же интереснымъ дѣломъ, какъ и его товарищъ, и убѣдившись съ перваго взгляда въ негодности забарантованнаго предмета, тотчасъ же исчезъ въ свою лавку, съ досадой и пренебреженіемъ махнувъ рукой. Такъ мѣшокъ и лежитъ на землѣ. Никто его и не подберетъ, развѣ опять-таки кто-нибудь изъ солдатъ, плѣнившись добротностью матеріи, изъ которой мѣшокъ сшитъ, высыпитъ пшеницу на землю (не тащить же ея, въ самомъ дѣлѣ, въ закорму), а мѣшокъ, какъ предметъ емкаго свойства, приберетъ, съ тѣмъ, чтобы въ послѣдствіи, смотря по надобности, или сшить изъ него рубашку, или изрѣзать на подвертки.

Вообще о базарѣ надлежитъ сказать, что находясь также въ разстояніи около ста сажень отъ крѣпостной стѣны, онъ, несмотря на такое не совсѣмъ пріятное сосѣдство, былъ тѣмъ не менѣе любимымъ мѣстомъ сборищъ какъ для солдатъ, такъ и для офицеровъ. Это былъ клубъ, гдѣ постоянно можно было застать веселый кружокъ, собранный за чаемъ или закуской.

Популярности базара болѣе всего способствовало его закрытое положеніе. Пріѣдешь бывало изъ лагеря верхомъ.

Подъ навѣсомъ лавокъ всегда найдешь безопасное помѣщеніе и для себя, и для лошади. Столбовъ, слава Богу, много, есть за что привязать не одного, а пятьсотъ коней. Только переходъ съ одной стороны улицы на другую или, вѣрнѣе сказать, изъ одного ряда на другой, представлялъ нѣкоторую опасность. Ряды анфилировались съ джизагскихъ стѣнъ. Сарты не дремали, и чуть бывало покажется кто-нибудь на улицѣ, сейчасъ посылали нѣсколько пуль, а иногда и ядро,— что̀, впрочемъ, не мало способствовало къ развлеченію публики, обыкновенно мирно бесѣдовавшей въ это время подъ навѣсомъ и разражавшейся гомерическимъ смѣхомъ и градомъ остротъ, въ особенности если пуля или ядро пролетятъ близко, и разстрѣливаемый, въ видахъ избѣжанія опасности, сдѣлаетъ невольное и, конечно, всегда весьма неграціозное движеніе.

Часа три я проходилъ по городу, а по пути осмотрѣлъ и мѣсто для осадной батареи. Выборъ этотъ весьма незатруднителенъ, такъ какъ эспланада на большомъ разстояніи въ обѣ стороны отъ Самаркандской дороги имѣла одинаковую ширину. Надлежало слѣдовательно остановиться на саклѣ, ближайшей по возможности къ Самаркандской дорогѣ, съ тѣмъ чтобъ удобнѣе было доставить артиллерію на батареи. На наше счастіе, подлѣ самой дороги были три сакли, соединенныя заборами, которыхъ переднія, то-есть обращенныя къ Джизагу стѣнки были почти параллельны крѣпостной стѣны. Стѣнки сакель съ нѣкоторыми приспособленіями со стороны инженеровъ, повидимому, могли служить довольно сносными брустверами противъ бухарскихъ ядеръ малаго калибра. Къ сожалѣнію, посрединѣ одной изъ этихъ саклей, именно лѣвой крайней, находилась какая-то яма, отчего необходимымъ становилось употребить вмѣсто бруствера заднюю стѣнку, а переднюю разрушить. Общая длина всѣхъ трехъ сакель была такова, что представлялась возможность поставить за ними около шести орудій. Сакли, находившіяся позади, могли служить пороховыми погребками, совершенно безопасными отъ бухарской артиллеріи, не имѣющей мортиръ, а разрушивъ сзади нѣсколько заборовъ, можно было сдѣлать проходъ отъ этой импровизованной батареи, по которому заряженное орудіе могло безопасно пройдти не только ночью, но даже и днемъ.

Къ обѣду я вернулся въ лагерь. Неудачная фуражировка облегченной батареи превратилась въ полевое сраженіе. Оказалось, что изъ лагеря двинулись всѣ войска, и для прикрытія его осталось всего двѣ роты. Все высшее начальство наше отправилось также въ ущелье, откуда наши войска вернулись лишь въ восемь часовъ вечера. Возвратившіеся изъ ущелья разказывали, что войска наши встрѣтили большую банду бухарской конницы, тысячи въ три человѣкъ, которая заняла ущелье Челанъ-Уты. Это былъ отрядъ, шедшій на подкрѣпленіе джизагскаго гарнизона, съ восьмнадцатью, какъ говорили, орудіями. Увидавъ приближеніе нашихъ войскъ, Бухарцы тотчасъ же и очень быстро стали отступать. Наши ихъ преслѣдовали чрезъ все ущелье вплоть до небольшой крѣпости Яны-Курганъ, находившейся около южной стороны ущелья. Не доходя версты двѣ или три до крѣпости, отрядъ послалъ одинъ выстрѣлъ по Яны-Кургану и затѣмъ возвратился въ лагерь. Тѣмъ сраженіе это и кончилось. Дождавшись возвращенія нашихъ войскъ изъ ущелья, я отправился въ штабъ, чтобы донести командующему войсками о самаркандской осадной батареѣ и получить распоряженія относительно завтрашней рекогносцировки. Я засталъ генерала верхомъ, собиравшагося ѣхать въ Джизагъ, откуда въ это время слышался сильный ружейный и артиллерійскій огонь. Большое зарево стояло надъ Джизагомъ, и мѣстахъ въ четырехъ видны были на горизонтѣ огненные языки. Такую дѣятельность ночью мы не могли не найдти очень странною, зная по опыту отвращеніе и какой-то суевѣрный страхъ, которые Сарты питаютъ къ ночнымъ военнымъ предпріятіямъ. Поэтому всѣ мы поспѣшили въ городъ. По пріѣздѣ на мѣсто оказалось, что дѣйствительно, вопреки своему обычаю, Сарты сдѣлали вылазку, вѣроятно съ цѣлію зажечь сакли и расширить эспланаду. Ночная вылазка дѣло всегда темное, и потому многаго узнать о ней мы не могли.

Въ цѣпи застали мы суматоху страшную. Всѣ горячились, бѣгали взадъ и впередъ, не зная въ точности гдѣ непріятель, и никто, конечно, не могъ намъ разказать въ чемъ собственно дѣло заключалось, потому что едва ли кто и зналъ о совершившейся вылазкѣ болѣе нежели мы знали. Очевидцы нѣкоторыхъ отдѣльныхъ ея эпизодовъ могли разказать кое-что объ этихъ эпизодахъ и только, но какъ, откуда, въ

какихъ силахъ и съ какою цѣлію произведена была вылазка, осталось покрыто мракомъ неизвѣстности, — общая судьба всѣхъ ночныхъ стычекъ. Краснорѣчивыми свидѣтелями вылазки были лишь нѣсколько труповъ, да нѣсколько раненыхъ солдатъ, принесенныхъ на перевязочный пунктъ, да еще пять или шесть пылающихъ саклей. Вообще присутствіе въ Джизагѣ регулярныхъ войскъ, а въ особенности, вѣроятно, Туркменцевъ и Афганцевъ, далеко превосходящихъ храбростью и знаніемъ военнаго дѣла Сартовъ, сильно сказывалось. Въ Ура-Тюбе бухарскія ружья и артиллерія по ночамъ молчали. Здѣсь же именно ночью и ружейный, и артиллерійскій огонь былъ особенно силенъ. Сильнѣйшаго напряженія огонь этотъ достигалъ на разсвѣтѣ. Уратюбинскіе бѣглецы разказали, вѣроятно, по прибытіи въ Джизагъ, о штурмѣ Урусовъ, и Джизагцы, опасаясь штурма на разсвѣтѣ, каждое утро усиливали огонь. При осадѣ Ура-Тюбе не было ни одной вылазки. Здѣсь же каждую ночь выходили изъ крѣпости отряды Сартовъ и съ криками „Аллахъ!“ или „Уръ!“ (бей) бросались на наши передовые пикеты. Очевидцы, солдаты Самарскаго баталіона, занимавшіе цѣпь на базарѣ, разказывали мнѣ, какъ въ эту ночь человѣкъ девять конныхъ Бухарцевъ выскакали на базарную улицу, прорвались чрезъ цѣпь, заколовъ на смерть одного часоваго пиками, и ушли въ горы, не потерпѣвъ никакой потери. Кто были эти смѣльчаки: гонцы ли отъ Алайаръ-хана, везшіе эмиру письмо съ требованіемъ помощи, или же это были бѣглецы, которые, по примѣру бекскаго посланника, не сомнѣваясь въ близкомъ паденіи Джизага, рѣшились положиться на темноту ночи и рѣзвость своихъ скакуновъ и силой пробиться чрезъ русскую цѣпь—Богъ ихъ знаетъ.

Съ такимъ смутнымъ понятіемъ о цѣли и подробностяхъ бухарской вылазки мы вернулись въ лагерь часовъ въ одиннадцать вечера. Командующій войсками торопился: онъ настаивалъ на томъ, чтобы на другой день, во что бы то ни стало, вооружены были осадныя батареи, и тутъ же сдѣлалъ распоряженіе, чтобы поутру исполнена была несостоявшаяся сегодня рекогносцировка, а между тѣмъ приказалъ на другой день съ ранняго утра усилить осаду открытіемъ навѣснаго огня по внутренности крѣпости. Послѣдняя мѣра была, впрочемъ, почти лишняя: у насъ были всего четыре маленькія полупудовыя мортирки, и на нихъ оставалось не

болѣе какъ 200 и 250 гранатъ на всѣ четыре. Трудно что-нибудь сдѣлать съ такими ничтожными средствами. Да и навѣсный огонь вообще едва ли,—я говорю свое личное мнѣніе,—можетъ назваться хорошимъ средствомъ противъ сартовскихъ городовъ. Едва ли онъ въ состояніи подвинуть Азіятцевъ къ сдачѣ крѣпости, даже если употребленъ въ большихъ размѣрахъ. Сарты особенно способны играть пассивную роль въ военныхъ операціяхъ. Поставьте противъ ихъ города десятки мортиръ, закидайте его чугуномъ, городъ едва ли сдастся на капитуляцію. Блѣдные отъ страха, дрожащіе Сарты будутъ ждать, стоя на стѣнахъ, момента, когда послѣдній изъ гарнизона будетъ убитъ осколкомъ бомбы, но крѣпости не сдадутъ.

Вѣрно исполняя приказаніе командующаго войсками, 15-го октября, въ шесть часовъ утра, мы двинулись, въ составѣ трехъ ротъ, по направленію къ городу. Намъ, конечно, удобнѣе всего было бы обходить крѣпость въ разстояніи по возможности ближайшемъ отъ джизагскихъ стѣнъ, но, къ сожалѣнію, улицы Джизага построены до невѣроятности безтолково. Три большія улицы или, лучше сказать, дороги, ведущія къ тремъ крѣпостнымъ воротамъ, о которыхъ мнѣ случалось говорить выше, были, въ особенности для азіятскаго города, весьма прямы и исправны. Высохшій, прожженный грунтъ, состоящій изъ чернозема и глины съ небольшою примѣсью гальки давалъ этимъ дорогамъ и видъ и свойства настоящаго, отлично содержимаго шоссе; дороги эти сходились крестомъ къ центру города, такъ же какъ и наши московскія улицы сходятся къ Кремлю; но за то соединительныхъ, поперечныхъ переулковъ почти совсѣмъ нѣтъ, или по крайней мѣрѣ ихъ очень немного, и только развѣ джизагскій старожилъ можетъ запомнить нелѣпую систему, по которой они построены. Лишнее я полагаю прибавлять, что всѣ эти переулки были кривы, узки, извилисты до невѣроятной степени, а очень часто и совершенно глухіе. Поэтому, не рискуя подвести отрядъ подъ огонь бухарскихъ ружей и орудій, анфилировавшихъ три большія дороги (правда, на небольшомъ отъ крѣпостныхъ стѣнъ разстояніи), мы должны были довѣриться какому-то плѣнному Джизагцу, который повелъ насъ съ Самаркандской на Уратюбинскую дорогу по тому же самому пути, по которому третьяго дня ходилъ отрядъ П.* Ну

ужь и дорогу же указалъ намъ Бухарецъ! Намъ понятно стало, почему отрядъ П.* не дошелъ до дороги, и мы поблагодарили судьбу, что при насъ нѣтъ артиллеріи. Взятые съ отрядомъ патронные ящики и тѣ затрудняли насъ въ высшей степени. Только разчищая безпрестанно дорогу помощью саперовъ, ломая заборы, заравнивая рвы, чуть не на рукахъ перенося эти ящики, мы медленно подвигались впередъ.

При самомъ дебушированіи на Уратюбинскую дорогу лежалъ трупъ Сарта, убитаго при рекогносцировкѣ третьяго дня. Его уже попробовали голодныя городскія собаки, да, кажется, и соотечественники не забыли, ибо сапоги съ него были сняты. Выйдя на дорогу, мы двинулись впередъ. По дорогѣ нашли нѣсколько бухарскихъ артиллерійскихъ снарядовъ, которые, вѣроятно, разсыпались при поспѣшной перевозкѣ вооруженія изъ оставленной крѣпости Зааминъ.

Повторилось въ точности то же самое, что и при рекогносцировкѣ третьяго дня Самаркандской дороги. Точно такъ же наткнулись мы на завалъ, на этотъ разъ сложенный изъ хворосту. Точно такъ же безъ всякаго затрудненія его разобрали, и прошедши нѣсколько саженъ далѣе, увидали въ устье улицы Джизагскую стѣну съ такою же огромною профилью, какъ и въ участкѣ, выходящемъ на Самаркандскую дорогу. Опять очистили дорогу, разсыпали людей вправо и влѣво отъ нея и подошли къ концу эспланады, которая и въ этомъ мѣстѣ также была шириной сажень во сто.

Около Уратюбинскихъ воротъ приблизительно должно было, согласно составленному предположенію, строить вторую брешь-батарею, ибо мы не желали растягивать наши силы, выбравъ для атаки пунктъ крѣпостной стѣны, находящійся въ слишкомъ далекомъ разстояніи отъ самаркандской батареи. Инженерные офицеры безъ затрудненія и очень скоро выбрали мѣсто для батареи, предположивъ перестроить ее, такъ же какъ и самаркандскую, изъ сакли.

Проводникъ повелъ насъ тѣми же неудобными сообщеніями на Ташкентскую дорогу. При переходѣ или, лучше сказать, при перебѣганіи нашими людьми Уратюбинской дороги, одинъ изъ людей былъ раненъ пулей.

Долго и долго мы еще двигались по кривымъ переулкамъ Джизага, отъ времени до времени подходя къ эспланадѣ и осматривая стѣны. Вышли на Ташкентскую дорогу. Опять

завалъ, на этотъ разъ глиняный. Намъ уже надоѣло разбирать эти завалы, надо сказать правду, совершенно безполезные для Сартовъ, и мы его оставили. Къ чему Сарты ихъ строили, да еще на мѣстахъ не защищенныхъ артиллерійскимъ огнемъ съ крѣпостной стѣны, рѣшительно невозможно объяснить.

Наконецъ къ третьему часу пополудни мы успѣли обойдти правую сторону крѣпости, и ставъ съ сѣверо-восточной стороны ея, заняли какую-то мечеть, предъ которою эспланада была лишь въ 60—80 саженъ шириной. Можно было, съ нѣкоторою вѣроятностью, полагать, что Сарты, не ожидая осады съ этой стороны, обращенной на безводную степь (по которой въ прошломъ году подходилъ къ Джизагу генералъ Черняевъ), и имѣя свѣдѣнія, что русскій отрядъ двигается отъ Ура-Тюбе, обратили здѣсь сравнительно меньшее вниманіе на усиленіе профилей. По разказамъ плѣнныхъ и преимущественно вышеупомянутаго бекскаго посланника, ставшаго, по отреченіи своемъ отъ всякой солидарности съ гарнизономъ Джизага, несравненно болѣе разговорчивымъ и откровеннымъ, и ровъ здѣсь имѣлъ значительно меньшіе размѣры, сравнительно со рвомъ предъ стѣной между Самаркандскими и Уратюбинскими воротами. Но за этимъ пунктомъ былъ одинъ коренной недостатокъ. Онъ былъ слишкомъ далекъ отъ нашего лагеря, имѣвшаго весьма выгодное положеніе, ибо лагерь стоялъ у устья ущелья Челанъ-уты, на сообщеніяхъ Джизага съ Самаркандомъ. Послать отдѣльный отрядъ въ обходъ и расположить его отдѣльнымъ лагеремъ съ сѣверной стороны Джизага, какъ это было сдѣлано при осадѣ Ура-Тюбе, также едва ли было раціонально. Такое распоряженіе раздробило бы и ослабило наши силы и безъ того ставшія малочисленными послѣ значительныхъ потерь подъ Ура-Тюбе и отдѣленія гарнизоновъ въ занятыя нами крѣпости Ура-Тюбе и Зааминъ. Да и кромѣ того, передвиженіе отряда отняло бы довольно много времени, по крайней мѣрѣ день, а командующій войсками желалъ, во что бы то ни стало, начать осадныя работы въ ночь съ 15-го на 16-е октября.

Былъ уже третій часъ, и слѣдовательно поздно было продолжать обходное движеніе. Мы вернулись въ лагерь, на сей разъ минуя по возможности городскія улицы и строенія, затруднявшія движеніе нашихъ патронныхъ ящиковъ. Опредѣлившійся

теперь вполнѣ планъ осады былъ весьма простъ. Предположено было построить двѣ батареи: одну у Самаркандской, другую у Уратюбинской дороги, и пробивъ обвалы въ стѣнахъ, послать штурмовыя колонны.

Въ ту же ночь, какъ я выше говорилъ, надлежало приступить къ постройкѣ батарей. Каждую изъ осадныхъ батарей приказано было строить лишь на два орудія. На Самаркандскую дорогу должна была послать свои орудія батарейная, а на Уратюбинскую облегченная батарея. Остальныя же: дивизіонъ облегченной и взводъ батарейной батареи * надлежало оставить въ лагерѣ.

Вообще слѣдуетъ замѣтить, что артиллеріи въ походъ взято было болѣе чѣмъ слѣдуетъ. Подъ Ура-Тюбе во время осады, гдѣ именно артиллеріи предоставлена была главная роль, половина батарей оставалась въ лагерѣ въ бездѣйствіи; подъ Джизагомъ также. Безъ всякаго вреда для пользы дѣла эту половину артиллеріи мы могли бы оставить дома въ Ташкентѣ или Ходжентѣ, потому что и при половинномъ числѣ орудій заботы командировъ, по вооруженіи батареи, изъ боязни разстрѣлять заряды, постоянно направлялись къ тому, чтобъ умѣрять скорость огня, производя изъ трехъ или четырехъ орудій стрѣльбу столь рѣдкую, что, безъ всякой торопливости, ее можно было производить и изъ одного или двухъ орудій. Такое уменьшеніе численности артиллеріи полезно было бы въ видахъ уменьшенія глубины походныхъ колоннъ, а главное, въ видахъ уменьшенія числа коней въ отрядѣ, продовольствіе которыхъ въ столь малонаселенной и бѣдной странѣ, какова Средняя Азія, во время похода представляетъ иногда довольно серіозныя затрудненія.

Еще до наступленія темноты потянулись изъ лагеря по Самаркандской дорогѣ арбы, нагруженныя турами и фашинами. Несмотря на артиллерійскій огонь, который Бухарцы ежедневно усиливали по вечерамъ, арбы эти, безъ всякихъ препятствій и потерь, подошли на разстояніе двухсотъ саженъ отъ стѣны, и инженерные матеріалы свалены были въ одномъ изъ переулковъ.

Часовъ въ 7 вечера и наши лошади были также заамму-

* Одинъ взводъ батарейной батареи, какъ читатель, вѣроятно, помнитъ, оставленъ былъ въ Ура-Тюбе.

ничены, и батарея вытянулась за переднюю линейку. По Самаркандской дорогѣ двинута была рота, долженствовавшая исправлять обязанности резерва, занимая позицію на серединѣ разстоянія отъ цѣпи до лагеря.

Двинулись войска для постройки Уратюбинской батареи. Вслѣдъ за ними отправились и наши четыре орудія.

Съ первою темнотой саперы начали строить осадную батарею на Самаркандской дорогѣ, и часамъ къ 11 намъ объявили, что она уже почти кончена. Работъ по ея постройкѣ было очень немного, такъ какъ батарея перестраивалась изъ забора. Вся работа заключалась въ томъ, что за заборомъ, долженствовавшимъ служить брустверомъ, устанавливали туры въ два яруса, насыпали ихъ землей, и затѣмъ, пробивъ амбразуру въ заборѣ, навѣшивали на нее деревянный заслонъ для защиты отъ пуль внутренности баттареи.

Одновременно съ постройкой батареи, рабочіе пробили ходы сообщенія для орудій, опрокинувъ для этой цѣли нѣсколько заборовъ. Часовъ въ 11, никакъ не позже, батарейныя орудія, стоявшія при резервѣ и дожидавшіяся тамъ окончанія постройки батареи, повзводно двинулись занимать позиціи. Отцѣпили уносы, которые только путались бы по узкимъ и извилистымъ переулкамъ Джизага, и на однихъ коренникахъ, которымъ прислуга помогала лямками, двинулся первый взводъ. Не входя подъ выстрѣлы, анфилировавшіе Самаркандскую дорогу, взводъ повернулъ въ переулокъ направо и сталъ пробираться между разрушенными заборами. За нимъ точно такимъ же порядкомъ послѣдовалъ второй взводъ, и въ нѣсколько минутъ вооруженіе батареи было окончено, такъ что Сарты, вѣроятно, и не замѣтили этой операціи. Огня, конечно, до разсвѣта не открывали. А между тѣмъ, въ ожиданіи предстоящей дѣятельности, немедленно почти по вооруженіи батарей, начались на досугѣ, для препровожденія времени, вѣроятно неизбѣжныя въ большей части случаевъ, пререканія между артиллерійскими офицерами и саперомъ-строителемъ.

По обыкновенію, артиллерійскіе офицеры были не довольны построенною батареей. Наша же батарея въ особенности оставляла желать весьма многаго. Оказалось, что брустверая ея, состоящіе изъ тонкой глиняной стѣны заборовъ и сакель, сзади которыхъ примкнуты были въ одинъ рядъ туры, наполненныя обломками этихъ стѣнъ, вопреки ожиданіямъ,

составляли плохое прикрытіе, которое едвали бы выдержало удары даже бухарскихъ ядеръ, такъ какъ глиняные обломки, наполнявшіе туры, превратившись въ мелкую пыль, еще до открытія огня стали изъ нихъ высыпаться. Находившійся предъ Самаркандскими воротами бастіонъ бралъ насъ во флангъ. Наконецъ, какъ ни высоки были бруствера нашей батареи, но крѣпостныя стѣны были еще выше, и нельзя было отойдти и двѣнадцати шаговъ отъ бруствера, чтобы насъ не открыли орудія и ружья, находившіяся на вершинѣ стѣны. Строитель-инженеръ защищалъ свою постройку какъ умѣлъ, ссылаясь на невыгодность своего положенія, на невозможность удачно рѣшить трудную задачу передѣлать изъ забора брустверъ. Дѣйствительно, пожалуй, что инженеръ былъ правъ. Очень вѣроятно, что легче было построить новый брустверъ нежели передѣлать его изъ забора. Трудно дефилировать и внутренность батареи отъ такихъ высокихъ стѣнъ, каковы джизагскія, а фронтъ ея опредѣленъ былъ не инженеромъ, онъ опредѣлялся направленіемъ стѣнъ джизагскихъ сакель, изъ которыхъ батарея была передѣлана. Впрочемъ, для успокоенія общественнаго мнѣнія, выведенъ былъ съ лѣвой стороны какой-то безобразный туровой траверзъ, съ затѣйливымъ на концѣ заворотомъ. Хорошая сторона нашей батареи была та, что она была построена всего чуть ли не въ полчаса, и значитъ, еслибъ она и развалилась отъ бухарскихъ или нашихъ собственныхъ выстрѣловъ, то въ этомъ большой бѣды не было бы; мы бы, какъ это въ послѣдствіи и приходилось дѣлать, приставили свои туры къ стѣнѣ сосѣдней сакли, и новая батарея, взамѣнъ разрушенной старой, въ самомъ скоромъ времени была бы готова.

Часу въ первомъ ночи мнѣ надлежало отправиться на другой флангъ нашихъ осадныхъ работъ, гдѣ должна была строиться другая брешь-батарея. Разстояніе между этими батареями, по прямому направленію, было невелико: саженъ 300 или 250, но такъ какъ между обоими флангами осадныхъ работъ въ стѣнахъ сакель не было пробито прямыхъ ходовъ сообщенія, то приходилось дѣлать большой объѣздъ версты въ три или четыре. Слѣдовало ѣхать назадъ къ лагерю по Самаркандской дорогѣ, только въ недальномъ разстояніи отъ лагеря повернуть налѣво, и пробираясь по тѣмъ самымъ переулкамъ, по которымъ вчера шли мы на рекогносцировку, выйдти на Уратюбинскую дорогу.

Въ сопровожденіи шести казаковъ, поѣхалъ я крупною рысью по Самаркандской дорогѣ. Впереди скакалъ казакъ-проводникъ. Ночь была превосходная и для октября мѣсяца достаточно теплая, мороза не было. Полная луна ярко блестѣла надъ городомъ, освѣщая характеристическую наружность джизагскихъ строеній. Глиняныя сакли казались совершенно бѣлыми отъ ея бѣлаго блеска. Освѣщенный непривычнымъ луннымъ свѣтомъ, весь городъ принималъ какую-то странную, фантастическую физіономію. Топотъ коней звучно раздавался по твердому грунту. Изрѣдка лишь прерывался этотъ монотонный звукъ окликомъ часоваго:

— Кто ѣдетъ?

— Казакъ, отзывался проводникъ, и затѣмъ снова слышался одинъ лишь стукъ копытъ по высокому грунту, да бряцаніе сабель. Быстро подвигались мы впередъ. Трехверстный крюкъ, отдѣлявшій насъ отъ работъ праваго фланга, мы проѣхали очень скоро. Часу во второмъ ночи пріѣхалъ я на уратюбинскую батарею. Тамъ дѣла шли далеко не такъ успѣшно, какъ у насъ. Всѣ труды нашего утра пропали даромъ. Сарты, немедленно по удаленіи рекогносцирующаго отряда, сдѣлали вылазку и успѣли расширить эспланаду, разрушивъ тѣ именно сакли и заборы, которые были нами намѣчены для передѣлки въ батарею.

Я засталъ нашъ отрядъ въ моментъ полнаго смущенія. Такое совершенно непредвидѣнное обстоятельство заставило всѣхъ опустить руки. Орудія уже были привезены, роты пришли изъ лагеря, только батарея не была готова. Мало того, Бухарцы такъ отдѣлали мѣстность, гдѣ по утру стояли выбранныя нами для передѣлки въ батарею сакли, что въ настоящую минуту, мѣстность эту положительно невозможно было узнать. Нечего дѣлать, людей и лошадей размѣстили по пустымъ саклямъ, а инженеры наскоро принялись отыскивать новое мѣсто для батареи. Только подъ самое утро, когда я уже вернулся восвояси, мѣсто окончательно было выбрано и приступлено было къ постройкѣ.

Такимъ образомъ утромъ, 16-го октября, лишь одна наша батарея могла открыть огонь. Положеніе ея было, вслѣдствіе этого, совершенно не выгодное. Въ возможности обвалить стѣну никто не сомнѣвался, но, открывая огонь ранѣе батареи на Уратюбинской дорогѣ, мы увеличивали тѣмъ время, опредѣленное для сдѣланія бреши, что было намъ крайне не

выгодно. Бухарцы могли успѣть подготовиться къ тому, чтобы ночью заложить, сдѣланный въ теченіи дня обвалъ; а зарядовъ у насъ было мало: нашего комплекта хватило бы на одинъ день стрѣльбы, но едва ли бы его достало на двое сутокъ.

Я возвратился тѣмъ же путемъ на нашу батарею. Тамъ уже все готово было къ открытію огня. Орудія стояли предъ амбразурами, закрытыми деревянными заслонами, зарядные ящики помѣщены были въ одну изъ сакель, находившихся позади площадки. Лошади отправлены въ лагерь.

Лишнее, я полагаю, упоминать, что въ теченіи всей ночи Бухарцы не прекращали ружейнаго и артиллерійскаго огня, направляя его вообще удачно. Съ разсвѣтомъ стали и мы отвѣчать неторопливымъ и правильнымъ огнемъ. Зубцы стѣнъ, по сартовскому обыкновенію, не слишкомъ толстые, повалились въ самомъ скоромъ времени и затѣмъ медленно и постепенно начали мы сбивать вершину стѣны, срѣзывая ее понемногу ядрами и гранатами, надо сказать правду, рвавшимися очень рѣдко. Разчитывая, что намъ придется долго ждать постройки уратюбинской батареи, не оконченной въ эту ночь, мы не спѣшили бить обвалъ. Мы не желали показать Бухарцамъ силу нашихъ орудій, чтобы не возбудить въ нихъ слишкомъ большаго опасенія за прочность своихъ стѣнъ и не побудить ихъ такимъ образомъ къ усиленной дѣятельности по задѣлкѣ произведенныхъ нашими орудіями брешей. Въ теченіи всего дня, 16-го октября, мы сбили стѣну менѣе нежели на два аршина.

Выстрѣлъ за выстрѣломъ, съ довольно большими промежутками, посылала наша батарея, и каждый разъ глина мелкою пылью осыпалась на берму.

На батарею, какъ на мѣсто дѣйствія, изъ лагеря начали приходить офицеры, свободные отъ занятій, и батарея смѣнила базаръ въ должности клуба.

Часовъ въ 10 утра, сколько я помню, заговорили орудія и на нашемъ правомъ флангѣ.

Правый флангъ скоро, удачно и мастерски вышелъ изъ своего затруднительнаго положенія. Когда я, въ 12 часовъ утра, поѣхалъ опять на уратюбинскую батарею, тамъ дѣла шли какъ нельзя лучше. Батарея была уже построена, и построена на-ново, изъ туровъ, а не передѣлана изъ заборовъ;

отъ чего она вышла красавицей въ сравненіи съ нашею безобразною батареей. Позиція ея была въ высшей степени удачна. Такихъ удобствъ, которыми пользовалась тамъ артиллерійская прислуга, трудно гдѣ-либо встрѣтить. За то артиллеристы-солдаты и отзывались о батареѣ, называя ее *гостинницей*. Дѣйствительно, на довольно высокой площадкѣ, которую хорошо дефилировали туровые брустверa, находилось нѣсколько деревьевъ. Позади ея вырытъ былъ большой прудъ, а фланги примыкали къ прочнымъ саклямъ. Когда я пріѣхалъ на батарею, дѣятельность кипѣла тамъ полная.

Молодые артиллерійскіе офицеры командовали взводами и съ жаромъ юношескаго увлеченія вели стрѣльбу. На нихъ любо было смотрѣть. Съ раскраснѣвшимися хорошенькими личиками, съ разгорѣвшимися глазками, поскидавъ сюртуки, они позабыли все на свѣтѣ, ничего не видали и не слыхали, что̀ около нихъ происходило, и только перебѣгали отъ орудія къ орудію, повѣряя прицѣливаніе и бойко покрикивая „первое“, „второе“.

Старшіе, болѣе солидные, видавшіе виды офицеры, какъ оно и слѣдуетъ людямъ привычнымъ, относились къ дѣлу гораздо равнодушнѣе. Успокоившись послѣ ночной передряги, вызвавшей экстренностью своею ихъ полную дѣятельность, они въ настоящую минуту отдыхали отъ трудовъ прошлой ночи, и предоставивъ молодежи горячиться сколько ей угодно, сами рѣзались въ штоссъ въ близь-стоявшей саклѣ, гдѣ, ко времени моего пріѣзда, оборотъ игры достигъ уже весьма почтенной цифры.

Живо велся огонь. Поминутно слышались команды „первое“, „второе“. Поминутно орудія отскакивали отъ брустверa, посылая въ стѣну гранаты. Обвалъ замѣтно увеличивался. Въ моментъ моего пріѣзда, онъ не только не уступалъ, а даже превосходилъ по количеству отсыпанной глины обвалъ нашей самаркандской батареи. Непріятель отвѣчалъ также живымъ огнемъ. Его ядра съ трескомъ раскалывали деревья, стоявшія на батареѣ, осыпая прислугу листьями и щепками, или вязли въ туровомъ брустверѣ, не пробивая его.

На правомъ флангѣ уратюбинской батареи, саженяхъ въ тридцати въ сторону, поставлены были маленькія полупудовыя мортирки, или какъ ихъ здѣсь называютъ, собачки.

Онѣ стояли за какою-то тоненькою стѣнкой и также по мѣрѣ силъ громили Джизагъ своимъ невиннымъ огнемъ.

Вмѣстѣ съ другомъ моимъ М*, командовавшимъ всѣмъ правымъ флангомъ и показывавшимъ мнѣ свои батареи, мы прошли посмотрѣть что̀ дѣлаютъ мортирки. Мелькавшіе изъ-за зубцовъ стѣны сарбазы въ красныхъ халатахъ послали по насъ нѣсколько пуль, когда мы проходили незакрытое ничѣмъ пространство до мортирной батареи.

Тамъ Л*, осужденный на одиночество и, вѣроятно, скучая имъ страшно, придумалъ для развлеченія своего особую забаву, которую тутъ же и показалъ намъ, несказанно обрадовавшись нашему приходу. Дѣло заключалось въ томъ, что около самыхъ Уратюбинскихъ воротъ, на широкой бермѣ, находился дозорный путь, и устроенъ былъ небольшой плацдармъ, занятый бухарскимъ карауломъ. Л* бросалъ на тотъ плацдармъ гранату. Бухарцы, завидя летящую гранату, опрометью кидались съ плацдарма въ калитку стѣны, причемъ, какъ ни крючились, имъ приходилось высовывать свои головы изъ-за не высокаго бруствера. На этотъ случай поставлено было нѣсколько стрѣлковъ, которые мгновенно открывали по этимъ головамъ огонь. Выждавъ разрывъ гранаты, Бухарцы возвращались на плацдармъ, а Л* хохоталъ, потѣшаясь этою комедіей. Продѣлавъ раза три эту штуку и приглядѣвшись, какъ Бухарцы бѣгаютъ отъ гранатъ, мы вернулись на свои батареи.

Однообразно потянулся скучный и утомительный день 16-го октября, день, измѣряемый—вмѣсто часовъ и минутъ—интервалами отъ выстрѣла до выстрѣла. О распоряженіяхъ насчетъ штурма еще не было никакого слуха, а потому къ вечеру ясно стало, что на слѣдующій день, 17-го октября, штурма нельзя было ожидать. День кончился. Потянулась длинная ночь, а живость нашего огня нисколько почти не уменьшилась. Судя по дѣятельности гарнизона, надлежало ожидать, что Бухарцы воспользуются ночью, чтобы задѣлать обвалы, и съ нашей батареи, вслѣдствіе этого, чрезъ каждыя пять или три минуты посылался выстрѣлъ картечью по бреши. Артиллерійскіе офицеры распорядились принести изъ лагеря шинели, полушубки и ковры, и въ мерлонѣ между первымъ и вторымъ орудіемъ постланы были постели, на которыхъ мы и расположились провести ночь, смѣняясь поочередно для командованія орудіями. Далеко не

спокойно провели мы эту ночь. Опасеніе что Бухарцы задѣлаютъ обвалъ, не позволяло почти ни на одну минуту сомкнуть глаза командовавшимъ орудіями офицерамъ, да признаться сказать, и жалко намъ было тратить наши снаряды на слѣпую ночную стрѣльбу. Часамъ къ тремъ на ясномъ небѣ появился полный мѣсяцъ, довольно ярко освѣтившій джизагскую стѣну. Но непривычное, невѣрное лунное освѣщеніе, съ своими черными тѣнями, обманывало глазъ и не разрѣшало нашихъ сомнѣній. Бѣлѣла глиняная стѣна. Ярко чернѣлось на ней большое черное пятно бреши—и только. Задѣланъ ли обвалъ или нѣтъ, не могъ различить самый острый глазъ. Только тогда, когда лунный свѣтъ смѣшался съ первыми лучами восходящаго солнца, ясно стало, что Бухарцы сдѣлали кое-какія приготовленія для ночныхъ работъ по задѣлыванію бреши, но къ работамъ этимъ, отражаемые нашею картечью, приступить не осмѣлились.

М. ЗИНОВЬЕВЪ.

(*До слѣд. №.*)

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

802-19
200

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ.

ТОМЪ СЕМЬДЕСЯТЪ ПЯТЫЙ.

1868

ІЮНЬ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ПЕТРА III. Гл. I — II. П. К. Щебальскаго.

II. ОСАДА УРА-ТЮБЕ И ДЖИЗАГА. Воспоминанія объ осенней экспедиціи 1866 года въ Туркестанской области. Окончаніе. М. А. Зиновьева.

III. ИЗЪ ЗАПИСОКЪ НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА ГРЕЧА.

IV. МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ СКОТТИ. Н. А. Рамазанова.

V. НИЗОВЬЯ ДУНАЯ. А. Н. Веселовскаго.

VI. ЗА ВОЛГОЙ. Разказъ. Гл. I.—VI. Андрея Печерскаго.

VII. ИДІОТЪ. Романъ. Часть вторая. Гл. VI—VIII. Ѳ. М. Достоевскаго.

VIII. УСПѢХИ ФИЗИКИ. I. Ученіе о сохраненіи энергіи въ природѣ. Н. А. Любимова.

IX. РАЗЛИЧНЫЯ ФАЗЫ ВОСТОЧНАГО ВОПРОСА. 1866—1868. V.—VI. Алека.

X. ОТЗЫВЫ И ЗАМѢТКИ. Университетская исторія.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

МОЯ НЕВѢСТКА. Романъ. Переводъ съ англійскаго. Часть третья. Гл. VII—XV.

ЛУННЫЙ КАМЕНЬ. Романъ. Соч. Вильки Коллинза. Переводъ съ англійскаго. Періодъ второй. Окончаніе 1-го разказа. Разказъ 2-й; гл. I.

Какія же причины и соображенія могли побудить шведское правительство къ такой неожиданной уступчивости?

На всѣ эти вопросы отвѣтъ заключается въ трактатѣ, къ которому было приступлено немедленно по подписаніи мирнаго договора, но не въ той части трактата которая напечатана въ *Полномъ Собраніи Законовъ* и доступна общему изученію, а въ той, которая, подъ названіемъ *секретныхъ артикуловъ*, до послѣдняго времени оставалась тайною и была оглашена въ первый разъ Фр. Шмидтомъ въ его превосходномъ изслѣдованіи *Fréderic II, Catherine et le partage de la Pologne*; эти секретные артикулы заключаютъ въ своей совокупности ту политическую систему, которую Россія готова была, казалось, усвоить, отчасти вслѣдствіе личныхъ мнѣній своего государя, отчасти вслѣдствіе вліянія на него короля прусскаго. Этихъ секретныхъ артикуловъ три; они касаются вопросовъ датско-гольштейнскаго, курляндскаго и польскаго. Въ какомъ положеніи былъ первый изъ этихъ вопросовъ, когда Петръ III вступилъ на престолъ,—намъ уже извѣстно; два остальные, курляндскій и польскій, составятъ содержаніе слѣдующихъ двухъ главъ нашего труда.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

П. ЩЕБАЛЬСКІЙ.

ОСАДА УРА-ТЮБЕ И ДЖИЗАГА*

XIV.

Рано утромъ 17-го октября я получилъ приглашеніе прибыть къ 12 часамъ къ командующему войсками на военный совѣтъ. Предварительно я заѣхалъ на уратюбинскую батарею съ тѣмъ, чтобы ѣхать въ лагерь вмѣстѣ съ М*. На уратюбинской батареѣ произошла маленькая непріятность. Воспользовавшись прекращеніемъ артиллерійскаго огня, Бухарцы успѣли за ночь задѣлать обвалъ, заваливъ его хворостомъ. Не знаю, какія мѣры они приняли для утвержденія своей баррикады, но она высилась наравнѣ съ зубцами стѣны, сопротивляясь выстрѣламъ, сыпавшимся на нее съ батареи. Командующіе взводами молоденькіе офицеры, какъ легко себѣ представить, были сильно огорчены такимъ внезапнымъ уничтоженіемъ труда предыдущаго дня. Неудача эта, впрочемъ, только усугубила ихъ ревность.

Вмѣстѣ съ М* мы поѣхали въ лагерь. У командующаго войсками собралось человѣкъ восемь офицеровъ, принимавшихъ участіе въ военномъ совѣтѣ.

На совѣтѣ этомъ предстояло рѣшать, впрочемъ, не очень многосложные вопросы. Надлежало лишь выбрать часъ для штурма и назначить начальниковъ штурмовыхъ колоннъ. Послѣдній вопросъ, конечно, не могъ затруднить генерала. Въ отрядѣ было много старыхъ, храбрыхъ и опытныхъ офицеровъ, одно назначеніе которыхъ въ начальники давало много шансовъ къ успѣху. Двѣ колонны, долженствовавшія штурмовать 8-го октября джизагскую стѣну, поручены были Г* и М*. Относительно времени штурма, генералъ Романовскій

* Окончаніе. См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 3, 4 и 5.

предложилъ на этотъ разъ отступить отъ возведеннаго почти въ законъ правила, принятаго въ здѣшней области, штурмовать крѣпость постоянно на разсвѣтѣ, и полагалъ назначить штурмъ въ полдень. Предложеніе это было совершенно основательно, какъ въ видахъ внезапности штурма, котораго, по примѣру прошлыхъ осадъ, Бухарцы, конечно, будутъ ждать также на разсвѣтѣ, такъ и потому, что во время настоящаго полнолунія не было рѣзкаго перехода отъ темноты къ свѣту. Ночи были столь свѣтлы, что бухарскіе часовые, конечно, могли бы съ высоты своихъ стѣнъ видѣть ночныя приготовленія къ штурму и стягиваніе штурмовыхъ колоннъ на батарею. Наконецъ, примѣръ послѣдней ночи показалъ, что штурмовыя колонны, брошенныя на стѣны, могутъ встрѣтить бреши задѣланными. Полусвѣтъ лунныхъ ночей, такимъ образомъ, гораздо болѣе благопріятствовалъ Бухарцамъ нежели намъ. Между тѣмъ, собирая колонны въ десять часовъ, мы ничѣмъ не обнаруживали предъ Бухарцами нашихъ намѣреній, ибо въ десять часовъ, въ занятой нами части города, постоянно происходило движеніе войскъ, такъ какъ въ этотъ часъ ежедневно смѣнялись роты траншейнаго караула. Итакъ штурмъ былъ назначенъ въ полдень 18-го октября. Не успѣлъ еще окончиться военный совѣтъ, какъ въ юрту ,командующаго войсками прибылъ съ уратюбинской батареи Л*. Еще при входѣ его въ юрту, по особенной торжественности, написанной на его лицѣ, мы догадывались, что онъ, вѣроятно, привезъ какую-нибудь весьма пріятную новость. Дѣйствительно, онъ доложилъ генералу, что засѣка, сдѣланная Бухарцами на обвалѣ, противъ уратюбинской батареи, уступила наконецъ выстрѣламъ и цѣликомъ свалилась въ ровъ, увлекши въ своемъ паденіи много земли. Мы поздравили съ этою пріятною новостью командовавшаго батареей, который было сильно сконфузился происшествіемъ ночи, сконфузился до такой степени, что когда на слѣдующее утро, 18-го октября, онъ сталъ разсматривать обвалъ, ему долго, какъ онъ самъ въ послѣдствіи признавался, мерещилось, что обвалъ опять и совершенно задѣланъ, несмотря на то что вслѣдствіе сильнаго картечнаго огня, не прекращавшагося на уратюбинской батареѣ въ теченіе всей ночи, на этотъ разъ Бухарцы, какъ кажется, даже и не приступали къ этой работѣ.

Получивъ приказаніе держать въ секретѣ результатъ военнаго совѣта, мы отправились въ городъ. По пріѣздѣ на батарею, насъ, конечно, сейчасъ же осадили офицеры съ вопросами: когда штурмъ, какія на этотъ счетъ распоряженія. Мы, сдѣлавъ самыя серіозныя физіономіи, отвѣчали, что мы ничего еще не знаемъ и ничего еще въ точности не опредѣлено. Убѣдившись въ нашей скромности, насъ оставили, не безъ подозрѣнія, конечно, насчетъ правдивости нашихъ словъ.

Съ тою же регулярностью, какъ и вчера, продолжали стрѣльбу. Несмотря на кажущуюся прочность крѣпостной ограды, она уступала выстрѣламъ. Сбито было уже около четырехъ аршинъ стѣны. Отсыпавшаяся глина у подошвы, на бермѣ, заняла также аршина два или три, и оставался слѣдовательно небольшой участокъ, аршина въ два, обвалить который мы, конечно, успѣли бы въ два или три часа.

Батарея наша держалась, хотя и плохо. Глина постоянно высыпалась изъ туровъ. Отъ времени до времени пули, пробивая пустой туръ, со звономъ били въ тѣла орудій. Одно ядро, пробивъ брустверъ, пало на землю какъ разъ между колесами лафета. Отъ нашихъ собственныхъ выстрѣловъ загорѣлась сакля, за стѣной которой стояло второе орудіе. Тотчасъ же вовнутрь ея полѣзли двое солдатъ и безъ труда потушили пожаръ.

Впрочемъ, такъ какъ мы находились на батареѣ уже вторыя сутки, то къ подобнымъ мелочнымъ и незначительнымъ происшествіямъ всѣ уже успѣли привыкнуть и почти не замѣчали ихъ. Лежа на коврахъ, прислонившись спиной къ стѣнѣ, составлявшей брустверъ батареи, всѣ мы, за исключеніемъ очередныхъ офицеровъ, командовавшихъ орудіями, не знали чѣмъ сократить слишкомъ продолжительный вечеръ. Заклятыхъ игроковъ въ карты на нашей батареѣ не было, и потому чай и разговоры, надо сказать правду, не очень оживленные, оставались единственнымъ рессурсомъ. Точно такъ же какъ и первый, прошелъ и второй день безсмѣннаго дежурства на батареѣ. Опять стало темнѣть. За короткими сумерками вскорѣ послѣдовала и совершенная темнота.

Зажечь на батареѣ огонь было бы невыгодно, потому что, освѣщая батарею, мы слишкомъ бы облегчили прицѣливаніе орудій Бухарцамъ, и безъ того порядкомъ насъ донимавшимъ; но такъ какъ оставаться въ темнотѣ также было

непріятно, то откуда-то достали стеариновый огарокъ, воткнули его въ пустую бутылку, и придвинувъ по возможности ближе къ брустверу, устроили салонъ для нашихъ многочисленныхъ посѣтителей. Вопросомъ особенной важности, привлекавшимъ къ себѣ общее вниманіе въ настоящую минуту, было опредѣленіе, конечно совершенно гадательное, размѣровъ джизагскихъ профилей, которыя должны мы были штурмовать. Мы еще не знали глубины рва предъ обваломъ, мы не знали какъ велики затрудненія, предстоящія штурмовымъ колоннамъ, какъ великъ шансъ на успѣхъ штурма. Командующій войсками еще съ утра выразилъ желаніе, чтобы предъ обваломъ былъ вымѣренъ ровъ. По вызову явилось нѣсколько охотниковъ, съ большею или меньшею готовностью вызвавшихся въ эту же ночь, пользуясь темнотой, подползти къ краю рва и смѣрить контръ-эскарпъ. К*, пріѣхавшій недавно въ Туркестанскую область, но успѣвшій уже при осадѣ Ура-Тюбе показать свою выходящую изъ ряда храбрость и настоятельнѣе другихъ заявившій на этотъ разъ желаніе свое идти къ стѣнѣ, удержалъ этотъ подвигъ за собой. Время до восхода луны было наиболѣе благопріятнымъ для исполненія опаснаго предпріятія. Мѣшкать, слѣдовательно, было нечего.

Достали откуда-то двѣнадцати-аршинный шнуръ, тутъ же на батареѣ къ концу шнура привязали камень. Кто-то принесъ десятиствольный револьверъ, и К* отправился въ опасную экспедицію, въ сопровожденіи унтеръ-офицера своей роты, Соинова, вызвавшагося идти вмѣстѣ съ своимъ ротнымъ командиромъ. Напутствуемый пожеланіями успѣха отъ товарищей, онъ перелѣзъ чрезъ заборъ, составлявшій брустверъ. Въ послѣдній разъ мелькнула, освѣщенная слабымъ свѣтомъ нашего огарка, его стройная фигура на вершинѣ бруствера, и затѣмъ К* исчезъ, утонувъ въ глубокой темнотѣ, окружавшей батарею. Нѣсколько минутъ полнаго молчанія проводили храбраго К*. Очень скоро, впрочемъ, прерванный разговоръ возобновился попрежнему, какъ будто забыли и К* и его опасное предпріятіе.

„Нѣтъ, господа, рано еще Бухарцамъ убить К*“, раздается вдругъ надъ нашими головами знакомый голосъ, и вслѣдъ за тѣмъ и самъ К* съ веселымъ лицомъ спрыгиваетъ съ бруствера, очутившись такимъ образомъ какъ разъ посреди нашего скучающаго общества. Товарищи, конечно, обступили

храбраго К*, принесшаго разрѣшеніе всѣхъ насъ интересовавшаго вопроса, поздравляя его съ успѣхомъ. К* началъ разматывать шнуръ, на которомъ онъ узломъ сдѣлалъ замѣтку отмѣренной длины. Разматывалъ, разматывалъ К* свой шнуръ, точно конца ему не было. Наконецъ размоталъ. Смѣрили. Оказалось почти девять аршинъ. Немалая глубина! Какъ самъ К* разказывалъ, что изъ-за темноты онъ не могъ хорошенько разсмотрѣть дно рва, но ручался, что глубина именно такая, какая имъ обозначена на шнурѣ, что контръ-эскарпъ, какъ и эскарпъ, совершенно отвѣсны, и что во рву, или около, поставленъ караулъ, потому что онъ собственными ушами слышалъ говоръ Бухарцевъ. Девять аршинъ рва да одиннадцать почти аршинъ стѣны, всего безъ малаго семь саженъ. Надо отдать справедливость Алайаръхану, укрѣплявшему Джизагъ: порядочную задачу собирается дать онъ завтра нашимъ штурмовымъ колоннамъ, и не малую въ то же время услугу въ эти два дня оказали наши батареи, отсыпавъ стѣну и понизивъ, такимъ образомъ, профиль на одиннадцать аршинъ.

XV.

Начало разсвѣтать. Восходящее солнце застало нашу батарею въ періодъ самой усиленной дѣятельности. До штурма оставалось только четыре часа, а влѣзши на крышу сакли, составлявшей часть бруствера нашей батареи, можно былъ убѣдиться, что несмотря на нашъ частый картечный огонь ночью, Бухарцы напрягали всѣ усилія чтобы задѣлать обвалъ, и не безуспѣшно. По краямъ бреши они успѣли вывести какія-то стѣнки изъ своихъ, сплетенныхъ изъ лыка, туровъ, а на серединѣ обвала брошено было нѣсколько огромныхъ капъ съ землей. Желая употребить съ наибольшею пользой послѣдніе часы, мы не жалѣли снарядовъ. Бухарцы также, какъ видно, не забыли уратюбинскаго урока. Напуганные нашими штурмами на разсвѣтѣ, они и въ это утро производили частый огонь, какой только позволяла численность ихъ артиллеріи. Огонь съ обѣихъ сторонъ достигъ такимъ образомъ полнаго напряженія. Точно играя въ мячъ, мѣнялись обѣ стороны выстрѣлами. За каждымъ выстрѣломъ слѣдовалъ тотчасъ же отвѣтный выстрѣлъ, и правильно и быстро, одно за другимъ, летѣли ядра со стѣны

на батарею и съ батареи на стѣну. Жутко и въ то же время весело было смотрѣть на эту исполненную жизни и одушевленія картину. Грохотъ выстрѣловъ не прерывался. Сквозь неумолкаемую трескотню слышны были лишь команды перваго нумера: *зарядъ*, *зарядъ*. Дымъ и пыль густымъ облакомъ стояли на батареѣ. Едва видны были огоньки выстрѣловъ и суетившаяся около орудій прислуга, едва видно было какъ отскакивали отъ бруствера орудія, мелькая мѣднымъ своимъ тѣломъ и зеленью лафетовъ. На сто саженъ орудія наши били безъ промаху. Какъ рукой снимали они туръ за туромъ. Вотъ уже послѣдняя капа, подъ которую угодило ядро, тяжело пошатнулась на мѣстѣ и медленно, неуклюже покатилась по обвалу. Афганскіе артиллеристы также отличались. Брустверa нашей батареи были пробиты въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Командуя батареей съ вершины своихъ стѣнъ, Бухарцы, несмотря на высоту ея бруствера, осыпали пулями площадку батареи, такъ что сообщеніе съ зарядными ящиками, находившимися въ саклѣ позади батареи, становилось весьма затруднительнымъ. Особенно одно бухарское орудіе, поставленное на лѣвой крайней башнѣ фронта, сильно насъ безпокоило своею замѣчательно мѣткою стрѣльбой. Ежеминутно посылало оно ядро. Пролетѣвъ надъ самымъ гребнемъ бруствера, ядро съ трескомъ било въ стоявшую позади батареи саклю съ зарядными ящиками. Сакля каждый разъ вздрагивала отъ удара. Облако пыли поднималось отъ ея глинянымъ стѣнъ, и летѣли щепки отъ разбитыхъ ядромъ деревянныхъ столбовъ. Узкія амбразуры, прорѣзанныя по направленію на обвалъ, не позволяли намъ обратить свои выстрѣлы въ сторону, противъ бухарской артиллеріи, и потому намъ очень кстати были присланы двѣ четырехъ-фунтовыя нарѣзныя пушки, гранаты которыхъ, сверхъ того, были намъ очень полезны и для разравниванія обвала. Тотчасъ же пристроили одно орудіе съ лѣвой стороны батареи, а другое съ правой, поставивъ его въ саклю, наружная стѣна которой выходила на эспланаду. Послѣ трехъ, четырехъ выстрѣловъ сакля зашаталась, готовясь рухнуть на стоящее внутри орудіе. Артиллеристовъ это нисколько не смутило. Вывезли орудіе, подкатили его къ забору, проломали дыру, и амбразура была готова. Авось выдержитъ пятнадцать или двадцать выстрѣловъ: больше отъ нея и не потребуется. А если и не выдержитъ, большой бѣды нѣтъ, ибо не долго пробить и

новую такую же амбразуру. Мы начали сбивать зубцы у башенъ, между которыми находился обвалъ, а также зубцы туръ-бастіона, закрывавшаго Самаркандскія ворота и фланкировавшаго подступъ къ бреши. Я протелъ въ сторону посмотрѣть обвалъ сбоку. Изъ одного переулка, находившагося въ разстояніи 80 шаговъ отъ батареи и дебушировавшаго на эспланаду, видна была профиль бреши. Обвалъ былъ полный—стѣна совсѣмъ отсыпана и отлогимъ скатомъ спускалась на широкую берму. Сбоку хорошо было видно, какъ осыпавшаяся стѣна все легче и легче уступала снарядамъ, какъ отъ каждаго удара ядра струйка глины стекала на берму.

По мѣрѣ приближенія двѣнадцати часовъ мы стали ослаблять нашъ огонь, желая усыпить вниманіе Бухарцевъ. На джизагской стѣнѣ также стало тише. Зловредное орудіе лѣваго барбета замолчало. Подбито ли оно было нашими выстрѣлами, или же бухарскіе артиллеристы сами пожелали отдохнуть, неизвѣстно. А между тѣмъ, въ ожиданіи штурма, на батарею стала собираться публика, точно на какой-нибудь спектакль. Людямъ уже было объявлено о часѣ штурма. Пришедшіе давали совѣты участникамъ какъ ставить лѣстницы, какъ употребить веревки. На площадкѣ батареи легли принесенныя откуда-то огромныя штурмовыя лѣстницы. До штурма остается полчаса.

Батарея наша почти замолчала. Съ невыразимымъ нетерпѣніемъ ждалъ я полудня. То и дѣло рука опускалась въ карманъ за часами. Нестерпимо долгими казались эти минуты. За прекращеніемъ огня дѣлать положительно стало нечего, и представился полный просторъ разнымъ сомнѣніямъ и, надо признаться, неотразимому волненію. Отыскивая какое-либо занятіе для наполненія этихъ несносно-длинныхъ минутъ, ходишь взадъ и впередъ по площадкѣ, то, безъ всякой нужды, отправишься на мортирную батарею, которой къ 12 часамъ приказано придвинуться къ нашей, то пойдешь спросить фейерверкера Дружинина, завѣдывавшаго зарядными ящиками, о состояніи комплекта батареи, хотя Дружининъ всего пять минутъ тому назадъ подалъ записку о расходѣ зарядовъ.

Но вотъ остается всего пять-семь минутъ. Роты, назначенныя въ штурмовую колонну, придвигаются къ батареѣ. Людей разстанавливаютъ около лѣстницъ; они молча

занимаютъ свои мѣста. На всѣхъ лицахъ видна какая-то серіозная сосредоточенность. Кое-кто крестится. Среди общей тишины слышится наконецъ ни тихо, ни громко произнесенная команда начальника колонны: *господа, выводите роты*. Вотъ уже подняли лѣстницы и молча выходятъ на эспланаду рота за ротой, перешагнувъ чрезъ опрокинутые туры траншеи.

Предположеніе генерала Романовскаго оправдалось. Сарты никакъ не ждали штурма. Люди успѣли пройдти саженъ двадцать, и только тогда загорѣлась огнями джизагская стѣна. Роты пошли бѣгомъ съ обычнымъ *ура*.

Резервъ, артиллерійская прислуга, окончившая свое дѣло, всѣ повысунулись изъ-за брустверовъ, не обращая вниманія на пули, густо летѣвшія со стѣны. Притаивъ дыханіе, не смѣя оторвать глазъ, зорко смотрятъ они, нетерпѣливо ожидая готовящейся развязки кровавой драмы. У зрителей невольно вырываются отрывистыя замѣчанія и поясненія всему что происходитъ. Вижу: шаговъ пятнадцать впереди своей роты летитъ храбрый К*, своею блестящею отвагой безпрестанно вырывая громкія *ура* и восторженные клики: *молодецъ*. Вотъ онъ уже спустился въ ровъ и исчезъ на одно мгновеніе, вотъ уже изъ-за головъ штурмовой колонны, толпящейся на контръ-эскарпѣ, видна его фуражка, видно какъ онъ поднялся по лѣстницѣ и лѣзетъ по бреши, стрѣляя изъ револьвера по Бухарцамъ, стоящимъ на стѣнѣ и уставившимъ на него пики:

„Огнемъ въ нашихъ кидаютъ“ замѣчаетъ рядомъ со мной стоящій артиллеристъ. „К* упалъ!“ вскрикиваетъ кто-то съ другой стороны. „Нѣтъ, опять поднялся,“ отвѣчаетъ другой голосъ.

Прикрытіе не выдержало. Точно сговорившись, безъ всякой команды, кинулись люди съ батареи и бѣгомъ пошли на обвалъ съ криками *ура*.

Въ это время около Уратюбинскихъ воротъ взлетѣло на воздухъ большое круглое облако бѣлаго дыма, дрогнула земля, и раздался взрывъ. Взлетѣвшее облако стало медленно подниматься и разсѣиваться на голубомъ небѣ. Когда я, отвлеченный на мгновеніе взрывомъ, обратился снова къ штурмовой колоннѣ, то увидалъ, что брешь была уже покрыта нашими солдатами, казавшимися маленькими какъ мухи на огромной джизагской стѣнѣ. Канонада со

стѣны прекращается. Взводъ нарѣзной батареи беретъ на передки и рысью идетъ къ стѣнѣ. Я сажусь на первую попавшуюся осѣдланную лошадь и также отправляюсь вслѣдъ за взводомъ.

Едва переѣхалъ я траншею, вижу, несутъ окровавленныя носилки.

— Кого несете?

— Поручика К*, ваше —родіе.

Бѣдный К*! Онъ не успѣлъ дойдти на верхъ стѣны и палъ проколотый пикой, которою Сартъ ударилъ его въ поясницу.

Я ѣду далѣе. Нагоняю нашихъ генераловъ, собирающихся проникнуть въ крѣпость чрезъ Самаркандскія ворота. Пристраиваюсь къ нимъ. Проникнуть въ городъ, однакожь, оказывается дѣломъ не совсѣмъ легкимъ.

Хотя въ туръ-бастіонѣ саперы и выломали ворота и кое-какъ успѣли завалить ровъ, но засыпанныя на-глухо и крѣпко задѣланныя исполинскія ворота въ крѣпостной стѣнѣ не уступаютъ усиліямъ. Нарѣзной взводъ стоитъ внутри бастіона и не можетъ двинуться впередъ.

Простоявъ минутъ десять въ ожиданіи, не удастся ли саперамъ разбить ворота топорами, мы скоро убѣдились, что работа ихъ окончится развѣ только къ вечеру. Поѣхали налѣво, вдоль по крѣпостной стѣнѣ, искать другихъ воротъ. Стѣна молчала. Нѣсколько труповъ лежало на бермѣ и во рву. Упали ли Бухарцы въ ровъ, подстрѣленные нашими пулями, или же, обезумѣвъ отъ страху, бросились со стѣны, желая вырваться изъ этого глинянаго ящика, въ который заключили ихъ беки,—неизвѣстно. Мы подъѣхали къ Камышъ-Курганскимъ воротамъ. Ворота эти были также забиты, а ровъ не заваленъ, и пробраться чрезъ него конному было невозможно.

Я окликнулъ нашихъ солдатъ, голоса которыхъ слышны были со стѣны, приказывая имъ отворить ворота. Но никто, какъ кажется, не услыхалъ меня. За стѣной слышался какой-то глухой шумъ. Крики солдатъ, стонъ раненыхъ, гулъ выстрѣловъ, все сливалось въ одинъ неопредѣленный и смутный ропотъ. Тамъ за стѣной работали штыкъ и пуля.

Нечего дѣлать. Пришлось вернуться назадъ отыскивать Уратюбинскія ворота. За нами уже столпилась толпа мародеровъ, желавшихъ также взойдти въ городъ. Это были

по большей части наши аробщики-Сарты, которые, нисколько не стѣсняясь патріотическими и религіозными предразсудками, отправлялись грабить своихъ бывшихъ соотечественниковъ.

„*Наши* взяли Джизагъ", вѣроятно, говорили они на своемъ языкѣ, и чувство радости, ярко написанное на ихъ лицѣ, краснорѣчиво говорило за участіе, которое принимали эти новые подданные Россіи въ этомъ новомъ успѣхѣ русскаго оружія. Чтобы спугнуть ихъ, я въ шутку выстрѣлилъ надъ головами ихъ изъ револьвера. Услышавъ выстрѣлъ, Сарты отхлынули-было назадъ, но убѣдившись тотчасъ же въ своей безопасности, опять приблизились, осклабивъ свои физіономіи и улыбкой показывая, что они понимаютъ что *тура* (такъ называютъ они русскихъ офицеровъ) шутитъ.

Послѣ взятія Ура-Тюбе, многіе изъ Сартовъ, Ташкентцевъ и Ходжентцевъ, находившихся въ нашемъ отрядѣ, приходили къ русскимъ офицерамъ поздравлять ихъ съ побѣдой. Вотъ каковы отношенія между Сартами сосѣднихъ городовъ, каковы связи, соединяющія ихъ другъ съ другомъ!

Мы поѣхали вдоль по атакованному фронту къ Уратюбинскимъ воротамъ. Опять попадаются лазаретныя носилки навстрѣчу.

— Кого несете?

— Поручика А*, былъ отвѣтъ.

Невольныя слезы брызнули изъ моихъ глазъ при видѣ этой новой жертвы. А*, съ которымъ я ѣхалъ вмѣстѣ изъ Россіи, былъ со мной особенно друженъ. Въ отрядѣ не было болѣе близкаго мнѣ человѣка. Еще вчера я видѣлъ его на батареѣ М*, здороваго и сильнаго, а теперь.... Съ поблѣднѣвшими губами и широко раскрытыми мутными глазами, онъ сидѣлъ на носилкахъ, придерживая лѣвою рукой свою правую руку, разбитую ружейною пулей. Взбѣжавъ первымъ на обвалъ около Уратюбинскихъ воротъ, онъ принялъ на себя цѣлый залпъ отъ толпы сарбазовъ, стоявшей на валгангѣ за обваломъ. Я не могъ не проводить раненаго А* до перевязочнаго пункта, и только передавъ его съ рукъ на руки докторамъ, вернулся отыскивать ворота. Потерявъ такимъ образомъ своихъ спутниковъ, я только послѣ долгихъ поисковъ нашелъ, наконецъ, ворота, чрезъ которыя могъ проникнуть въ городъ,—ворота Уратюбинскія. Первое, что поразило меня удивленіемъ, едва переступилъ я

черту джизагскихъ стѣнъ, это невиданная до сихъ поръ мною въ азіятскихъ крѣпостяхъ громадность фортификаціонныхъ построекъ, вблизи казавшихся еще громаднѣе нежели съ нашей батареи. Длинною, непрерывною линіей тянулась грозная передняя стѣна, унизанная многочисленными башнями. Глубокій ровъ, какъ мнѣ показалось, такихъ же размѣровъ какъ и ровъ предъ переднею стѣной (то-есть около четырехъ саженъ ширины и глубины) находился и предъ второю. Вся внутренность крѣпости покрыта была оборонительными работами. Куда ни посмотришь, вездѣ стѣна, ровъ, опять стѣна, и все это такихъ размѣровъ, какіе едва ли можно гдѣ встрѣтить. Какъ кроты какіе-нибудь, изрыли Бухарцы всю внутренность своей крѣпости фортификаціонными постройками. Какихъ страшныхъ трудовъ, какихъ невѣроятныхъ усилій должна была стоить эта гигантская работа, и для чего же? Для чего Бухарцы строили четыре стѣны, когда съ паденіемъ первой все предалось самому безумному бѣгству? Для чего они, видя уже подъ стѣнами своими непобѣдимаго непріятеля, превосходство котораго они хорошо знали, еще продолжали копать рвы и усиливать свои профили, если пяти или шести нашихъ охотниковъ, вбѣжавшихъ на стѣну, достаточно было, чтобы рѣшить паденіе крѣпости? А между тѣмъ они завалили крѣпостныя ворота и отрѣзали такимъ образомъ себѣ всякій путь къ отступленію, рѣшившись, повидимому, защищать крѣпость во что бы то ни стало. Исполненіе всѣхъ этихъ работъ несомнѣнно требовало много настойчивости, много энергіи. Невольно задаешь вопросъ: почему же въ употребленіи оборонительныхъ средствъ не оказали они ни искры той настойчивости, какая видна въ созиданіи?

Вся исторія нашихъ завоеваній въ Средней Азіи представляетъ рядъ подобныхъ же эпизодовъ, въ которыхъ самымъ страннымъ образомъ перемѣшиваются энергія и малодушіе, настойчивость и трусость нашихъ соперниковъ. Слѣдившихъ за ходомъ военныхъ событій въ Средней Азіи навѣрное поразитъ тотъ странный фактъ, что ни одинъ сколько-нибудь значительный городъ не сдался до сихъ поръ на капитуляцію, * несмотря на то что въ теченіе продолжи-

* Исключеніемъ въ этомъ отношеніи служитъ Туркестанъ, взятый генераломъ Веревкинымъ въ 1863 году безъ штурма. Сдачу

тельной войны мы взяли одинъ за другимъ множество городовъ штурмомъ, заканчивая каждый разъ штурмъ кровопролитіемъ. Азіятцы, конечно, очень хорошо знаютъ страшныя подробности этой кровавой лѣтописи нашихъ военныхъ дѣйствій въ Средней Азіи, но тѣмъ не менѣе всѣ города и крѣпости, встрѣчавшіеся на пути нашихъ завоеваній, мы брали силой.

Безпрекословно повинуясь волѣ своего владыки, Сарты послушно остаются на стѣнахъ города, слѣдятъ за всѣми фазами осады, видятъ заложеніе нашихъ брешь-батарей, видятъ какъ подъ нашимъ артиллерійскимъ огнемъ падаютъ и разрушаются ихъ стѣны, въ теченіе всей осады неутомимо заваливаютъ бреши, углубляютъ рвы, усиливаютъ профили, отстрѣливаются и, не покидая своего поста, безропотно ждутъ послѣдняго момента, когда нѣсколько нашихъ храбрецовъ, подъ градомъ сыплющихся на нихъ пуль и ядеръ, вбѣгутъ на стѣны; ждутъ для того лишь, чтобы безъ всякаго почти сопротивленія пасть подъ оружіемъ разгоряченныхъ штурмомъ солдатъ.

Одинъ изъ плѣнниковъ джизакскихъ, Караулъ-бекъ, случайно избѣгнувшій смерти при штурмѣ города, чрезъ нѣсколько дней послѣ штурма весьма наивно описывалъ впечатлѣніе, производимое на него, да, вѣроятно, и на всѣхъ Бухарцевъ, атакой русскихъ войскъ.

„Пока стрѣляютъ“, говорилъ Караулъ-бекъ, „еще ничего, но никто не можетъ вынести вида, когда солдатъ идетъ штыкомъ впередъ: страшно такъ, что бѣжишь невольно.“

При такомъ образѣ мыслей бухарскихъ воиновъ, при такой ихъ впечатлительности, понятны станутъ результаты полевыхъ сраженій, каковы Узу-Нагатское, Ирджарское и Яны-Курганское. Понятно почему подъ Ирджаромъ генералъ Романовскій потерялъ лишь двѣнадцать человѣкъ, а полковникъ Абрамовъ подъ Яны-Курганомъ одного человѣка: будь въ этихъ сраженіяхъ не сорокъ, а сто тысячъ Бухарцевъ,— результаты были бы одинаковые. Въ войнѣ съ Азіятцами идите только впередъ, и вы останетесь побѣдителями. Оши-

---

этого города приписываютъ тому, что въ Туркестанѣ находилась извѣстная по всей Средней Азіи мечеть Азретъ. Желая сохранить ее отъ дѣйствія нашей артиллеріи, жители сдали городъ.

баются слѣдовательно тѣ, которые думаютъ, что перевѣсъ въ бою надъ Азіятцами даетъ намъ болѣе совершенное оружіе. Истинный перевѣсъ нашъ не въ матеріальной, а въ нравственной силѣ. Болѣе слабая воля магически подчиняется и уничтожается предъ другою волей, болѣе сильною. И не трудно найдти разъясненіе этому вполнѣ естественному явленію. Никакой внутренней связи, никакого нравственнаго тяготѣнія вы не встрѣчаете у Сартовъ. Даже слова „отечество“ нѣтъ на ихъ языкѣ. Деспотизмъ азіятскихъ правителей и постоянные кровавые перевороты породили въ Азіятцахъ неувѣренность и постоянный страхъ за цѣлость жизни и имущества и поселили въ нихъ полнѣйшее равнодушіе къ политической жизни. Не все ли имъ равно, кто будетъ ихъ бить и грабить, коканскій ли ханъ, или бухарскій эмиръ? Одинъ не старый еще Ташкентецъ разказывалъ мнѣ, что на его памяти Ташкентъ три раза взятъ былъ Бухарцами и не помню сколько разъ Коканцами. Можетъ ли столь частое повтореніе кровавыхъ переворотовъ не поселить въ жителяхъ полнѣйшей апатіи? Вотъ причина, почему азіятскіе города, разъ взятые, такъ легко поддаются русскому владычеству. Тяготѣніе ихъ къ Бухарцамъ или Коканцамъ не сильнѣе тяготѣнія къ Русскимъ. Народнаго движенія опасаться здѣсь нечего, потому что движенія эти совершаются во имя общихъ національныхъ идей, а такихъ идей нѣтъ у Азіятцевъ. При такомъ нравственномъ состояніи народа, для возбужденія его остаются, какъ говорятъ, одни лишь сильныя внѣшнія средства, напримѣръ, возбужденіе религіознаго фанатизма. Но признаться сказать, что поживъ между Сартами (правда, очень немного времени), я никакъ не могу себѣ представить никакого общаго народнаго движенія, даже побуждаемаго фанатизмомъ. Тысячная толпа гдѣ-нибудь въ Бухарѣ или Самаркандѣ будетъ кричать и бѣсноваться на улицахъ, посылая проклятія гяурамъ, разорветъ, можетъ-быть, въ клочки какаго-нибудь несчастнаго русскаго купца или плѣнника, если онъ попадется имъ подъ руку, но народъ не поднимется на борьбу, требующую героизма и самоотверженія.

Бухарская армія собрана и держится лишь внѣшнею силой, силой бека. Связь поддерживается чувствомъ страха. Эмиръ приказалъ держаться въ крѣпости до послѣд-

ней крайности, и мусульмане, не смѣя ослушаться приказаній жестокаго и неумолимаго деспота, который кстати же и глава церкви, неутомимо роютъ и поворачиваютъ землю, воздвигаютъ гигантскія постройки, на которыхъ безпотно умираютъ. Трупы почти всѣхъ девятнадцати бековъ, находившихся въ Джизагѣ, и въ числѣ ихъ тѣло верховнаго правителя Джизага, Алайаръ-хана, найдены были на стѣнахъ. Беки въ точности выполнили волю эмира. Они дѣйствительно держались на стѣнахъ *до послѣдней крайности*. Пассивная сторона обороны ведена превосходно, потому что Азіятецъ, терпѣвшій въ теченіе всей своей жизни, выучился терпѣть. Раненые Сарты изумляли всѣхъ насъ своимъ необыкновеннымъ терпѣніемъ. Мнѣ случалось видѣть Сартовъ изколотыхъ какъ рѣшето, но никогда не слыхалъ я отъ нихъ ни крика, ни стона, вырваннаго физическою болью. Къ терпѣнью пріучилъ ихъ безпощадный деспотизмъ, тяготѣвшій надъ Азіей вѣками. Но этотъ же самый деспотизмъ разрушилъ личныя качества каждаго солдата, потому что чувство страха не можетъ сдѣлать человѣка храбрымъ, разрушилъ связь арміи, такъ какъ не можетъ быть связи у арміи, не имѣющей отечества.

Эмиръ могъ приказать своимъ Бухарцамъ завалить крѣпостныя ворота и такимъ образомъ умереть, защищая крѣпость, но онъ не могъ заставить ихъ хладнокровно выдерживать натискъ Русскихъ и разубѣдить нашего почтеннаго Караулъ-бека, что невозможно не бѣжать, когда русскій солдатъ идетъ штыкомъ впередъ.

XVI.

Проникнувъ за первую стѣну, я поѣхалъ налѣво, вдоль по валгангу, надѣясь скоро отыскать мостъ и ворота во второй стѣнѣ, съ тѣмъ чтобы попасть въ цитадель. Оказалось, что это дѣло не легкое. Спросить было не у кого. Сартовъ живыхъ, конечно, не встрѣчалось, а изъ нашихъ солдатъ попадались на встрѣчу лишь тѣ, которые, вступивъ послѣдними въ городъ и увѣрившись немедленно, что крѣпость взята, и что слѣдовательно впередъ двигаться не зачѣмъ, тутъ же занялись добычей. Промежутокъ между первою и

второю стѣной служилъ мѣстомъ лагеря бухарскаго гарнизона. Гарнизонъ былъ многочисленный и отборный. Въ лагерѣ находились девятнадцать бековъ, богато снарядившихся на войну съ Русскими. Пожива, слѣдовательно, была не малая. На всѣ мои вопросы: „гдѣ ворота во второй стѣнѣ?“ былъ одинъ лаконическій и торопливый отвѣтъ: „Не могу знать“. которымъ едва удостоивалъ меня вопрошаемый, занятый въ это время или снятіемъ дорогой сабли или латъ съ убитаго Бухарца, или же уборкой роскошной цвѣтной палатки какого-нибудь бека. Какъ ни много прошло времени отъ штурма, какъ ни велика была жадность нашихъ солдатъ прибрать къ рукамъ лагерь, еще много оставалось палатокъ и юртъ не снятыми, много коней не пойманными, много оружія и богатаго платья неприбраннымъ. Не получивъ такимъ образомъ никакихъ указаній, пришлось ѣхать наудачу вдоль по стѣнѣ. Навстрѣчу мнѣ попался Н*, желавшій, такъ же какъ и я, проникнуть въ цитадель, и мы соединили наши усилія для отысканія воротъ во второй стѣнѣ.

Первая стѣна, вдоль по которой мы ѣхали, была дѣйствительно монументальной постройки. Вышина ея, какъ говорили перебѣжчики, была въ самомъ дѣлѣ около четырехъ саженъ, и толщина около трехъ. На гладкомъ какъ полъ глиняномъ валгангѣ стояли мѣдныя полевыя орудія на зеленыхъ лафетахъ, по чертежу напоминавшихъ англійскую однобрусную систему. Орудія эти, какъ и вообще всѣ мѣдныя орудія, съ отливкой которыхъ легко справляются и Азіятцы, мало чѣмъ уступали европейскимъ. Позади каждаго орудія на валгангѣ стоялъ, *выравнявшись въ затылокъ*, передковый ящикъ. Ядра кучами сложены были подлѣ каждаго орудія. Запасы пороху найдены были въ крѣпости огромные, и не будь штурма, крѣпость съ такими запасами могла бы держаться весьма много времени.

Мы проѣхали саженъ 200 вдоль по крѣпостной оградѣ, и не видя воротъ во второй стѣнѣ, вернулись назадъ попытаться, не ближе ли будетъ доѣхать до искомаго пункта, взявъ изъ Уратюбинскихъ воротъ направо. Двинувшись по этому направленію, мы дѣйствительно въ скоромъ времени нашли ворота, но мостъ черезъ ровъ пылалъ и проѣхать по немъ не было никакой возможности, потому что онъ ежеминутно готовился рухнуть.

Судя по силѣ огня въ этомъ мѣстѣ, слѣдуетъ думать, что здѣсь именно произошелъ, замѣченный нами во время штурма, взрывъ. Были разныя догадки насчетъ причинъ этого взрыва. Одни разказывали, будто часть гарнизона, вѣроятно изъ самыхъ отчаянныхъ, видя неизбѣжное паденіе крѣпости, бросилась въ пороховой погребъ и съ намѣреніемъ подожгла его, желая взорвать крѣпость и вмѣстѣ съ ней побѣдителя. Подобный героизмъ, впрочемъ, совсѣмъ не въ сартовской природѣ, и поэтому мы охотнѣе вѣримъ тому, что взрывъ произошелъ нечаянно. Ничего нѣтъ естественнѣе, что шарахнувшійся гарнизонъ, спасаясь бѣгствомъ и прячась по различнымъ угламъ, не соблюлъ всѣхъ предосторожностей, которыя требуются при обращеніи съ порохомъ.

Обманувшись на этотъ разъ въ ожиданіи, мы рѣшились ѣхать вдоль по стѣнѣ до тѣхъ поръ, пока не найдемъ воротъ, чрезъ которыя штурмовыя колонны проникли въ цитадель: должны же гдѣ-нибудь быть ворота. Наконецъ попали мы за вторую стѣну, которая такъ долго намъ не давалась. Оттуда была уже прямая дорога до цитадели чрезъ третью и четвертую стѣну. Между двумя послѣдними стѣнами приходилось ѣхать по какому-то темному базару, куда въ настоящую минуту кинулись съ ожесточеніемъ наши солдаты. За послѣднею стѣной дорога выходила на площадь, на которой построена была мечеть, какъ кажется, главная въ крѣпости. Около мечети дорога оканчивалась, и начиналась лѣстница, или точнѣе сказать, дорога была обдѣлана въ ступени, отчего ѣхать по ней верхомъ было не совсѣмъ удобно. Я сошелъ съ коня, и привязавъ его, пѣшкомъ отправился наверхъ по лѣстницѣ ведущей въ бекскій дворецъ. При самомъ входѣ во дворецъ я долженъ былъ перешагнуть чрезъ трупы лежавшихъ на дорогѣ четырехъ Афганцевъ, вѣроятно, тѣлохранителей Алайаръ-хана. Красавцы собой, огромнаго роста, они лежали поперекъ дороги въ нарядныхъ костюмахъ, раскинувъ могучія руки и занявъ всю дорогу своими огромными тѣлами.

На внутреннемъ дворѣ бекскаго дворца, подобно тому какъ было послѣ взятія Ура-тюбе, собрались офицеры почти всего отряда праздновать побѣду. Общая радость и оживленіе по

взятіи Джизака были еще больше чѣмъ по взятіи Ура-тюбе. И дѣйствительно, была причина радоваться. Джизагъ, по обширности фортификаціонныхъ построекъ, по численности и по качествамъ гарнизона, состоявшаго, какъ говорили, изъ лучшихъ войскъ эмира, былъ во всѣхъ отношеніяхъ самою сильною крѣпостью изъ встрѣчавшихся намъ до сихъ поръ въ Средней Азіи. Многіе изъ офицеровъ, знакомыхъ со здѣшнею войной, сильно сомнѣвались въ успѣхѣ штурма; семисаженная профиль для многихъ казалась неприступною, и признаюсь, предъ началомъ штурма я очень опасался, что штурмъ будетъ отбитъ, а между тѣмъ эта сильнѣйшая крѣпость взята была въ наименьшій срокъ сравнительно съ другими крѣпостями и чуть ли даже не съ наименьшею потерей людей. Такой успѣшный результатъ должно приписать энергически веденной осадѣ и правильному употребленію артиллеріи. Снарядовъ на производство обваловъ не жалѣли, и бреши были сдѣланы совершенно удобовосходимыми: штурмовыя лѣстницы понадобились лишь потому, что берма была слишкомъ широка, и обломки стѣны, слѣдовательно, не могли осыпаться въ ровъ и засыпать эскарпъ. Замѣчательно, что и въ этотъ разъ, какъ объяснялъ намъ въ послѣдствіи плѣнный Караулъ-бекъ, штурмъ былъ совершенною неожиданностію для Бухарцевъ. Не зная правилъ осады, Бухарцы не считали, вѣроятно, пробитіе обвала сигналомъ къ началу штурма; къ тому же, привыкнувъ къ штурмамъ на разсвѣтѣ, они никакъ не ожидали нашего нападенія въ 12 часовъ. Они ожидали его, по словамъ Караулъ-бека, не 18-го октября, а еще дней черезъ десять. „Если Ура-тюбе осаждали восемь дней“, разсуждали беки, „то Джизагъ будутъ осаждать по крайней мѣрѣ восемнадцать“. Оригинальный способъ разсужденія! Во всякомъ случаѣ, по показанію того же Караулъ-бека, комендантъ крѣпости былъ вполнѣ увѣренъ въ невозможности взять Джизагъ. Алайаръ-бекъ, а также присланный эмиромъ на время осады Якубъ-бекъ, бывшій прежде комендантомъ Джизага и похвалявшійся, будто бы онъ въ прошломъ году отразилъ отъ Джизага генерала Черняева, донесли своему владыкѣ, что они сдадутъ крѣпость только тогда, когда стѣны ея на нихъ повалятся. Они разчитывали на помощь эмира, который обѣщалъ подойдти съ войскомъ и атако-

вать нашъ лагерь, надѣялись на крѣпость и толщину стѣнъ, на многочисленность гарнизона и на искусство Афганцевъ. Вотъ почему они и распорядились завалить ворота и такимъ образомъ отрѣзать гарнизону всякій путь къ отступленію. До послѣдней минуты защитники Джизага были увѣрены въ невозможности его взять. „Пока вы только стрѣляли“, разсказывалъ Караулъ-бекъ, „гарнизонъ защищался храбро, бреши закладывали и чинили по ночамъ съ большимъ трудомъ; правда, много теряли людей отъ картечи и ружейныхъ выстрѣловъ, но духъ гарнизона нисколько не падалъ, и все шло хорошо.“ Утромъ, въ день штурма, Бухарцы произвели даже вылазку противъ кавалерійскаго отряда полковника П*, которому поручено было сдѣлать демонстрацію на Ташкентскія ворота, чтобъ отвлечь вниманіе отъ Самаркандскихъ и Уратюбинскихъ, вылазку, конечно, не удавшуюся. По окончаніи вылазки и предъ самымъ штурмомъ, всѣ беки собрались на одинъ изъ неатакованныхъ и находившихся не подъ выстрѣлами бастіоновъ и тамъ совѣщались о ходѣ обороны, какъ вдругъ прибѣжали съ извѣстіемъ: „Урусъ перелѣзъ чрезъ стѣну“. Первое общее движеніе бековъ было, какъ водится, къ сапогамъ, всѣ сняли ихъ, чтобы бѣжать было легче, и всѣ побѣжали къ ближайшимъ воротамъ, но уже было поздно, ихъ встрѣтила на пути одна изъ нашихъ ротъ и, конечно, немногіе изъ нихъ уцѣлѣли.

Чрезвычайно странно было между офицерами нашего штаба, которые, сидя, или, вѣрнѣе сказать, лежа (такъ какъ стульевъ не было) на террасѣ, наслаждались чувствомъ побѣдителей, видѣть двухъ женщинъ, попавшихся въ числѣ прочей добычи. Онѣ также сидѣли на ступенькахъ террасы, конечно съ открытыми лицами, что, впрочемъ, нисколько ихъ не смущало. При нихъ былъ ручной черный барашекъ, съ розовою ленточкой на шеѣ. Это, какъ мнѣ объяснили, были двѣ наложницы Алайаръ-бека, найденныя въ его дворцѣ. Обѣ онѣ были далеко не красивы, и костюмъ ихъ, состоявшій изъ обыкновеннаго синяго бумажнаго халата, нисколько не обличалъ высокаго соціальнаго положенія, если не ихъ, то ихъ обладателя. Около нихъ собрался небольшой кружокъ любителей прекраснаго пола, которые, за незнаніемъ языка, любезности свои должны были передавать пантомимой, и обѣ красавицы курили въ эту минуту предложенныя имъ нашими офицерами папиросы. Что меня въ

особенности поразило, это полнѣйшее спокойствіе и невозмутимость сартскихъ барынь при видѣ всего того, что происходило предъ ихъ глазами. Ихъ городъ преданъ былъ разграбленію; въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ лежали кучами трупы убитыхъ; эти убитые были ихъ земляки, но все это, повидимому, производило на нихъ не болѣе впечатлѣнія какъ и на ихъ чернаго барашка.

Къ генералу Крыжановскому, между прочимъ, привели двухъ Сартовъ, которыхъ нашли гдѣ-то въ подпольѣ дворца закованными въ цѣпяхъ. Цѣпи, конечно, съ нихъ сняли и объявили имъ, что они свободны. Нужно было видѣть ихъ радость, когда переводчикъ объявилъ имъ это извѣстіе. Смотря на эти необузданныя и безобразныя изъявленія восторга, я въ первый разъ могъ получить полное понятіе о томъ, что дѣйствительно человѣкъ можетъ сойдти съ ума отъ радости. Они начали прыгать, плясать, повторяя на своемъ языкѣ безчисленныя изъявленія благодарности генералу Крыжановскому, которому, между прочимъ, одинъ изъ этихъ узниковъ произнесъ рѣчь, съ пожеланіемъ, чтобы по волѣ Аллаха онъ (Крыжановскій) былъ государемъ Самарканда и Бухары.

Дворецъ джизагскаго бека не великъ и не представляетъ ничего особенно замѣчательнаго, уступая значительно въ обширности дворцу уратюбинскаго бека. Вообще вся физіономія Джизага иная нежели Ура-Тюбе. Ура-Тюбе, насколько могъ судить мой глазъ, городъ старинный, по-сартовски промышленный и, вѣроятно, богатый. Джизагъ же небольшое мѣстечко, пріобрѣвшее значеніе лишь вслѣдствіе своего важнаго стратегическаго положенія, какъ сильная крѣпость.

Не вдаюсь въ описаніе глиняныхъ сакель, внутреннихъ дворовъ, террасъ и пр., составляющихъ обыкновенно азіятскій дворецъ. Общимъ расположеніемъ и многими частностями въ устройствѣ онъ напоминалъ уже описанный мною дворецъ уратюбинскій, хотя и уступалъ ему въ тщательности и красотѣ внутренней отдѣлки комнатъ. Пройдя по пустыннымъ, разграбленнымъ комнатамъ, можно было убѣдиться, что разказъ Караулъ-бека о полной увѣренности Бухарцевъ въ неприступности ихъ крѣпости и въ невозможности штурмовать семисаженныя профили былъ совершенно справедливъ. Во дворцѣ лежало множество труповъ: это были, конечно, трупы тѣхъ, которые не подозрѣвали возможности взять

Джизагъ въ столь короткое время и твердо вѣрили въ то, что если Ура-Тюбе для осады потребовалъ восемь дней, то несравненно сильнѣйшій Джизагъ потребуетъ по крайней мѣрѣ восемнадцать. Вѣсть о взятіи города принесли имъ, повидимому, наши солдаты, по эскаладѣ стѣны ворвавшіеся прямо въ цитадель, и обыкновенно не имѣющіе въ такія минуты привычки щадить побѣжденныхъ.

„Что ихъ, собакъ, жалѣть: насъ они бы не пожалѣли.“

Вотъ что̀ всегда отвѣтитъ солдатъ на ваши заявленія о необходимости человѣколюбія. Что̀ прикажете возразить ему на этотъ практически-справедливый доводъ?

Генералъ Крыжановскій поѣхалъ осматривать городъ; я пристроился также въ свиту и сдѣлалъ это очень кстати, потому что проѣхать по темному базару въ настоящую минуту было почти такъ же трудно, какъ эскаладировать бухарскую стѣну. Улицу базара сплошь покрывали разломанные ящики, переборки отъ дверей и пр. Солдаты густо тѣснились въ узкой улицѣ. Всѣ почти были верхами, закинувъ ружья за плечи. Поминутно рисковали мы наткнуться на штыкъ какого-нибудь изъ этихъ всадниковъ. Только авторитетъ высшаго начальника, и то съ трудомъ, могъ отворить предъ нами эту живую стѣну людей.

Наконецъ мы миновали базаръ и выѣхали изъ мрака и тѣсноты на свѣтъ и свободу. Мы направились къ Ташкентскимъ воротамъ посреди тлѣющихъ сакель. Пожаръ, впрочемъ, въ азіятскомъ городѣ не можетъ быть силенъ, такъ какъ глиняныя сакли плохо зажигаются. Да и чему горѣть въ нихъ?

Проѣздомъ по городу мы убѣдились, что работы наши по отводу воды изъ городскихъ арыковъ были далеко не безуспѣшны. На всемъ пространствѣ, которое мы проѣхали, намъ попался одинъ, и то почти высохшій, прудъ.

Мы ѣхали, направляясь къ Ташкентскимъ воротамъ, среди конскихъ и людскихъ труповъ. Я не берусь передать страшную картину, какую представлялъ Джизагъ въ эту минуту. Множество сценъ самыхъ потрясающихъ, быстро и неожиданно промелькнувшихъ предъ моими глазами, смѣняющіяся ощущенія, въ соединеніи съ волненіями дня и утомленіемъ послѣ безсонныхъ ночей проведенныхъ въ траншеяхъ, все это до такой степени притупило вниманіе и впечатлительность, что въ настоящее время, стараясь припомнить

рядъ страшныхъ картинъ, которыми преисполнена была моя коротенькая прогулка по Джизагу, я какъ будто стараюсь припомнить сонъ, который нѣкогда, давно, очень давно, видѣлъ.

Достаточно сказать, что уратюбинская рѣзня могла быть названа игрушкой въ сравненіи съ кровопролитіемъ, имѣвшимъ мѣсто въ Джизагѣ. Въ Ура-Тюбе было лишь четыре тысячи гарнизона, въ Джизагѣ до десяти, а, какъ говорили, и до одиннадцати тысячъ. Въ Ура-Тюбе значительная часть жителей и гарнизона спаслась бѣгствомъ: едва ли много могло спастись бѣгствомъ изъ Джизага, ворота коего были завалены. Театромъ кровопролитныхъ сценъ въ Ура-Тюбе былъ довольно обширный и раскиданный городъ, причемъ самое пространство и постройки скрадывали много кровавыхъ сценъ: въ небольшой джизагской крѣпости, внутренность которой затѣснена была крѣпостными постройками, все было на виду.

Пяти шаговъ нельзя было пройдти, чтобы не споткнуться о трупъ. Лошадь безпрестанно останавливалась, и фыркая, осаживала назадъ, боясь̀ шагнуть чрезъ убитаго. Поминутно бросалась она въ сторону, пугливо косясь на конскіе трупы. Тамъ издыхалъ подстрѣленный конь; тщетно силясь подняться на ноги, онъ только размахивался всѣмъ тѣломъ, но тотчасъ же падалъ съ шумомъ на землю. Ослабѣвшія ноги уже не въ состояніи были его поддерживать. Тамъ другой конь, который какъ бился въ предсмертныхъ судорогахъ, такъ и закоченѣлъ, скрутивъ шею и вытянувъ ноги, въ позѣ исполненной силы и движенія. Тамъ трупъ, повидимому, заживо сгорѣвшаго Сарта. По его положенію на землѣ видно, какъ въ предсмертной агоніи Бухарецъ корчился отъ боли. Руки и ноги такъ и остались судорожно сведенными, точно онъ собирается ползти на четверенькахъ. Скорченное тѣло ясно показывало, въ какихъ страшныхъ мученіяхъ окончилъ жизнь несчастный Сартъ. Отвратительное впечатлѣніе производило лицо съ обгорѣвшимъ носомъ и губами и лопнувшими глазами. Тамъ горитъ другой его товарищъ. Этотъ еще живъ, какъ видно по слабымъ движеніямъ, но платье уже совсѣмъ обгорѣло. Тамъ пылаетъ и съ громомъ рушится сакля. Смрадъ отъ горящихъ тѣлъ стоитъ по всему городу. Гулъ выстрѣловъ, громкій говоръ солдатъ,

бѣготня и снованіе ихъ туда и сюда оживляютъ надлежащимъ образомъ печальную картину разграбленнаго города.

Чѣмъ дальше подвигались мы къ Ташкентскимъ воротамъ, тѣмъ многочисленнѣе были жертвы нашей побѣды, тѣмъ ужаснѣйшее зрѣлище представлялъ Джизагъ. Здѣсь кровь буквально лилась рѣками. Копыта нашихъ коней омочены были кровью. Рядами лежали бухарскіе воины, простые и знатные, въ простыхъ и богатыхъ одеждахъ, которыхъ не подъ силу было собрать нашимъ солдатамъ. Нѣкоторые изъ убитыхъ были въ богатыхъ латахъ и шлемахъ, съ большими кожаными, отдѣланными серебромъ щитами, на длинныхъ замшевыхъ ремняхъ, которыми щиты эти привязываются у Бухарцевъ къ сѣдлу. Возлѣ нихъ лежало разбросанное оружіе самыхъ разнообразныхъ родовъ и видовъ: ружья фитильныя и кремневыя, а индѣ и ударныя, очевидно, англійскаго происхожденія, турецкіе длинные пистолеты въ богатой оправѣ, кривыя бухарскія сабли, длинныя пики съ разноцвѣтными древками.

Мы приблизились къ самымъ воротамъ. Здѣсь глаза мои были поражены безобразнѣйшимъ зрѣлищемъ, которое едва ли когда придется встрѣтить. Предъ моими глазами лежала гора человѣческихъ и конскихъ труповъ. Нѣсколько секундъ я не могъ дать себѣ отчета, что̀ за груда лежитъ предо мной. Только подъѣхалъ ближе, я могъ убѣдиться, что это лежатъ въ нѣсколько пластовъ люди и лошади, одинъ трупъ на другомъ. Изъ груды этой высовывались то человѣческая нога или рука, то конская морда или копыто. Тамъ и сямъ замѣчалось въ этой массѣ слабое, едва замѣтное движеніе: это или умирающій старался высвободиться изъ-подъ коня, опрокинувшагося на всадника, или подстрѣленный конь, напрасно силясь подняться на ноги, давилъ своимъ движеніемъ раненыхъ, на которыхъ онъ лежалъ всею тяжестью своего грузнаго тѣла.

Когда наши войска овладѣли брешами, Сарты кинулись спасаться бѣгствомъ, направляясь къ Ташкентскимъ воротамъ, противъ которыхъ не было ни нашихъ войскъ, ни осадныхъ работъ. Но ворота эти, какъ я упоминалъ выше, были завалены по приказанію фанатиковъ-бековъ. Около четырехъ тысячъ конныхъ и пѣшихъ столпились такимъ образомъ у воротъ. Въ стремительности бѣгства они давили

другъ друга. Это несчастное движеніе и было именно причиной огромной потери, понесенной Бухарцами въ дѣлѣ 18-го октября. По крайней мѣрѣ три тысячи труповъ легло здѣсь. Тутъ же на стѣнѣ, прижавшись къ брустверу, находились и плѣнные. Ихъ было тысячи полторы человѣкъ. Они спаслись отъ смерти благодаря лишь грудѣ тѣлъ, образовавшей какъ бы баррикаду между ними и преслѣдующими ихъ солдатами. Баррикада эта остановила роты на нѣсколько минутъ, пока утихъ первый жаръ разгоряченныхъ солдатъ, и этой кратковременной остановкѣ плѣнные обязаны были спасеніемъ своей жизни. Между плѣнными было человѣкъ 600 раненыхъ. Они робко смотрѣли на насъ, когда мы проѣзжали мимо ихъ, пугливо прижимались къ стѣнѣ и слабымъ голосомъ твердили свое постоянное „аманъ“. Ихъ спросили чего они хотятъ. Всѣ они просили одного: воды. Воды для нихъ было однакоже трудно достать, такъ какъ нашими же работами во время осады вода отведена была изъ города. Впрочемъ, въ послѣдствіи нашли какой-то полувысохшій прудъ и толпой повели ихъ, какъ гонятъ скотъ на водопой. Всѣ раненые держали себя съ чрезвычайною твердостію. Я не слышалъ ни одного стона, какъ ни тяжелы были раны нѣкоторыхъ.

— Посмотрите, М. А., обратился ко мнѣ ѣхавшій подлѣ меня Н*,—вотъ лежитъ убитый Англичанинъ.

Я внимательно осмотрѣлъ валявшійся подъ моими ногами трупъ. Убитый лежалъ навзничь, безъ верхней одежды, въ тонкой, изящно сшитой бѣлой сорочкѣ и въ кожаныхъ расшитыхъ шелками шароварахъ, какихъ очень много носятъ въ Средней Азіи. Верхнее платье было уже кѣмъ-то снято. Эта тонкая сорочка и бритая борода дѣйствительно напоминали Европейца. Но черты лица были обезображены смертью, а смертельная синева и пыль, покрывавшая густымъ слоемъ лица всѣхъ убитыхъ, сгладили всякіе признаки національностей, сравняли всѣ цвѣта кожи, придавъ имъ одинъ общій, сѣрый, пыльный колоритъ.

Большое количество револьверовъ, ударныхъ и нарѣзныхъ ружей, европейскаго образца и издѣлія, найденныхъ въ Джизагѣ, нѣкоторые европейскіе пріемы при оборонѣ крѣпости, все это заставляло многихъ изъ насъ, въ теченіе осады, подозрѣвать присутствіе въ Джизагѣ одного или нѣсколькихъ Вильямсовъ, приложившихъ свое европейское искусство

къ защитѣ крѣпости, и потому многіе искали англійскихъ труповъ между убитыми, понуждаемые къ тому отчасти и желаніемъ усилить значеніе непріятеля. Само собой разумѣется, что поиски эти были напрасны, ибо никого изъ Англичанъ, конечно, не было въ Джизагѣ, съ тѣмъ чтобы доставить прямую помощь или содѣйствіе Бухарцамъ. Помощь доставлялась косвенная, чрезъ посредство Афганцевъ, заимствовавшихъ, вѣроятно, изъ своихъ войнъ съ Англичанами нѣкоторыя тактическія правила и пріемы. Афганцамъ слѣдуетъ приписать искусное очертаніе нѣкоторыхъ изъ крѣпостныхъ верковъ, устройство далеко выступающихъ бастіоновъ предъ воротами, дозорный путь на бермѣ, а также европейскіе пріемы въ оборонѣ, неупотребительные у Сартовъ, какъ-то: производство ночныхъ вылазокъ, къ которымъ Сарты питаютъ особенное нерасположеніе, искусное и правильное дѣйствіе артиллеріи, мѣткость стрѣльбы изъ артиллерійскихъ орудій и т. п.

Бѣгло осмотрѣвъ далеко не весь городъ, мы отправились домой. Впереди насъ шла густая толпа солдатъ, возвращавшихся въ лагерь. Медленно двигались они, тяжело нагруженные добычей. Почти всѣ были верхомъ, при чемъ у большей части, кромѣ верховаго коня, шелъ на поводу или другой конь, навьюченный различною рухлядью, или же какое-либо вьючное животное, напримѣръ ишакъ *, корова, верблюдъ и т. п. Одинъ солдатъ несъ въ одной рукѣ ружье, а въ другой годоваго ребенка, котораго, вѣроятно, найдя на улицѣ, намѣревался взять на воспитаніе. Въ Уратюбинскихъ воротахъ тѣснота была страшная. Насилу пробрались мы за ворота. Признаюсь, я вздохнулъ свободнѣе, когда переступилъ джизагскую стѣну и могъ нѣсколько отдохнуть отъ тяжелыхъ сценъ, которыхъ мы были свидѣтелями. Но еще болѣе потрясающее впечатлѣніе ожидало насъ впереди.

По дорогѣ домой мы должны были проѣхать мимо перевязочнаго пункта. Что ни говори, а видъ смерти менѣе дѣйствуетъ на зрителя чѣмъ видъ страданій, и каждый, вѣроятно, согласится, что въ военное время нервы и чувствительность человѣка болѣе всего испытываются на перевязочномъ пунктѣ.

---

* Ишакъ, по мѣстному нарѣчію оселъ.

Мы подъѣхали къ мечети и сошли съ коней. На террасѣ лежалъ А* съ разбитою ружейною пулей рукой. Неукротимая натура его съ трудомъ покорялась страданію. Сдаваясь физической боли, онъ не въ состояніи былъ выносить ее терпѣливо и покорно, но относился къ ней съ какою-то угрозой, съ какимъ-то вызовомъ. Онъ боролся съ ней и боролся отчаянно. Не потерявъ нисколько сознанія, А* отвѣчалъ разумно на всѣ предлагаемые ему вопросы, громкимъ и рѣзкимъ голосомъ, напоминавшимъ голосъ горячечнаго бреда: отвѣты его отъ времени до времени прерывались или стономъ сквозь стиснутые зубы или энергическимъ восклицаніемъ, вырваннымъ болью.

Я взошелъ въ мечеть. При свѣтѣ свѣчи, тускло озарявшей ея внутренность, я увидалъ храбраго К*. Онъ сидѣлъ на полу, безсильно прислонившись спиной къ стѣнѣ. Проколотый на сквозь пикой въ поясницу, онъ не давалъ надежды на выздоровленіе. Онъ сидѣлъ безъ всякаго сознанія, вѣроятно, даже и не чувствовалъ боли. Голова его склонилась на плечо. Широко открывъ тусклые, безжизненные глаза свои, бѣдный К* бредилъ, но такимъ тихимъ голосомъ, что его едва можно было разслышать. „Иди..... иди..... впередъ“, шепталъ онъ съ трудомъ, а одышка и хрипящее, тяжелое дыханіе ежеминутно прерывали его шепотъ. Храбрый К*! И въ бреду онъ, повидимому, велъ свою роту на штурмъ по обвалу, вершины котораго ему не суждено было достигнуть. Тяжелая рана подкосила ему ноги, но мыслями и сердцемъ онъ былъ еще тамъ—впереди своей роты.

На полу мечети въ безпорядкѣ валялись десятка два раненыхъ. Въ перемежку съ ними лежали умершіе раненые, которыхъ подобрали и принесли товарищи на перевязочный пунктъ, не зная въ точности, умерли они или нѣтъ.

Живо возстановляется въ моей памяти мрачная картина перевязочнаго пункта. Какъ теперь вижу я темную комнату, тускло освѣщаемую красноватымъ пламенемъ сальной свѣчи, блѣдныя исполненныя невыразимыхъ страданій лица раненыхъ, мертвенные глаза К*, бѣготню фельдшеровъ и докторовъ, тихій, монотонный голосъ священника, читающаго отходную, предсмертные стоны умирающихъ, вывѣшенныя кровавыя простыни и бинты, вездѣ кровь и кровь!

Но довольно шевелить эти мрачныя воспоминанія. Въ

военное время скоро привыкаешь ко всякимъ зрѣлищамъ и ощущеніямъ, и слава Богу, что они не надолго смущаютъ васъ и не мѣшаютъ чрезъ какіе-нибудь полчаса отдаваться другимъ, иногда совершенно противоположнымъ чувствамъ.

XVII.

Съ перевязочнаго пункта мы отправились въ лагерь по Самаркандской дорогѣ. По пути намъ кто-то разказалъ, что во время или нѣсколько позднѣе штурма, какой-то бухарскій отрядъ, спѣшившій, вѣроятно, на подкрѣпленіе джизагскаго гарнизона, атаковалъ или собирался атаковать нашъ лагерь, остававшійся утромъ 18-го октября почти безо всякой защиты. Нѣкоторые изъ примкнувшихъ къ намъ по пути офицеровъ увѣряли, что они слышали пушечные и ружейные выстрѣлы по направленію Самаркандской дороги. Мы поскакали къ лагерю, гдѣ, какъ и слѣдовало ожидать, убѣдились, что тревога была фальшивая. Партія Бухарцевъ дѣйствительно показывалась въ ущельи, но рѣшительныхъ дѣйствій предпринять не осмѣлилась. До кровопролитія дѣло не доходило. Въ лагерѣ въ настоящую минуту было совершенно спокойно.

Скоро воротились изъ Джизага наши войска. Въ городѣ былъ поставленъ гарнизонъ изъ нѣсколькихъ ротъ и назначенъ русскій комендантъ.

Такимъ образомъ совершилось присоединеніе Джизагскаго округа къ русскимъ владѣніямъ. Джизагъ отнынѣ сталъ русскимъ городомъ.

Еще до осады Джизага носился слухъ, что взятіемъ этой крѣпости окончится осенняя экспедиція 1866 года. Но пока военныя дѣйствія продолжались, подробности осады, само собою разумѣется, поглощали всеобщее вниманіе до такой степени, что ни о чемъ другомъ, кромѣ этихъ подробностей, не могло быть и рѣчи въ отрядѣ.

Только на другой день послѣ штурма, когда сгладились нѣсколько впечатлѣнія оконченной осады, открылось просторное поприще для разговоровъ. Въ отрядѣ стали говорить о политикѣ и обсуждать предположенія начальства насчетъ дальнѣйшаго хода военныхъ дѣйствій. Впрочемъ и эти разговоры скоро прекратились, ибо чуть ли не на другой день

послѣ штурма стало извѣстно, что главный начальникъ края и военный губернаторъ выѣзжаютъ изъ лагеря въ Ташкентъ 22-го октября.

Извѣстіе объ отъѣздѣ высшаго начальства, распространившись по лагерю, не на всѣхъ произвело одинаковое впечатлѣніе. Большинство, какъ кажется, осталось имъ довольно. Бо́льшая часть раздѣляла мнѣніе, что *поработали достаточно, пора и кончить* и въ теченіе зимы отдохнуть и собраться съ новыми силами для новой экспедиціи, еслибы таковая случилась весной будущаго года.

Но было, конечно, не мало лицъ и противнаго мнѣнія. Дѣйствительно, мы стояли всего въ трехъ переходахъ отъ Самарканда. Осада и занятіе этого историческаго города,—знаменитой столицы Тамерлана,—для многихъ рисовались въ весьма заманчивой перспективѣ, и больно имъ было отказаться отъ надежды нынѣшнею же осенью быть участниками взятія Самарканда, зная, что чрезъ какіе-нибудь три дня мы могли быть подъ стѣнами этого города.

Я получилъ приказаніе ѣхать въ Ташкентъ также 22-го октября, такъ что мнѣ оставалось пробыть въ лагерѣ подъ Джизагомъ три, четыре дня.

Наибольшее вниманіе обращалъ на себя, конечно, базаръ, устроившійся и здѣсь совершенно на тѣхъ же началахъ какъ и послѣ взятія Ура-Тюбе. Джизагскій базаръ, впрочемъ, много отличался отъ уратюбинскаго, не порядкомъ, конечно, производства торговли, а сущностью многочисленныхъ предметовъ продажи, выставленныхъ на этомъ базарѣ. Добыча, взятая въ Джизагѣ, какъ и слѣдовало ожидать отъ военной крѣпости, преимущественно заключалась въ оружіи, коняхъ и конской сбруѣ. По этой части попадались такіе предметы и образцы, подобныхъ которымъ въ Ура-Тюбе нельзя было встрѣтить. Присутствіе большаго числа бековъ, находившихся въ многочисленномъ джизагскомъ гарнизонѣ, было причиной особенно большаго обилія и богатства добычи, собранной во взятой крѣпости. Многіе разказывали, что такихъ богатствъ не попадало въ руки нашихъ солдатъ еще ни разу. Даже послѣ Ирджарскаго сраженія, гдѣ были захвачены два эмирскіе лагеря, добыча, какъ говорили, не была такъ велика. Предметы азіятской роскоши и щегольства встрѣчались въ нашемъ лагерѣ въ безчетномъ количествѣ. Тамъ можно

было встрѣтить и конскую сбрую всю изъ сердоликовъ и бирюзы, въ серебряной оправѣ, и золоченые ленчики сѣделъ, и бархатныя, расшитыя сплошь золотомъ и цвѣтными шелками чапраки или попоны, которыми Сарты, при сѣдловкѣ, покрываютъ крупы коней. Нечего и говорить о томъ, что отбитые кони достоинствами своими совершенно соотвѣтствовали этимъ украшеніямъ. Нѣсколько туркменскихъ коней, принадлежавшихъ Алайаръ-хану и доставшихся въ настоящее время побѣдителямъ, были, быть-можетъ, красивѣйшими животными, которыхъ когда-либо мнѣ случалось до сихъ поръ видѣть.

Оружіе, какъ холодное, такъ и огнестрѣльное, представляло также много замѣчательныхъ образцовъ. Въ числѣ сабельныхъ полосъ попадались и турецкіе, и кавказскіе, и русскіе, и даже толедскіе клинки. Значительная часть оружія оправлена была въ серебро и даже золото. Серебро, въ особенности, по азіятскому обычаю, блистало вездѣ: и на конскомъ приборѣ, и на рукоятяхъ сабель, и на пряжкахъ поясовъ. Эфесы большей части сабель и кинжаловъ носили сверхъ того украшенія изъ бирюзы. Хотя войска вообще не носятъ предохранительнаго вооруженія, но беки и знатные Бухарцы выѣзжаютъ на войну въ латахъ, а иногда и кольчугахъ, въ шлемахъ и со щитами. Въ числѣ взятой добычи находилось множество такихъ латъ и шлемовъ, желѣзныхъ съ золотою насѣчкой, много топоровъ съ серебряными топорищами, служащихъ у Бухарцевъ не столько оружіемъ, сколько знакомъ достоинства.

Наконецъ богатые кушаки съ серебряными застежками и сумками для патроновъ, нарядныя палатки и юрты, собольи халаты, крытые роскошными матеріями, особенные, только здѣсь встрѣчающіеся, бухарскіе халаты изъ самой тонкой мерлушки, обшитые золотыми галунами, бархатные вышитые золотомъ шаровары, бархатныя же тюбетейки съ зашитыми внутри ихъ талисманами, состоящими изъ длиннаго, аршина въ два длиной, и узкаго листика бумаги, исписаннаго молитвами, на которомъ иногда, сверхъ того, встрѣчается написанный красками, двулезвенный мечъ Алія и пр. и пр. Все это продавалось нашими солдатами за безцѣнокъ.

Чтобы судить объ обиліи различнаго рода добычи, взятой въ Джизагѣ, достаточно привести слѣдующее обстоятельство: однихъ коней отбито было такое множество, что, напримѣръ, въ стрѣлковомъ баталіонѣ на каждаго рядоваго приходилось по лошади, такъ что начальство наше нашло возможнымъ воспользоваться этимъ значительнымъ количествомъ коней и отправило стрѣлковый баталіонъ въ Ташкентъ въ конномъ строю не по Уратюбинской дальней дорогѣ, а по болѣе короткому пути, именно по безводной степи на Чиназъ, по которой пѣшему баталіону, за неимѣніемъ воды, было бы идти весьма затруднительно. Такъ стрѣлковый баталіонъ и вернулся въ Ташкентъ весь на коняхъ.

Разказывали, что кто-то изъ солдатъ нашелъ кошелекъ или, вѣрнѣе сказать, кошель съ тысячью *тиль*. Тиль — это золотая монета, нѣсколько болѣе голландскаго червонца. Не знаю въ какой степени этотъ разказъ справедливъ, но серебряная монета, или *коканы*, появилась въ нашемъ лагерѣ въ обращеніи въ значительномъ количествѣ. Многіе изъ солдатъ приходили къ офицерамъ просить размѣнять коканы на кредитные билеты, отзываясь, что монету тяжело носить. Курсъ нашихъ билетовъ, такимъ образомъ, на это время значительно возвысился, къ крайнему удовольствію командировъ, въ высшей степени затруднявшихся, при производствѣ расходовъ на содержаніе частей, размѣномъ нашихъ ассигнацій, которыя, несмотря на принудительныя мѣры мѣстнаго начальства, и въ Ходжентѣ шли довольно плохо, а во вновь покоренной области, само собой разумѣется, не могли имѣть никакого обращенія между жителями.

Изъ боязни, чтобы читатель, на основаніи моихъ разказовъ о добычѣ найденной въ Джизагѣ, не составилъ себѣ фальшиваго понятія о богатствѣ страны и ея жителей или по крайней мѣрѣ о степени и характерѣ азіятской роскоши, я считаю нужнымъ прибавить оговорку. Для вѣрнаго пониманія этого предмета слѣдуетъ имѣть въ виду кругъ потребностей здѣшняго народа. Кругъ этотъ вообще чрезвычайно ограниченъ какъ у богатыхъ, такъ и у бѣдныхъ, и разница заключается лишь въ способѣ выраженія по большей части тѣхъ же самыхъ простыхъ потребностей У богатаго лошадь, напримѣръ, стóитъ сто тиль, а у бѣднаго пять или шесть тиль. Богатый надѣваетъ на своего коня серебряную, украшенную бирюзой уздечку, а бѣдный обходится простою кожаною. У бѣднаго жителя сакля вымазана глиной, а у

богатаго та же сакля немного побольше, и сверхъ того на стѣнахъ ея написаны яркими красками какіе-нибудь цвѣты или узоры.

Затѣмъ лишнихъ статей расхода, вызванныхъ требованіями развитаго вкуса и комфорта, у Сартовъ почти не встрѣчается. Роскошь ихъ выражается главнымъ образомъ въ дорогомъ халатѣ да въ дорогой конской сбруѣ, употребляемыхъ притомъ лишь въ парадныхъ случаяхъ.

Когда, послѣ взятія Джизага, я въ первый разъ увидѣлъ это обремененное серебряными и золотыми украшеніями оружіе, расшитыя сѣдла и попоны,—видъ этихъ пестрыхъ предметовъ съ бросающимися въ глаза украшеніями напомнилъ мнѣ слышанные и читанные въ дѣтствѣ разказы о пышности древнихъ азіятскихъ властителей. Но скоро я убѣдился, что разказы эти далеко не соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Эта конская сбруя, украшенная драгоцѣнными камнями, въ сущности не что иное какъ ремни, весьма неудовлетворительной выдѣлки, на которыхъ въ различныхъ мѣстахъ насажены довольно безобразныя серебряныя бляхи со вкрапленными въ нихъ камешками бирюзы. Посрединѣ бляхи вставленъ большой кусокъ грубо-обдѣланнаго сердолика. Все это криво, косо, аляповато, нескладно. Парадная уздечка сдѣлана дѣйствительно изъ алаго бархата и на ней налѣплены тонкіе штампованные листки серебра, отваливающіеся послѣ самаго непродолжительнаго употребленія, а удила этой бархатной уздечки нѣчто въ родѣ двухъ гвоздей, концы которыхъ загнуты другъ на друга. Сравните эту уздечку, хотя она и украшена драгоцѣнными камнями, съ европейскою, напримѣръ, Циммермановскою уздечкой изъ мягкой желтой кожи съ полированными, блестящими какъ серебро стальными удилами и пряжками, и вы увидите разницу азіятской и европейской жизни, азіятской и европейской роскоши. Конечно, никто изъ насъ, Европейцевъ, не согласится промѣнять эту изящную уздечку на любую, изукрашенную бляхами, уздечку бухарскаго эмира, если она предназначается для собственнаго употребленія, а не для того чтобы повѣсить ее на стѣнку какъ образчикъ, что вотъ молъ какіе еще есть чудаки на свѣтѣ. Любителю различныхъ диковинокъ дѣйствительно представлялась на нашемъ базарѣ возможность собрать весьма полную коллекцію разнаго рода предметовъ, одинаково свидѣтельствующихъ о

неподвижности, непрактичности, безвкусіи и неумѣньи жить средне-азіятскихъ народовъ.

Назначенный на 22-е октября отъѣздъ нашихъ генераловъ окончивалъ осеннюю экспедицію. Отъ бухарскаго эмира не было не только какого-либо мирнаго посольства, даже не было извѣстій. Такимъ образомъ, какъ началась экспедиція, по-азіятски—безъ объявленія войны, такъ и окончилась безъ заключенія мира. Мы пришли, овладѣли территоріей въ нѣсколько тысячъ квадратныхъ верстъ, и затѣмъ военныя дѣйствія прекратились.

Послѣднею военною операціей въ экспедицію 1866 года было разореніе Яны-Кургана, небольшой бухарской крѣпостцы, лежащей по ту сторону Джизагскаго ущелія, на Самаркандской дорогѣ, верстахъ въ одиннадцати отъ Джизага. Для этой цѣли былъ посланъ небольшой отрядъ, который въ крѣпостцѣ этой, конечно, не нашелъ ни живой души и никакого артиллерійскаго вооруженія. Въ Яны-Курганѣ не оставлено было камня на камнѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ главный начальникъ края приказалъ, по разрушеніи Яны-Кургана, выбрать мѣсто въ самомъ ущельи для небольшаго передоваго укрѣпленія, которымъ бы можно было запереть проходъ въ Джизагскомъ дефиле.

Мнѣ не случилось попасть въ Яны-Курганъ, но въ ущелье, при выборѣ мѣста для предполагаемаго форта, я ѣздилъ, и не могу въ запискахъ своихъ не упомянуть объ этомъ дѣйствительно замѣчательномъ явленіи природы. Джизагскій проходъ всего длиной около десяти верстъ. Оно довольно узокъ и пролегаетъ между невысокими въ этомъ мѣстѣ Кашгаръ-Даванскими горами. По всей длинѣ ущелія тянется прекрасная, ровная и твердая дорога и параллельно съ ней маленькая рѣчка или, вѣрнѣе сказать, арыкъ, называемый такъ же какъ и самое ущеліе, Челанъ-уты (змѣиный проходъ). На самой срединѣ ущелія находятся знаменитыя Тамерлановскія ворота. Ворота эти именно и составляютъ замѣчательнѣйшую особенность прохода. Въ этомъ мѣстѣ ущелье суживается въ ширину не больше 40 саженъ, а ограничивающія его скалы представляютъ двѣ высокія и отвѣсныя каменныя стѣны. На одной изъ этихъ скалъ высѣчена надпись временъ, какъ говорятъ, Тамерлана. Разобрать эту надпись, довольно уже отъ времени пострадавшую, никто изъ насъ, конечно, не сумѣлъ, но, сказывали, въ надписи этой описывается одинъ

изъ славнѣйшихъ подвиговъ Тамерлана, съ незначительными силами разбившаго нѣкогда Кипчаковъ въ числѣ четырехъ сотъ тысячъ. На другой скалѣ находится довольно обширная пещера. Въ самыхъ почти воротахъ остался слѣдъ эмирской ставки. Вѣроятно, и Бухарцевъ сильно поражала эта замѣчательная игра природы: они не нашли для отдыха своего владыки, во время прогулокъ или путешествій, лучшаго мѣста какъ эти ворота, свидѣтели старинныхъ подвиговъ и историческихъ переворотовъ, колебавшихъ Среднюю Азію. Вышина скалъ, по измѣренію, оказалась въ 640 футовъ. Если вѣрить справедливости слышанныхъ мною разказовъ, что изъ Бухаріи нѣтъ другаго удобнаго верблюжьяго и караваннаго пути * въ Коканъ, то ничего нѣтъ легче, какъ прекратить всякое сообщеніе между этими двумя государствами. Достаточно протянуть цѣпь между скалами, образующими ворота.

XVIII.

22-го октября выѣхали мы изъ Джизагскаго лагеря и отправились въ Ташкентъ, на Чиназъ. Такъ какъ желавшихъ и имѣвшихъ притомъ возможность вернуться тотчасъ же послѣ экспедиціи въ Ташкентъ, по кратчайшему Чиназскому пути, а не по Уратюбинской дорогѣ, въ отрядѣ было довольно много, то образовался порядочный караванъ тарантасовъ. Здѣсь, въ Туркестанской области, экспедиціи всегда пользуются огромною популярностью, почему въ отрядахъ находится множество совершенно лишнихъ офицеровъ. Командиры жалуются, что въ мирное время офицеровъ, въ особенности артиллерійскихъ, въ частяхъ почти нѣтъ. Всѣ разъѣзжаются: кто ѣдетъ въ отпускъ, кто переходитъ служить по гражданской администраціи завѣдующимъ какимъ-нибудь населеніемъ, правителемъ какой-нибудь канцеляріи и т. п. Но только стоитъ пройдти слуху объ экспедиціи, какъ въ формирующіеся отряды является огромное число желающихъ принять въ ней участіе. Вакансіи всѣ занимаются, и сверхъ того значительное число еще причисляется къ отряду въ качествѣ состоящихъ въ различныхъ штабныхъ должностяхъ, болѣе или менѣе лишнихъ. По окончаніи кампаніи, роты и батареи опять остаются безъ офицеровъ. Въ настоящей экспедиціи, напримѣръ, принимали участіе не только весь штабъ, но и значительное число чиновниковъ гражданской канцеляріи губернатора, такъ что дѣятельность гражданской администраціи, за время экспедиціи, какъ мнѣ казалось, должна была, если не совершенно прекратиться, то по крайней мѣрѣ значительно ограничиться. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы временная пріостановка этой дѣятельности имѣла вредное вліяніе на благосостояніе страны. Значеніе русской администраціи во внутренней жизни Сартовъ въ описываемое время было до такой степени еще ничтожно, что вышеупомянутой пріостановки они, вѣроятно, даже не замѣчали. Все шло попрежнему.

* Въ 12-ти верстахъ отъ Джизага, близь селенія Рабатъ, находится другой путь чрезъ горный хребетъ, крайне неудобный и доступный лишь въ продолженіе немногихъ мѣсяцевъ въ году.

Въ настоящую минуту значительная часть этихъ сверхкомплектныхъ офицеровъ спѣшили воспользоваться поѣздкой нашихъ генераловъ, которыхъ конвоировала казачья сотня. Дорога изъ Джизага въ Чиназъ считается небезопасною, по причинѣ постоянно бродящихъ по степи шаекъ киргизскихъ разбойниковъ, имѣющихъ, какъ весьма правдоподобно увѣряютъ многіе, нѣкоторую солидарность съ бухарскимъ эмиромъ и занимающихся грабежомъ и разбоями не безъ его вѣдома. По Чиназской дорогѣ до сихъ поръ еще безъ конвоя никто не ѣздитъ.

Съ нами отправился между прочимъ и бѣдный А*, который, несмотря на свою рану, несмотря на то что пуля еще не была вынута, ни за что не хотѣлъ оставаться въ джизагскомъ госпиталѣ, одинъ на чужой сторонѣ, и рѣшился даже пренебречь всѣми тягостями труднаго путешествія по безводной степи. Ему устроили особыя конныя носилки, которыя несли двѣ лошади, и такимъ образомъ А* отправился съ нами въ Чиназъ.

Несмотря на позднее время года, день былъ чрезвычайно жаркій. Было по крайней мѣрѣ 18° или 20° по Реомюру. Мы обогнули городскую стѣну. Во рвахъ, на эскарпѣ и контръ-эскарпѣ лежали еще трупы Бухарцевъ и ихъ коней, прибрать которые положительно не было никакой возможности,—до такой степени велико было число убитыхъ. Джизагскіе жители не въ состояніи были подать дѣятельную и

сильную помощь нашему отряду при исполненіи этой операціи. И въ обыкновенное время Джизагъ считался не очень населеннымъ городомъ, а въ настоящую минуту, послѣ недавняго погрома, народонаселеніе его еще уменьшилось, ибо въ теченіе послѣднихъ четырехъ дней очень немного жителей вернулось въ городъ. Перебиты ли они были при штурмѣ, или не рѣшались вернуться, напуганные кровопролитіемъ 18-го октября—неизвѣстно. Трупы уже начали разлагаться, конскія тѣла вздулись до невѣроятной степени и лежали, представляя собой какую-то безобразную массу. Запахъ былъ невыносимый. Не знаю какія мѣры комендантъ крѣпости принялъ послѣ нашего отъѣзда для погребенія убитыхъ, но задача эта была весьма не легкая.

По дорогѣ, проѣзжая мимо, мы осмотрѣли мѣсто, гдѣ находился лагерь генерала Черняева, когда онъ въ январѣ 1866 года предпринялъ зимній походъ противъ Джизага. Слѣдовъ отъ этого лагеря не оставалось почти никакихъ. Осматривая мѣсто лагерной стоянки, не трудно было понять, почему Русскіе отступили такъ торопливо отъ Джизага. Тяжело, вѣроятно, было стоять отряду на этой, лишенной растительности и воды, совершенно ровной пустынѣ: извѣстно, что джизагскій комендантъ Якубъ-бекъ, имѣя въ своихъ рукахъ верховье джизагскихъ арыковъ, воспользовался этимъ чтобъ отвести изъ нихъ воду, поставивъ такимъ образомъ Русскихъ въ самое критическое положеніе.

Путешествіе наше по безводной Чиназской степи, которую, по всей справедливости, можно назвать одною изъ самыхъ безплодныхъ степей Туркестанской области, было не безъ затрудненій. Отъ Джизага до Чиназа считается сто съ небольшимъ верстъ, при чемъ станціей на этой дорогѣ служитъ Мурза-рабатъ, лежащій отъ Джизага въ разстояніи около 60 верстъ. Въ Мурза-рабатѣ можно было надѣяться найдти воду, ибо тамъ есть колодецъ. Первый день путешествія еще прошелъ благополучно. Довольно быстро, сравнительно съ походнымъ движеніемъ отряда, сдѣлали мы большой переходъ до Мурза-рабата, попеременно садясь то верхомъ, то въ тарантасъ, и часамъ къ шести вечера прибыли на станцію, но, вопреки ожиданіямъ, на днѣ тамошняго колодца нашли только немного грязи и ни капли воды. Выступившій впередъ насъ стрѣлковой баталіонъ и тотъ нашелъ колодецъ уже почти пустымъ, а имѣя при себѣ огромное число коней, конечно, тотчасъ же вычерпалъ остальную воду. О дурномъ качествѣ найденной въ Мурза-рабатѣ стрѣлками воды можно было судить по тому стакану мутной, желтой жидкости, какою, подъ именемъ чая, угостили меня офицеры этого баталіона, когда я зашелъ къ нимъ вечеромъ.

Побуждаемые желаніемъ скорѣе вернуться домой, т.-е. въ Ташкентъ, на другой день мы встали очень рано и тотчасъ же почти двинулись въ путь, такъ что я едва имѣлъ время бѣгло осмотрѣть нашъ ночлегъ. Мурза-рабатъ (въ буквальномъ переводѣ: строеніе мурзы) не что иное какъ караванъ-сарай, построенный нѣсколько иначе нежели тѣ караванъ-сараи, которые, какъ мнѣ случалось упоминать въ моемъ разказѣ, мы встрѣчали до сихъ поръ по пути. Это большое, сложенное изъ жженаго кирпича, сводчатое зданіе, имѣющее цилиндрическій видъ и покрытое сверху круглымъ куполомъ. Къ нему примыкаютъ крестообразно или, вѣрнѣе сказать, звѣздообразно нѣсколько, также покрытыхъ сводами, широкихъ и высокихъ корридоровъ. Вообще, постройка монументальная, и судя по ветхому состоянію строеній, весьма древняя. Подлѣ караванъ-сарая расположенъ колодецъ довольно значительной, какъ говорятъ, глубины, также весь покрытый башней, увѣнчанною огромнымъ каменнымъ сводомъ. Осмотрѣть и спуститься въ него я не имѣлъ, впрочемъ, времени.

Трудно себѣ представить, какихъ трудовъ стоило воздвигнуть посрединѣ безводной степи подобное зданіе. Такіе караванъ-сараи, или мурза-рабаты, которые мнѣ не первый разъ случалось встрѣчать по дорогамъ въ Туркестанской области, суть результаты благочестія и благотворительности мусульманъ. Дать кровъ и пріютъ путешественнику считается, какъ извѣстно, одною изъ главныхъ добродѣтелей, предписываемыхъ мусульманскимъ закономъ.

Подкрѣпленные здоровымъ сномъ въ теплую ночь на открытомъ воздухѣ, утромъ бодро двинулись мы впередъ. Но не бодро пошли наши лошади. На нашихъ коней жалко было смотрѣть, такъ они были измучены. Не получивъ воды послѣ 60-ти верстнаго перехода, сдѣланнаго на половину шагомъ, а на половину рысью, они, конечно, не стали ѣсть и корму. Пахи ввалились, а ребра осунулись, такъ что страшно было смотрѣть на бѣдныхъ животныхъ. Пришлось ѣхать шагомъ

и скрѣпя сердце ожидать, что вотъ-вотъ лошади станутъ. По дорогѣ къ Чиназу мы встрѣтили два батарейныя орудія, которыя вытребованы были въ Джизагъ для его вооруженія, и спѣшили туда, запасшись водой. Сдѣлавъ двадцать или двадцать пять верстъ, мы остановились на полчаса около пяти колодцевъ, вырытыхъ также среди степи. Колодцы эти мы нашли довольно полными, но, къ сожалѣнію, вода въ нихъ была совершенно соленая и негодная къ употребленію. Даже измученные кони наши не стали пить. Затѣмъ встрѣтили по дорогѣ довольно большое озеро, также съ соленою водой. За озеромъ начинались уже сыръ-дарьинскіе камыши, по которымъ пришлось порядкомъ поплутать, пока мы дотащились наконецъ до берега Сыръ-Дарьи. Кони наши едва передвигали ноги. Еще бы, кажется, верстъ десять, и они бы непремѣнно стали.

Подъ Чиназомъ ходилъ одинъ желѣзный паромъ, весьма небольшихъ размѣровъ, и двѣ маленькія лодки. Такъ какъ экипажей было довольно много, и число ихъ далеко не соотвѣтствовало вмѣстительности перевозочныхъ судовъ, да и желаніе переправиться на противоположный берегъ Сыръ-Дарьи было у всѣхъ одинаково сильно, то суматоха и крикъ на переправѣ, въ особенности при содѣйствіи какихъ-то пьяныхъ солдатъ, пришедшихъ помогать перевощикамъ, были страшные. Впрочемъ, видалъ ли кто у насъ на Руси переправу безъ крика и суматохи!

Пристаней, конечно, на берегахъ не было. Тарантасы вкатывались на паромъ прямо съ берега по какимъ-то жердочкамъ. Я смотрѣлъ какъ ставили мой тарантасъ, и, признаться сказать, до сихъ поръ не понимаю, какимъ образомъ онъ уцѣлѣлъ и не опрокинулся въ воду. Упали и утонули въ Сыръ-Дарьѣ только моя сабля и походный стаканъ, вывалившіеся изъ тарантаса, когда, во время нагрузки, его довольно сильно покосили. Паромъ шелъ на одномъ кормовомъ веслѣ, и потому, а также по причинѣ сильнаго теченія Сыръ-Дарьи, его надлежало вытягивать довольно далеко вверхъ по рѣкѣ и затѣмъ уже спускать. Операціи эти потребовали въ сложности такъ много времени, что мы достигли желаннаго берега только въ одиннадцатомъ часу вечера. По патріархальности здѣшнихъ нравовъ, всѣ проѣзжающіе чрезъ степь останавливаются у коменданта крѣпости, почему чиназскому коменданту пришлось на эту ночь принять не мало гостей.

Можно себѣ представить до какой степени кась, не обѣдавшихъ въ этотъ и предыдущій дни, порадовалъ ужинъ, который любезно предложилъ намъ гостепріимный комендантъ Чиназа, маіоръ Э*.

На другой день генералъ Крыжановскій осматривалъ возраждающійся Чиназъ или Новый Чиназъ. Городъ этотъ (это пышное названіе, по здѣшнимъ понятіямъ, можно дать даже Чиназу) началъ воздвигаться всего только три или четыре мѣсяца тому назадъ. Онъ получилъ свое названіе отъ сартской деревни того же имени, лежащей въ недальнемъ отъ него и рѣки разстояніи.

Удивительный народъ эти Сарты! Всякаго, кто путешествовалъ въ Средней Азіи, въ высшей степени поразитъ, что имѣя у себя прекраснѣйшую рѣку, какова Сыръ-Дарья, Сарты, тѣмъ не менѣе, оставляютъ берега ея пустынными, а строятъ города свои въ болѣе или менѣе далекомъ отъ рѣки разстояніи. Изо всѣхъ городовъ Туркестанской области, одинъ только Ходжентъ построенъ на Сыръ-Дарьѣ. Даже деревень попадается очень немного на берегу рѣки. Всѣ же главные города, Ташкентъ, Чемкентъ, Коканъ и пр. лежатъ верстахъ въ 30, 40, 60 и болѣе отъ берега.

Вообще Сарты не любятъ воды. На Сыръ-Дарьѣ за все время моего пребыванія въ Средней Азіи мнѣ не приходилось встрѣтить ни одной, даже самой маленькой туземной лодки. Отвратительный ходжентскій паромъ, это, кажется, почти единственное судно во всей Средней Азіи. Всѣ вообще водяные промыслы, какъ напримѣръ рыболовство, имъ совершенно неизвѣстны, несмотря на то что Сыръ-Дарья изобилуетъ рыбой не менѣе Урала или какой-другой рыбной рѣки. Въ Сыръ-Дарьѣ считается даже опаснымъ купаться, такъ какъ бывали случаи, какъ разказываютъ, что большіе сомы откусывали у купающихся ноги. Служащіе на линіи уральскіе казаки ловятъ рыбу, солятъ и приготовляютъ отличные балыки, икру и пр., но до сихъ поръ еще не находятъ на этомъ поприщѣ подражателей между Сартами.

Чиназу, построенному на самомъ берегу рѣки, предсказываютъ блестящую будущность—съ усиленіемъ на Сыръ-Дарьѣ нашего пароходства, до сихъ поръ еще находящагося въ весьма жалкомъ состояніи. Не беремся говорить о будущемъ,

но начало его нельзя не назвать въ полномъ смыслѣ блестящимъ. Кто былъ здѣсь три или четыре мѣсяца тому назадъ, тотъ не узналъ бы берега въ настоящую минуту. За этотъ промежутокъ времени выросъ маленькій городокъ, гдѣ весьма красиво отстроены, все тѣми же неутомимыми руками солдатъ туркестанскихъ баталіоновъ, до семидесяти хорошенькихъ зданій, предназначаемыхъ какъ для гарнизона, въ качествѣ казармъ, госпиталей, офицерскихъ квартиръ и пр., такъ и для помѣщенія успѣвшей уже образоваться подъ Чиназомъ маленькой русской колоніи. Послѣ безобразныхъ сартскихъ сакель, чиназскіе домики, съ ихъ красивыми и симметрическими фасадами, большими окнами, отвѣсными стѣнами и прямыми углами, живо напоминавшіе европейскія зданія, особенно пріятно подѣйствовали на мой глазъ, отвыкшій отъ подобнаго зрѣлища за время похода въ самую глубь Средней Азіи.

Сыръ-Дарья, въ теченіе довольно долгаго времени, считалась границей русскихъ и бухарскихъ владѣній, и то безотчетное чувство удовольствія, которое произвелъ на меня европейскій видъ Чиназа, такъ рѣзко отличавшій этотъ *русскій* городъ отъ своеобразныхъ и въ то же время безобразныхъ азіятскихъ городовъ, было чрезвычайно кстати при переѣздѣ изъ азіятскаго въ европейское государство.

Осмотрѣвъ Чиназъ, мы сѣли въ тарантасы и въ тотъ же день на перемѣнныхъ лошадяхъ отправились въ Ташкентъ уже по русскимъ владѣніямъ.

Здѣсь я оканчиваю свой разказъ. Онъ не много потеряетъ, если я пропущу описаніе нашего переѣзда до Ташкента чрезъ селенія Старый Ташкентъ и Зингота, тѣмъ болѣе, что переѣздъ этотъ совершенъ былъ на почтовыхъ и слѣдовательно въ условіяхъ крайне невыгодныхъ для наблюденій.

М. ЗИНОВЬЕВЪ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ
НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА ГРЕЧА*

Едва ли случалось въ мірѣ какое-либо великое бѣдствіе, возникало какое-либо ложное и вредное ученіе, которое въ началѣ своемъ не имѣло бы хорошаго повода, благой мысли. Первое движеніе ума и совѣсти человѣческой почти всегда бываетъ чистое и доброе: потомъ прививаются къ нему помыслы и страсти, пораждаемые невѣжествомъ и злыми наклонностями, и изъ благотворнаго сѣмени возрастаетъ древо зла и пагубы. Такъ бываетъ со всѣми революціями и нравственными, и политическими. Изъ христіанскаго усердія возникъ кровожадный фанатизмъ католиковъ; отъ желанія очистить религію отъ суевѣрія произошло вольнодумство протестантовъ; изъ свѣтлыхъ идей 1789 года—кровавыя сцены 1793 г., изъ возстановленія порядка единоначаліемъ Наполеона I—порабощеніе Европы тяжкому и постыдному игу.

* Эти любопытныя *Записки* доставлены намъ для напечатанія вдовою Н. И. Греча, не желающею, чтобы произведеніе его пера оставалось достояніемъ контрабандной печати (*Записки* въ первый разъ появились въ печати на страницахъ *Полярной Звѣзды*). Е. Н. Гречъ въ письмѣ своемъ указываетъ, какимъ путемъ *Записки* Николая Ивановича проникли въ изданіе г. Герцена. „Въ 1862 году одинъ знакомый попросилъ у Николая Ивановича одолжить ему для прочтенія записки о декабристахъ, въ числѣ которыхъ былъ близкій родственникъ этого знакомаго. Николай Ивановичъ согласился на эту просьбу. Въ скоромъ времени знакомый возвратилъ рукопись, но вслѣдъ затѣмъ *Записки*, безъ согласія и вѣдома Николая Ивановича, появились въ *Полярной Звѣздѣ* 1862 года." *Ред.*

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ.

ТОМЪ СЕМЬДЕСЯТЪ ШЕСТОЙ.

1868

ІЮЛЬ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДОХОДЫ. Актовые налоги. В. П. Безобразова.

II. ХРИЗО. Разказъ изъ критской жизни. К. Н. Леонтьева.

III. ВЕНГЕРСКІЯ СТЕПИ. Отрывокъ изъ путевыхъ воспоминаній. Н. А. Попова.

IV. РУССКАЯ СТАРООБРЯДСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ЗА ГРАНИЦЕЙ. I—II. Н. И. Субботина.

V. ПОСЛѢДНЕЕ СЛОВО РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДРАМЫ. П. В. Анненкова.

VI. ЗАВОЕВАНІЕ ТУРКЕСТАНА. І. Львова.

VII. ИДІОТЪ. Романъ. Окончаніе второй части. Ѳ. М. Достоевскаго.

VIII. ЗА ВОЛГОЙ. Разказъ. Гл. VII—XVII. Андрея Печерскаго.

IX. ЗАМѢТКА НА СТАТЬЮ „ОСАДА УРА-ТЮБЕ И ДЖИЗАГА“. Н. Рененкампфа.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

МОЯ НЕВѢСТКА. Романъ. Окончаніе. Переводъ съ англійскаго.

ЛУННЫЙ КАМЕНЬ. Романъ. Соч. Вильки Коллинза. Переводъ съ англійскаго. Періодъ второй: окончаніе 1-го разказа; разказъ 2-й; разказъ 3-й, гл. I—IV.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ,

издаваемый

М. Катковымъ.

ТОМЪ СЕМЬДЕСЯТЪ ШЕСТОЙ.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи (Катковъ и К°).
На Страстномъ бульварѣ.
1868.

— Ничѣмъ я ихъ не прогнѣвала, сказала Настя.—Во всемъ покорна, а насчетъ этого—ну, ужь нѣтъ. Силкомъ меня замужъ за немилаго не выдадутъ.

— За немилаго! сказала, усмѣхаясь, Никитишна.—А за милаго пойдешь?

— Еще бы нейдти! отвѣчала Настя, улыбнувшись.

— Да ужь не завелся ли у тебя такой? лукаво поглядывая на крестницу, спросила Никитишна.

— Да, ты, крестнинька, отъ себя это спрашиваешь? сложивъ руки на крестъ и нахмуривъ брови, спросила Настя.— Али тятенька велѣлъ тебѣ мои мысли вывѣдать?

— Извѣстно, сама по себѣ, отвѣчала Никитишна.—Развѣ я тебѣ чужая? Не носила, не кормила, а все же мать. Жалѣючи тебя, спрашиваю.

Никитишна сказала неправду. Патапъ Максимычъ еще въ Ключовѣ просилъ ее выпытать у Насти, не завелась ли у ней зазнобушка. „Вѣдь въ скиту жила, говорилъ онъ, а тамъ дѣвки вольныя, и народу много туда наѣзжаетъ.“

Настя немного подумала и съ твердостью сказала, какъ отрѣзала:

— Коли ты, крестнинька, отъ себя спрашиваешь, такъ я одно тебѣ слово скажу: „нѣтъ“. Больше у меня и не спрашивай. А коли тебѣ велѣно мои мысли спознать, такъ скажи имъ отъ меня вотъ что: вздумаютъ силой замужъ отдавать, свяжусь съ самимъ лядащимъ изъ тятиныхъ работниковъ.... Сама навяжусь, забуду стыдъ дѣвичій.... Не онъ меня выкрадетъ, я его уходомъ къ попу сведу... Самаго лядащаго, слышишь? Такъ и скажи.... Кто всѣхъ пьянѣй да вороватѣе такого къ себѣ въ полюбовники и возьму... Жаль что съ дядей вѣнчаться нельзя, а то вышла бы за нашего пропоицу.

— Ахъ, Настенька, Настенька! качая головой, сказала Никитишна.—Въ умѣ ли ты?

— Покуда еще въ умѣ, крестнинька, отвѣчала Настя.—А пойдутъ супротивъ моей воли, рѣшусь ума и такихъ дѣловъ надѣлаю, что только ахнуть. Не то что уходомъ вѣнчаться бѣгу, къ самому лядащему работнику ночевать уйду.... Вотъ что!

(*Продолженіе будетъ.*)

АНДРЕЙ ПЕЧЕРСКІЙ.

ЗАМѢТКА НА СТАТЬЮ „ОСАДА УРА-ТЮБЕ И ДЖИЗАГА“

Въ Мартовской книжкѣ *Русскаго Вѣстника* начата статья подъ заглавіемъ: „Осада Ура-Тюбе и Джизага.“ Статья эта, передающая въ занимательномъ разказѣ осеннюю экспедицію 1866 г. въ Туркестанской области, даетъ вообще написанную мастерскою рукой живую и полную картину боевой жизни въ Туркестанской области. Жаль только, что авторъ говоритъ слишкомъ коротко и не совсѣмъ точно о дѣйствіяхъ, предшествовавшихъ экспедиціи, въ которой онъ участвовалъ. Такъ какъ эта краткость и неточность могутъ дать смутное и невѣрное понятіе о дѣлахъ нашихъ въ Средней Азіи, предшествовавшихъ Ирджарскому сраженію, то для возстановленія болѣе яснаго взгляда, считаемъ не безполезнымъ сдѣлать нѣкоторыя поясненія и дополненія.

Говоря о посылкѣ генераломъ Черняевымъ офицеровъ въ Бухару, авторъ выставляетъ главною причиной выраженное какъ-то эмиромъ особенное желаніе видѣть въ стѣнахъ Бухары русскихъ офицеровъ. Невольно раждается вопросъ: неужели изъ желанія сдѣлать пріятное эмиру генералъ Черняевъ рѣшился рискнуть посылкой офицеровъ? Дѣло въ томъ, что были причины посылки и болѣе серіозныя, и болѣе основательныя. Послѣ взятія Ташкента, отношенія наши къ бухарскому эмиру были очень натянуты; хотя открытыхъ военныхъ дѣйствій не происходило, но было извѣстно, что эмиръ очень недружелюбно смотритъ на занятіе Ташкента, хотя съ другой стороны и неизвѣстно было: занятіе ли собственно Ташкента ему не нравится,

или же онъ только боится, чтобы мы не пошли далѣе. Вскорѣ послѣ отъѣзда изъ Ташкента генерала Крыжановскаго, прибыло въ Ташкентъ письмо отъ эмира, посланное съ однимъ изъ лицъ, пользовавшихся его особенною довѣренностію и расположеніемъ—Ишанъ-Ходжою. Какъ письмо, такъ и Ишанъ-Ходжа, торжественно увѣряли генерала Черняева въ признаніи эмиромъ Ташкента русскимъ городомъ, въ искреннемъ желаніи сохранить миръ и поддерживать выгодныя для Бухары торговыя сношенія съ Россіей. При этомъ Ишанъ-Ходжа высказалъ желаніе эмира видѣть въ Бухарѣ русскихъ офицеровъ. По собраннымъ генераломъ Черняевымъ отъ преданныхъ намъ туземцевъ свѣдѣніямъ оказалось, что Ишанъ-Ходжа человѣкъ надежный, и что въ Бухарѣ о войнѣ нѣтъ никакихъ толковъ. Выгоды мира для Бухары казались такъ очевидны, уроки, данные генераломъ Черняевымъ Азіятцамъ, были, казалось, такъ назидательны, что трудно было предположить коварство со стороны эмира. Желая мира для Туркестанской области, генералъ Черняевъ, опасаясь возбудить недовѣріемъ подозрѣніе эмира и тѣмъ повредить началу устанавливавшихся хорошихъ отношеній, послѣ клятвъ Ишанъ-Ходжи, что офицеры въ назначенный срокъ вернутся цѣлы и невредимы, рѣшился отпустить ихъ въ Бухару, разчитывая притомъ, что они могутъ узнать въ подробности желанія эмира и собрать полезныя свѣдѣнія.

Вотъ сущность дѣла, какъ оно было извѣстно въ Туркестанской области всѣмъ интересовавшимся ходомъ сношеній.

Далѣе авторъ говоритъ, что для выручки посланныхъ генераломъ Черняевымъ былъ предпринятъ зимній походъ въ Джизагъ (или Джузакъ, какъ его тогда называли), „ничѣмъ не кончившійся и ничего не разрѣшившій“. Изъ этихъ словъ читателю естественно заключить, что дѣла наши послѣ Джузакскаго похода остались въ томъ же положеніи, въ какомъ были до него. Посмотримъ до какой степени это справедливо: всѣмъ служившимъ въ 1866 году въ Туркестанской области извѣстно, что эмиръ, задержавъ нашихъ офицеровъ, вошелъ въ сношенія съ владѣтелями въ Средней Азіи для образованія наступательнаго союза противъ Русскихъ; это же подтверждается помѣщенными въ *Русскомъ Инвалидѣ* записками офицера, бывшаго въ плѣну у Бухарцевъ, г. Глуховскаго. Въ это же время началась работа эмиссаровъ эмира,

проникавшихъ всюду безпрепятственно и волновавшихъ противъ насъ жителей городовъ и Киргизовъ. Эта подземная война была для насъ опаснѣе всякихъ открытыхъ военныхъ дѣйствій съ Азіятцами. При неупрочившемся нашемъ положеніи, при неустановившейся администраціи въ краѣ, и при легковѣріи Азіятцевъ, эта агитація могла намъ сдѣлать много затрудненій. Планъ эмира состоялъ въ томъ, чтобы, взволновавъ населеніе, броситься со своими союзниками на Туркестанскую область съ трехъ сторонъ: со стороны большой Сыръ-Дарьинской линіи, чрезъ Ходжентъ, и между Ташкентомъ и Туркестаномъ. Джузакскій походъ разстроилъ планы эмира: союзники его, озадаченные смѣлымъ движеніемъ генерала Черняева въ самое сердце Бухаріи, по прямому пути отъ Ташкента къ Самарканду, чрезъ степь, которую они считали непроходимою для войскъ, рѣшились выжидать развязки. Извѣстно, что и въ послѣдствіи союзниками эмира остались только Коканцы, но и тѣ дѣйствовали вяло и нерѣшительно, а хивинскій ханъ былъ до того перепуганъ яснымъ доказательствомъ, что и степи, какъ и укрѣпленія, не спасутъ его отъ Русскихъ, что рѣшился благоразумно уклониться отъ всякой помощи Бухарцамъ. Эмиръ, не ожидавшій такого быстраго и рѣшительнаго отвѣта на отказъ возвратить нашихъ офицеровъ, рѣшился отправить ихъ къ генералу Черняеву, о чемъ и извѣстилъ его особымъ письмомъ, заставшимъ Черняева на походѣ. Съ выступленіемъ отряда за Сыръ-Дарью, агитація населенія прекратилась: эмиссары эмира, съ принятіемъ военныхъ мѣръ, не могли уже такъ безпрепятственно какъ прежде проникать въ наши владѣнія; надзоръ за населеніемъ усилился, лица эти намъ неблагопріятныя постепенно были удаляемы или находились подъ строгимъ присмотромъ; волненіе стихло, и край пришелъ опять въ спокойное состояніе. Если въ послѣдствіи и было волненіе между жителями ближайшихъ къ театру военныхъ дѣйствій мѣстностей—Ташкента и Зачирчикскаго края, то оно, при принятыхъ мѣрахъ, только и ограничилось этими мѣстами, да и здѣсь, а въ особенности въ Ташкентѣ, далеко не могло уже принять тѣ размѣры, какіе, безъ сомнѣнія, имѣло бы, еслибъ агитація не была остановлена Джузакскимъ походомъ. Какъ извѣстно, Джузакскимъ походомъ офицеры наши не были выручены, но эмиръ, въ первомъ страхѣ дѣйствительно отправилъ ихъ, согласно тому, что

писалъ генералу Черняеву, изъ Бухары въ Самаркандъ (это подтверждается также упомянутыми выше записками г. Глуховскаго). Дальнѣйшее отправленіе офицеровъ было отложено эмиромъ. Убѣдившись, что генералъ Черняевъ твердо держитъ свое слово и не начинаетъ военныхъ дѣйствій, въ ожиданіи исполненія обѣщанія, эмиръ рѣшился обмануть Черняева, завѣривъ его новымъ письмомъ, что офицеры ѣдутъ и въ непродолжительномъ времени прибудутъ. Онъ разсчиталъ, что до обнаруженія обмана Черняевъ принужденъ будетъ уйдти по недостатку корма для лошадей. Обманъ этотъ былъ очень хорошо извѣстенъ всѣмъ туземцамъ, и каждый изъ нихъ зналъ, что эмиръ на этотъ разъ только коварствомъ избавился отъ бѣды. Джизакскій походъ самымъ очевиднымъ образомъ показалъ, что мы не гонимся за завоеваніями, что обѣщанія наши исполняются свято, и что несмотря на все желаніе мира, на всѣ предоставленные эмиру исходы къ установленію мирныхъ съ нами отношеній, онъ самъ вызывалъ на войну. Походъ этотъ вмѣстѣ съ тѣмъ выказалъ слабость эмира, и вызваннымъ ею обманомъ окончательно уронилъ его значеніе въ глазахъ Азіятцевъ.

Изъ изложеннаго видно, что Джузакскій походъ, разъяснивъ наши отношенія къ Бухаріи и то чего можно ожидать отъ эмира, подготовилъ и облегчилъ успѣхъ дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій. Ирджарское сраженіе было выиграно генераломъ Романовскимъ съ отрядомъ, бывшимъ подъ Джузакомъ, который и подготовлялся генераломъ Черняевымъ, и снабжался всѣмъ необходимымъ для отпора Бухарцамъ, или для дальнѣйшихъ наступательныхъ дѣйствій, смотря по обстоятельствамъ и инструкціямъ, которыя должны были получиться. Отрядъ этотъ былъ только нѣсколько усиленъ прибывшими, вслѣдствіе разъясненія нашихъ отношеній къ Бухарѣ, подкрѣпленіями. Самое освобожденіе задержанныхъ офицеровъ было облегчено Джузакскимъ походомъ: послѣ Ирджарскаго сраженія эмиръ немедленно отправилъ ихъ изъ Самарканда. Еслибъ они въ то время были еще въ Бухарѣ, то озлобленіе Бухарцевъ за Ирджарскій погромъ, или новая перемѣна въ намѣреніяхъ эмира могли отдалить освобожденіе и даже лишить насъ задержанныхъ офицеровъ.

Что касается до донесенія Якубъ-Бека о томъ, что мы ушли съ „бритыми бровями“, то распространяться объ

этомъ было бы излишне: кому неизвѣстны хвастливыя донесенія и воззванія Азіятцевъ: таковы документы въ этомъ родѣ Турокъ, Персіянъ, Китайцевъ, разныхъ бывшихъ владыкъ на Кавказѣ. Много образчиковъ въ этомъ родѣ можно найдти въ архивахъ дѣлъ о военныхъ дѣйствіяхъ съ Азіятцами: еще большее число ихъ брошено или уничтожено, какъ ни къ чему не пригодный и не удивляющій даже новизною матеріалъ. Сами Азіятцы хорошо знаютъ цѣну своимъ донесеніямъ: конечно, ни Якубъ-Бекъ, писавшій донесеніе, ни эмиръ читавшій его, не вѣрили тому что пишется и читается. Это донесеніе, на которое бы не было обращено, какъ и слѣдуетъ, никакого вниманія, сдѣлалось извѣстнымъ только потому, что генералъ Черняевъ, узнавъ о немъ, самъ первый всѣмъ его разказывалъ и смѣялся надъ тѣмъ какъ пишутъ въ Бухаріи исторію.

Далѣе, авторъ говоритъ, что эмиръ, сильно ободренный мнимымъ успѣхомъ, самъ перешелъ въ наступленіе, собралъ многочисленныя полчища и двинулся къ Сыръ-Дарьѣ. Какъ уже сказано, не только эмиръ, но самый послѣдній изъ его подданныхъ знали, что „успѣхомъ“ они обязаны единственно обману, а такой успѣхъ, конечно, не могъ никого ободрить. Наступательныя дѣйствія были предприняты эмиромъ вслѣдствіе давно задуманнаго плана. Джузакскій походъ только ускорилъ развязку, и благодаря ему, полчища эмира были не такъ многочисленны, какъ были бы безъ него, и намѣренія эмира, ясно обрисовавшіяся, застали насъ не врасплохъ, а вполнѣ готовыхъ къ военнымъ дѣйствіямъ.

Нельзя также согласиться съ авторомъ, что одною изъ причинъ осенней экспедиціи 1866 г. было желаніе обезпечить Ташкентъ отъ нападенія Бухарцевъ и исправить нашу границу. Граница наша по рѣкѣ Сыръ-Дарьѣ была капитально исправлена или, лучше сказать, закончена взятіемъ Ходжента. Для полнаго обезпеченія Ташкента и всего края достаточно было бы возвести нѣсколько небольшихъ укрѣпленій по рѣкѣ Сыръ-Дарьѣ, что и было начато генераломъ Черняевымъ постройкой Чиназскаго укрѣпленія. Главное обезпеченіе Ташкента должно заключаться въ устройствѣ края. Эмиръ никогда бы не дерзнулъ подумать о переходѣ за Сыръ-Дарью, еслибы не разчитывалъ на поддержку въ краѣ, которой онъ былъ бы лишенъ при установленіи правильной и твердой администраціи, что, конечно, нельзя было сдѣлать

вдругъ, въ первое же время покоренія. Вѣрнѣе предположить, что осенняя экспедиція 1866 года имѣла цѣлію разстроить военныя приготовленія эмира и принудить его къ заключенію условій, которыя обезпечивали бы нашу торговлю съ Бухаріей, подобно тому какъ въ настоящее время заключены условія съ Коканомъ. Это предположеніе подтверждается и тѣмъ, что, по словамъ же автора, велись переговоры, къ которымъ нечего было бы прибѣгать, еслибы была сознана необходимость исправленія нашей границы.

НИКОЛАЙ РЕНЕНКАМПФЪ.

20-го іюня 1868 г.
Г. Бобруйскъ.

ВЪ КОНТОРѢ ТИПОГРАФІИ

МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ПРОДАЮТСЯ:

I.

ПОЛНЫЙ ЛАТИНСКІЙ СЛОВАРЬ,

составленный по современнымъ словарямъ Ананьевымъ, Яснецкимъ и Лебединскимъ, изданный

П. ЛЕОНТЬЕВЫМЪ.

Въ этомъ словарѣ помѣщены всѣ слова, находящіяся въ сочиненіяхъ латинскихъ писателей, начиная съ древнѣйшихъ памятниковъ римской письменности до конца шестаго столѣтія по Р. Х., а равно всѣ собственныя имена (миѳологическія, историческія и географическія) изъ сочиненій Цицерона, Цезаря, Саллюстія, Непота, Ливія, Виргилія, Горація и Овидія.

II.

СОКРАЩЕННЫЙ ЛАТИНСКІЙ СЛОВАРЬ

Ананьева, Яснецкаго и Лебединскаго, изданный

П. ЛЕОНТЬЕВЫМЪ.

Этотъ словарь есть сокращеніе предыдущаго словаря. Слова и обороты, находящіеся въ сочиненіяхъ латинскихъ писателей такъ-называемыхъ золотаго и серебрянаго вѣка, за исключеніемъ лишь сочиненій спеціальнаго содержанія (какъ напримѣръ Varronis de re rustica, Vitruvii de architectura, Celsii de medicina, Plinii Naturalis Historia), а равно собственныя имена изъ сочиненій Цицерона, Цезаря, Саллюстія, Непота, Ливія, Виргилія, Горація и Овидія, объяснены въ сокращенномъ словарѣ столь же подробно какъ и въ полномъ. Кромѣ того, для употребленія книги въ духовныхъ училищахъ, въ сокращенномъ словарѣ удержаны слова, встрѣчающіяся у отцовъ западной церкви или такъ-называемыхъ церковныхъ писателей.

Полный словарь заключаетъ въ себѣ 910 страницъ въ четвертку, въ три столбца, по 78 строчекъ въ столбцѣ. Сокращенный 1.130 страницъ въ восьмушку, въ два столбца, по 65 строчекъ въ столбцѣ.